

ст. А-3247Г

22415
22

СБОРНИКЪ

Учено - Литературнаго

Общества

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Юрьевскомъ Университетѣ.

Томъ ХХІІ.

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
135298

ЮРЬЕВЪ.
Типографія К. Маттисена.
1916.

Печатано по опредѣленію Учено-Литературнаго Общества при
Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества:

проф. М. Красноженъ.

2st.

11853

43257562

Содержаніе.

	Стр.
О т д ѣ л ь о ф ф и ц и а л ь н ы й.	
Отчетъ о дѣятельности Общества за 1912—1913 г.	
I. Засѣданія Общества	VII.
II. Совѣтъ Общества	IX.
III. Касса Общества	X.
IV. Смѣта на 1913—1914 г.	X.
V. Протоколъ Ревизіонной Комиссіи	XI.
VI. Отчетъ о состояніи бібліотеки Общества	XI.
Отчетъ о дѣятельности Общества за 1914—1915 г.	
I. Засѣданія Общества	XIII.
II. Совѣтъ Общества	XV.
III. Касса Общества	XV.
IV. Смѣта на 1915—1916	XVI.
V. Протоколъ Ревизіонной Комиссіи	XVI.
VI. Отчетъ о состояніи бібліотеки Общества	XVII.
VII. Списокъ члены Общества	XVIII.
VIII. Совѣтъ общества на 1915—1916 г.	XXII.
О т д ѣ л ь н а у ч н ы й.	
1. Проф. Н. К. Грунскій. Характеръ нашихъ руководствъ по педагогикѣ и желательныя измѣненія въ этихъ руководствахъ	1—18.
2. Проф. Е. А. Бобровъ. Изъ исторіи французской педагогики (Рабле, Монтань, Руссо)	19—66.
3. Проф. М. Е. Красноженъ. Церковное управленіе	67—148.
4. Проф. Е. А. Бобровъ. Къ исторіи одного сюжета въ повѣстяхъ гр. Льва Толстого	149—178.
П р и л о ж е н і я.	
1. Содержаніе XVIII—XXII томовъ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.	
2. Изъ университетской лѣтописи 1915—1916 г.	1—34.

Отдѣлъ оѳфициальный.

Отчетъ

о дѣятельности Учено-Литературнаго Общества при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ
за 1912—1913 г. (до 27 апр. 1914 г.).

I. Засѣданія Общества.

Въ истекшемъ шестнадцатомъ году своего существованія Учено-Литературное Общество имѣло, кромѣ годичнаго засѣданія, два закрытыхъ и пять открытыхъ засѣданій.

Въ годичномъ (закрытомъ) засѣданіи 10 марта 1913 года былъ заслушанъ отчетъ о дѣятельности Общества за 1911—1912 годъ, а равно и отзывъ ревизіонной комиссіи, отъ 18 ноября 1912 года, состоявшей изъ членовъ Общества — протоіерея А. С. Царевскаго, Н. Н. Бѣлявскаго и М. Н. Крашенинникова, и было постановлено: утвердить этотъ отчетъ и смѣту расходовъ на 1912—1913 годъ, составленную казначеемъ Общества и благодарить членовъ ревизіонной комиссіи.

Въ томъ-же засѣданіи было рассмотрѣно предложеніе члена Общества Г. Г. Сумакова объ измѣненіи текста повѣстки о годичномъ засѣданіи, въ смыслѣ большого удобства гг. членовъ Общества и гостей, посѣщающихъ назначенное засѣданіе. При этомъ было постановлено: начинать открытое засѣданіе, согласно указанію на повѣсткѣ.

Кромѣ сего, въ годичномъ засѣданіи было принято предложеніе предсѣдателя Общества и редактора Сборника, профессора М. Е. Красножена, просить типографію К. Матисена незамедлительно печатать статьи, помѣщенныя въ „Сборникѣ“, въ противномъ случаѣ уполномочить Совѣтъ Общества принять мѣры къ перенесенію печатанія „Сборника“ въ другую типографію.

Затѣмъ, въ годичномъ засѣданіи были произведены вы-

боры должностныхъ лицъ Общества на 1912—1913 годъ. Выбранными оказались слѣдующіе члены Общества: предсѣдателемъ — М. Е. Красноженъ, товарищемъ предсѣдателя — В. Г. Алексѣевъ, секретаремъ — С. К. Богушевскій, казначеемъ — В. Г. Вознесенскій, членами Совѣта — Н. К. Грунскій, І. І. Змигродскій и Я. И. Лаутенбахъ, бібліотекаремъ — Я. И. Лаутенбахъ. Членами ревизіонной комиссіи избраны: протоіерей А. С. Царевскій, Н. Н. Бѣлявскій и Е. А. Гравить.

Въ закрытомъ засѣданіи Общества 9 декабря 1913 г. въ дѣйствительные члены Общества избраны: инспекторъ народныхъ училищъ Юрьевского раіона Сергѣй Петровичъ Сахаровъ и директоръ Юрьевской гимназіи Императора Александра І-го Благословеннаго Григорій Васильевичъ Барховъ.

Въ закрытомъ засѣданіи Общества 14 марта 1914 г. въ дѣйствительные члены Общества избраны: дочь ректора Императорскаго Юрьевского Университета, Марія Виссаріоновна Алексѣева; профессора этого университета Василій Эдуардовичъ Регель и Борисъ Владимировичъ Никольскій и преподаватель словесности Анатолій Александровичъ Александровъ.

Къ концу отчетнаго года дѣйствительными членами Общества состояло 73 лица; въ томъ числѣ преподавателей университета — 27, Юрьевского Ветеринарнаго Института — 4; другихъ лицъ — 42. Дѣйствительныхъ членовъ, живущихъ въ г. Юрьевѣ — 44, въ другихъ городахъ — 29. Кромѣ того, три лица состоятъ почетными членами Общества.

Въ пяти открытыхъ засѣданіяхъ Общества было сдѣлано 7 сообщеній; нѣкоторые изъ нихъ подлежали обсужденію какъ со стороны членовъ Общества, такъ и со стороны гостей.

Сообщенія сдѣлали слѣдующіе члены Общества:

1-ое засѣданіе — 10 марта 1913 г.

Н. К. Грунскій. — Педагогическіе взгляды Л. Н. Толстого.

2-ое засѣданіе — 21 ноября 1913 г.

Н. К. Грунскій: 1) Изъ области новѣйшихъ теченій въ русской педагогической литературѣ и 2) Синтаксическій строй древне-церковно-славянскаго языка.

3-е засѣданіе — 9 декабря 1913 г.

С. П. Сахаровъ. — О реформѣ церковнаго суда (по поводу работъ Предсоборнаго Присутствія).

М. А. Тростниковъ. — Объ учебникахъ (по русскому языку) для IV кл. средне-учебныхъ заведеній.

4-ое засѣданіе — 14 марта 1914 г.

Н. К. Грунскій. — Идеи свободнаго воспитанія.

5-ое засѣданіе — 22 марта 1914 г.

Б. В. Никольскій. — Основные Законы Россійской Имперіи и Самодержавіе.

II. Совѣтъ Общества.

Совѣтъ Общества имѣлъ 8 засѣданій: въ 1912 году — 19 февраля, 17 октября, 11 ноября и 9 декабря; въ 1913 году — 9 февраля и 14 ноября и въ 1914 году — 30 марта и 27 апрѣля. Въ этихъ засѣданіяхъ обсуждались вопросы, касающія текущихъ нуждъ Общества:

1. Въ видахъ увеличенія средствъ Общества, Совѣтъ входилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ о субсидіи, и таковая была разрѣшена, въ видѣ единовременнаго пособія въ 500 рублей, на изданіе трудовъ Общества.

2. Совѣтъ принималъ мѣры къ распространенію первыхъ 18 томовъ Сборника отдачей ихъ на комиссію въ книжные магазины, а также высылкой ихъ въ учебныя заведенія, выписывавшія ихъ для своихъ библиотекъ.

3. Совѣтъ обращался къ разнымъ учрежденіямъ и редакціямъ съ просьбой объ обмѣнѣ изданіями. Такимъ образомъ Общество получало различныя періодическія изданія и отдѣльныя сочиненія, перечисленныя въ этомъ отчетѣ.

4. Совѣтъ исполнялъ возложенное на него порученіе Общества завѣдывать печатаніемъ трудовъ Общества въ издаваемомъ имъ Сборникѣ. Въ истекшемъ году выпущены XIX и XX томы Сборника, редактированіе которыхъ принялъ на себя предсѣдатель Общества.

Ш. Касса

**Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОР-
СКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ за время съ
18 ноября 1912 года по 27 апрѣля 1914 года.**

Приходъ:

1. Остатокъ отъ предыдущаго 1911/12 года	742 руб. 39 коп.
2. Вновь поступило:	
а) отъ Правленія Университета	400 " — "
б) отъ Министерства Народн. Просвѣщ.	500 " — "
в) членскихъ взносовъ	24 " — "
г) %/о по сберегат. книжкѣ Общества	33 " 95 "
	1700 руб. 34 коп.

Расходъ:

1. На уплату авторскаго гонорара	378 руб. 50 коп.
2. За напечатаніе Сборниковъ Учено-Лит. Общества	951 " 56 "
3. На покупку книгъ для библіотеки Общ.	34 " 36 "
4. На поздравительную телеграмму проф. Боброву	1 " 95 "
	1366 руб. 37 коп.
Остается въ кассѣ Общ. къ 27 апр. 1914 г.	333 " 97 "

Казначей Общества В. Вознесенскій.

IV. Смѣта на 1913/14 годъ.

Приходъ:

Остатокъ отъ предыдущаго 1912/13 года	333 руб. 97 коп.
%/о по сберегательной книжкѣ Общества	15 " — "
Членскихъ взносовъ	24 " — "
Пособіе отъ Правленія Имп. Юрьевск. Унив.	400 " — "
	Итого 772 руб. 97 коп.

Расходъ:

Издание Сборника въ 1913/14 году . . .	1000 руб. — коп.
На покупку книгъ для библиотеки Общ. .	100 „ — „
Переплеть книгъ и бронировка Сборника	50 „ — „
Печатаніе объявленій, почтов. и др. расходы	35 „ — „
	Итого 1185 руб. — коп.

Казначей Общества: В. Вознесенскій.

V. Протоколъ засѣданія

**ревізійной комиссіи Учено-Литературнаго Общества
при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ
27 апрѣля 1914 года.**

Ревизіонная комиссія, разсмотрѣвъ и провѣривъ всѣ документы по кассѣ, а равно состояніе кассы Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ за время съ 19 ноября 1912 г. по 27 апрѣля 1914 г., нашла, что книги и отчетность по приходу и расходу ведутся правильно и находятся въ надлежащемъ порядкѣ и исправности. Къ 27 апрѣля 1914 г. въ кассѣ Общества имѣется остатокъ триста тридцать три руб. 97 коп.

Городъ Юрьевъ, 27 апрѣля 1914 г.

Члены ревізійной комиссіи:

Пр. А. Царевскій.

Е. Гравитъ.

VI. Отчетъ

о состояніи библиотеки Общества.

Къ 27 апрѣля 1914 г. въ библиотекѣ Учено-Литературнаго Общества состояло:

Книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ оттисковъ 189 названія въ 206 экземплярахъ и томахъ.

Энциклопедическій словарь 82 т. и 3 дополнительныхъ.
Періодическихъ изданій и сборниковъ въ 795 № №
Въ отчетномъ году было выдано 5 книгъ.

Въ 1912/13 году въ бібліотеку Общества поступили
слѣдующія книги:

Antiquariats-Katalog № 9: Polen, Russland — Südslavi-
sche Länder.

Ө. М. Бодянскій. Житіе Θεодосія Игумена Печерскаго.
Москва, 1913.

Ө. М. Бодянскій. Пандектъ Монаха Антіоха. Москва, 1913.

Памятная Книжка и Адресъ-Календарь Лифляндской гу-
берніи на 1913 г.

Періодическія изданія:

Варнавскія Университетскія Извѣстія.

Вѣстникъ „Народнаго Дома“. Львовъ, 1912 и 1913.

Вѣстникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Обще-
ства 1913 г.

Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета
историко-филологическаго факультета. Одесса, 1913.

Записки Общества Исторіи, Филологіи и Права при Импе-
раторскомъ Варнавскомъ Университетѣ.

Извѣстія Историко-Филологическаго Института князя Без-
бородко въ Нѣжинѣ.

Мінерва. Кіевъ, 1913 г.

Просвіта. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологиче-
скаго Общества. Харьковъ, 1911.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Император-
скомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Университетскія Извѣстія. Кіевъ, 1912 и 1913.

Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Уни-
верситета.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Дре-
вностей Россійскихъ.

Отчетъ

о дѣятельности Учено-Литературнаго Общества при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ
за 1914—1915 г.

I. Засѣданія Общества.

Въ переживаемое нашимъ Отечествомъ и, въ частности, Прибалтійскою окраиною земли Русской, находящеюся въ непосредственной близости къ театру военныхъ дѣйствій, страдное боевое время Учено-Литературное Общество продолжало выполнять, по мѣрѣ силъ, свои задачи и посвятило своимъ дѣламъ, кромѣ годичнаго (закрытаго) засѣданія, 4 открытыхъ засѣданій.

Въ годичномъ засѣданіи, 26 мая 1914 года, былъ заслушанъ отчетъ о дѣятельности Общества за 1912—1914 г., а также отзывъ ревизіонной комиссіи, состоявшей изъ членовъ Общества — А. С. Царевскаго и Е. А. Гравита, и было постановлено: утвердить этотъ отчетъ и смѣту расходовъ на слѣдующій годъ, составленную казначеемъ Общества и благодарить ревизіонную комиссію.

Въ томъ-же засѣданіи было заслушано предложеніе Совета Общества объ избраніи, согласно представленію проф. М. Е. Красножена, товарища председателя Общества В. Г. Алексѣева въ почетные члены Учено-Литературнаго Общества. По произведенной закрытой баллотировкѣ, В. Г. Алексѣевъ единогласно избранъ почетнымъ членомъ Учено-Литературнаго Общества.

Затѣмъ, въ годичномъ засѣданіи были произведены выборы должностныхъ лицъ Общества на 1914—15 г.; выбранными оказались слѣдующіе члены Общества: председателемъ

— М. Е. Красноженъ, товарищемъ предсѣдателя Е. В. Пѣтуховъ, секретаремъ — С. К. Богушевскій, казначеемъ — В. Г. Вознесенскій, членами Совѣта — Б. В. Никольскій, І. І. Змигродскій и Н. К. Грунскій, бібліотекаремъ — Я. И. Лаутенбахъ. Членами ревизионной комиссіи избраны: А. С. Царевскій, В. Г. Алексѣевъ и П. П. Граве.

Въ томъ-же засѣданіи Общества въ дѣйствительные члены Общества избранъ профессоръ Юрьевского университета М. И. Догель.

Къ концу отчетнаго года дѣйствительными членами Общества состоятъ 74 лица; въ томъ числѣ преподавателей: университета — 32, Юрьевского ветеринарнаго института — 4 и другихъ лицъ — 38. Дѣйствительныхъ членовъ живущихъ въ г. Юрьевѣ — 42, въ другихъ городахъ — 32.

Кромѣ того, четыре лица состоятъ почетными членами Общества.

Въ 4 открытыхъ засѣданіяхъ Общества было сдѣлано 5 сообщеній, и нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній подлежали обсужденію какъ со стороны членовъ Общества, такъ и со стороны посѣтителей.

Сообщенія сдѣлали слѣдующіе члены Общества:

1-ое засѣданіе — 26 мая 1914 г.

М. Е. Красноженъ. — Судьбы Македоніи.

2-ое засѣданіе — 5 октября 1914 г.

Е. А. Бобровъ. — М. Ю. Лермонтовъ и Гр. В. А. Сологубъ.

3-е засѣданіе — 30 ноября 1914 г.

1) В. В. Богачевъ. — Біологическій законъ и наблюденія надъ духовнымъ развитіемъ ребенка.

2) С. П. Сахаровъ. — О церковномъ приходѣ.

4-ое засѣданіе — 25 апрѣля 1915 г.

В. В. Зестъ. — Учебная лабораторія умственно отстаго ребенка.

II. Совѣтъ Общества.

Совѣтъ Общества имѣлъ 5 засѣданій: въ 1914 году — 5 октября и 30 ноября; въ 1915 г. — 25 апрѣля, 6 сентября и 23 ноября. Въ этихъ засѣданіяхъ обсуждались вопросы, касающіеся текущихъ нуждъ Общества.

1. Въ видахъ увеличенія средствъ Общества, Совѣтъ входилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ о субсидіи, и таковая была разрѣшена, въ видѣ единовременнаго пособия въ 500 рублей, на изданіе трудовъ Общества.

2. Совѣтъ принималъ мѣры къ распространенію вышедшихъ во свѣтъ томовъ Сборника отдачей ихъ на комиссію въ книжные магазины, а также высылкой ихъ въ учебныя заведенія, выписывавшія ихъ для своихъ библіотекъ.

3. Совѣтъ обращался къ разнымъ учрежденіямъ и редакціямъ съ просьбой объ обмѣнѣ изданіями. Такимъ образомъ Общество получало различныя періодическія изданія и отдѣльныя сочиненія, перечисленныя въ этомъ отчетѣ.

4. Совѣтъ исполнялъ возложенное на него порученіе Общества завѣдывать печатаніемъ трудовъ Общества въ издаваемомъ имъ Сборникѣ. Въ истекшемъ году выпущенъ XXI томъ Сборника, редактированіе котораго принялъ на себя предсѣдатель Общества.

III. Касса

Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ за время съ 27 апрѣля 1914 года по 23 ноября 1915 года.

Приходъ:

1. Оставалось отъ предыдущаго года къ 27 апр.			
1914 года		333 руб.	97 коп.
2. Вновь поступило:			
а) пособия отъ Минист. Народн. Просв.	500	"	— "
б) Членскихъ взносов	9	"	— "
в) % % по книжкѣ сберегат. кассы. .	12	"	30 "
г) пособия отъ Имп. Юрьевск. Универ.	400	"	— "
		<hr/>	
		Итого	1255 руб. 27 коп.

Расходъ:

1. На уплату гонорара	306 руб. — коп.
2. Типографскіе расходы	317 " 54 "
3. Мелочные расходы	3 " 24 "
	<hr/>
	Итого 626 руб. 78 коп.

Остается отъ 23 ноября . . . . . 628 руб. 49 коп.

Остатокъ этотъ составляетъ:

1. По книжкѣ сберегательной кассы	614 руб. 15 коп.
2. На рукахъ у казначея	14 " 34 "
	<hr/>
	Итого 628 руб. 49 коп.

Казначей Общества: В. Вознесенскій.

IV. СМѢТА НА 1916/16 ГОДЪ.

Приходъ:

Остатокъ отъ предыдущаго года	628 руб. 49 коп.
Членскихъ взносов	30 " — "
Пособіе отъ Правленія Университета	400 " — "
Пособіе отъ Министерства Народн. Просвѣщ.	500 " — "
	<hr/>
	Итого 1558 руб. 49 коп.

Расходъ:

На изданіе Сборника Учено-Лит. Общества	1400 руб. — коп.
На покупку книгъ	100 " — "
Переплетъ книгъ и бронировка	100 " — "
Почтовые и другіе расходы	50 " — "
	<hr/>
	Итого 1650 руб. — коп.

V. Протоколъ засѣданія

**ревізійной комиссіи Учено-Литературнаго Общества
при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ
23 ноября 1915 года.**

Ревизіонная комиссія, рассмотрѣвъ и провѣривъ всѣ
счета приходо-расходной книги, документы по кассѣ, а равно

и состояніе кассы Учено-Литературнаго Общества, нашла, что всѣ книги и отчетность по кассѣ ведутся согласно Уставу Общества въ надлежащемъ порядкѣ и исправности. Все имущество найдено въ цѣлости и сохранности.

Веденіе книгъ гг. секретаремъ и библіотекаремъ признано правильнымъ. Согласно документамъ въ кассѣ оказалось: по приходу — 1255 руб. 27 коп., по расходу — 626 руб. 78 коп., остатокъ къ 23 ноября 1915 г. — 628 руб. 49 коп. Изъ нихъ по книжкѣ Государственной Сберегательной Кассѣ за № 61540 — 614 руб. 15 коп. и на рукахъ г. казначея — 14 руб. 34 коп.

1) При этомъ ревизіонная комиссія считаетъ своимъ долгомъ указать, что членскіе взносы за отчетный годъ поступали весьма слабо (лишь три взноса).

2) Ревизіонная комиссія выражаетъ пожеланіе, чтобы разсылка трудовъ Общества происходила аккуратнѣе.

Члены ревизіонной комиссіи:

Пр. А. Царевскій.

В. Алексѣевъ.

П. Граве.

Городъ Юрьевъ, 23 ноября 1915 г.

VI. Отчетъ

о состояніи библіотеки Общества.

Къ 23 ноября 1915 г. въ библіотекѣ Учено-Литературнаго Общества состояло:

Книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ оттисковъ 188 названій, въ 205 экземплярахъ и томахъ.

Энциклопедическій словарь 82 т. и 3 дополнительныхъ.

Періодическихъ изданій и сборниковъ въ 804 №№

Въ отчетномъ году было выдано 10 книгъ.

Въ 1913/14 году въ библіотеку Общества поступили слѣдующія книги:

Обзоръ Эстляндской губерніи за 1911 и 1912 годы.

Памятная книжка и Адресъ-Календарь Лифляндской губерніи на 1914 г.

Періодическія изданія:
 Варшавскія Университетскія Извѣстія.
 Вѣстникъ „Народнаго Дома“.
 Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета
 Историко-Филологическаго Факультета.
 Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Импера-
 торскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.
 Университетскія Извѣстія. Кіевъ.
 Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Уни-
 верситета.
 Читенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Дре-
 вностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.
 Читенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кіевъ.

VII. СПИСОКЪ

членовъ Общества къ 23 ноября 1915 г. *)

Почетные члены:

1. *Никитскій, Александръ Васильевичъ, бывший попе-
 читель Оренбургскаго Учебнаго Округа (д. членомъ Об-
 щества состоитъ съ 27 апрѣля 1897 г., почетнымъ — съ
 2 марта 1902 года).
2. *Князь Голицынъ, Димитрій Петровичъ, членъ Госу-
 дарственнаго Совѣта (съ 23 октября 1904 г.).
3. *Мальмбергъ, Владимиръ Константиновичъ, заслужи-
 ный профессоръ Московскаго университета (д. членомъ
 Общества состоитъ съ 23 октября 1897 г., почетнымъ —
 съ 28 октября 1907 г.).
4. Алексѣевъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, членъ Совѣта
 Министра Народнаго Просвѣщенія, ординарный профес-
 соръ Юрьевскаго университета (д. членомъ Общества
 состоитъ съ 20 окт. 1897 г.; почетнымъ членомъ — съ
 26 мая 1914 г.).

Дѣйствительные члены:

1. *Александровъ, Анатолій Александровичъ (съ 30
 ноября 1914 г.).
2. *Алексѣева, Марія Виссаріоновна (съ 14 марта 1914 г.).

*) Звѣздочкой обозначены гг. иногородные члены.

3. *Ардашевъ, Павелъ Николаевичъ, профессоръ университета (съ 24 ноября 1901 г.).
4. Афанасьевъ, Вячеславъ Алексѣевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
5. Бабановъ, Захарій Григорьевичъ, Юрьевскій отдѣльный цензоръ (съ 1 мая 1904 г.).
6. Барховъ, Григорій Васильевичъ, директоръ гимназій Императора Александра I Благословеннаго (съ 9 декабря 1913 г.).
7. *Бобровъ, Евгенийъ Александровичъ, профессоръ университета (съ 15 октября 1906 г.).
8. Богачевъ, Владимиръ Владимировичъ, приватъ-доцентъ (съ 1 марта 1910 г.).
9. Богушевская, Людмила Сергѣевна, жена профессора университета (съ 23 октября 1897 г.).
10. Богушевскій, Сергѣй Казиміровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
11. *Бояриновъ, Порфирій Ивановичъ, директоръ гимназій (съ 2 апрѣля 1905 г.).
12. *Бѣлявскій, Николай Николаевичъ, директоръ Центрального статистическаго Комитета, профессоръ Императорскаго Училища Правовѣднія (съ 23 октября 1897 г.).
13. Вознесенскій, Василій Гавриловичъ, секретарь Совѣта Юрьевскаго университета (съ 26 октября 1902 г.).
14. *Воищевъ, Николай Федоровичъ (съ 1 марта 1910 г.).
15. Гаппихъ, Карлъ Карловичъ, профессоръ Юрьевскаго ветеринарнаго института (съ 29 мая 1899 г.).
16. Граве, Платонъ Платоновичъ, профессоръ университета (съ 14 ноября 1904 г.).
17. *Гравптъ, Ермолай Ананьевичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 29 января 1898 г.).
18. *Грѣдингеръ, Михаилъ Юсифовичъ, членъ Рижскаго окружнаго суда (съ 29 ноября 1903 г.).
19. *Грунскій, Николай Кузьмичъ, профессоръ университета св. Владимира (съ 15 ноября 1903 г.).
20. *Дависъ, Иванъ Ивановичъ (съ 22 октября 1898 г.).
21. *Данилевичъ, Василій Ефимовичъ, приватъ-доцентъ (съ 23 октября 1897 г.).
22. Догель, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ университета (съ 26 мая 1914 г.).

23. *Заицъ, Василій Осиповичъ, директоръ Полангенской гимназіи (съ 26 марта 1898 г.).
24. *Зеленинъ, Дмитрій Константиновичъ (съ 23 октября 1904 г.).
25. Змигродскій, Іосифъ Іосифовичъ, старшій бібліотекаръ бібліотеки Императорскаго Юрьевскаго Университета (со 2 марта 1902 г.).
26. Золотаревъ, Дмитрій Николаевичъ, преподаватель гимназіи (съ 29 мая 1899 г.).
27. *Ивановъ, Николай Ивановичъ, директоръ гимназіи (съ 19 декабря 1897 г.).
28. Игнатовскій, Афанасій Сергѣевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
29. *Калининъ, Иванъ Петровичъ, инженеръ Путей Сообщенія, преподаватель въ Институтъ П. С. (съ 1 мая 1904 г.).
30. *Киприановичъ, Николай Яковлевичъ (съ 10 мая 1898 г.).
31. Кондаковъ, Иванъ Лаврентьевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
32. Красноженъ, Михаилъ Егоровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
33. *Красноженъ, Александръ Михайловичъ, дѣлопроизводитель канцеляріи Государственной Думы и Всероссійскаго Земскаго Союза (съ 14 ноября 1908 г.).
34. Крашенинниковъ, Михаилъ Никитичъ, профессоръ университета (съ 5 марта 1898 г.).
35. *Кузнецовъ, Степанъ Васильевичъ, окружной инспекторъ Оренбургскаго учебнаго округа (съ 15 декабря 1901 года).
36. Курчинскій, Василій Палладіевичъ, профессоръ университета (съ 13 октября 1897 г.).
37. Лавровъ, Давидъ Мелитоновичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
38. Лаутенбахъ, Яковъ Инджевичъ, лекторъ и приватъ-доцентъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
39. *Лопаревъ, Хрсанфъ Меодіевичъ, бібліотекаръ Императорской публичной бібліотеки (съ 30 ноября 1915 г.).
40. *Любимовъ, Григорій Николаевичъ, директоръ Петроградскаго 3-го реальнаго училища (съ 23 октября 1904 г.).

41. Момоть, Иванъ Васильевичъ, директоръ народныхъ училищъ Курляндской губерніи (съ 30 ноября 1915 г.).
42. Невзоровъ, Александръ Серафимовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
43. Неготинъ, Яковъ Кузьмичъ, профессоръ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 22 октября 1898 г.).
44. Никольскій, Борисъ Владимировичъ, профессоръ университета (съ 14 марта 1914 г.).
45. Озе, Яковъ Фридриховичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
46. *Поляковъ, Петръ Андреевичъ, профессоръ университета (съ 24 февраля 1904 г.).
47. *Проданъ, Исидоръ Саввичъ, привать-доцентъ Харьковскаго университета (съ 30 сентября 1899 г.).
48. Пучковскій, Николай Ефимовичъ, профессоръ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 1 марта 1910 г.).
49. Пѣтуховъ, Евгенийъ Вячеславовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
50. Регель, Василий Эдуардовичъ, профессоръ университета (съ 14 марта 1914 г.).
51. Ростовцевъ, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
52. Руцкій, Петръ Григорьевичъ, директоръ народныхъ училищъ Лифляндской губерніи (съ 9 февраля 1909 г.).
53. *Сахаровъ, Иванъ Ильичъ, учитель гимназіи (съ 30 сентября 1899 г.).
54. Сахаровъ, Сергѣй Петровичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 9 декабря 1913 г.).
55. Свѣчниковъ, Петръ Николаевичъ, инспекторъ народныхъ училищъ Юрьевского уѣзда (съ 26 окт. 1902 г.).
56. Скрябинъ, Николай Александровичъ (съ 29 янв. 1898 г.).
57. Спасскій, Монидъ Григорьевичъ, профессоръ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 1 марта 1910 г.).
58. Срезневскій, Борисъ Измайловичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
59. Столяровъ, Михаилъ Николаевичъ, наставникъ Юрьевской учительской семинаріи (съ 5 марта 1898 г.).
60. *Сумаковъ, Григорій Григорьевичъ, преподаватель гимназіи (съ 18 октября 1910 г.).
61. Томсонъ, Арведъ Ивановичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

62. Третьяковъ, Михаилъ Константиновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 26 октября 1902 г.).
63. Троицкій, Алексѣй Николаевичъ, директоръ Юрьевской учительской семинаріи (съ 16 мая 1900 г.).
64. *Тростниковъ, Михаилъ Адриановичъ (съ 1 мая 1904 г.).
65. *Трутовскій, Владимиръ Константиновичъ, секретарь Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества (съ 30 октября 1898 г.).
66. *Хвольсонъ, Владимиръ Даниловичъ, присяжный повѣренный (съ 30 октября 1899 г.).
67. Царевскій, Арсеній Семеоновичъ, митрофорный протоіерей, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
68. *Чирвинскій, Станиславъ Іосифовичъ, профессоръ Московскаго университета (съ 5 марта 1898 г.).
69. Шалландъ, Левъ Адамировичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
70. *Шаталовъ, Иванъ Лонгиновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 23 октября 1897 г.).
71. *Шаталовъ, Трофимъ Лонгиновичъ, учитель коммерческаго училища (съ 18 марта 1899 г.).
72. Широкогоровъ, Иванъ Ивановичъ, привать-доцентъ (съ 29 ноября 1903 г.).
73. Юркатамъ, Иванъ Алексѣевичъ, учитель начального при учительской семинаріи училища (съ 22 октября 1898 г.).
74. *Ясинскій, Антонъ Никитичъ, директоръ Педагогическаго Института въ Москвѣ (съ 27 апрѣля 1897 г.).

VIII. Совѣтъ Общества на 1916/16 г.

(избранъ въ годичномъ засѣданіи 30 ноября 1915 г.)

Предсѣдатель — М. Е. Красноженъ.

Товарищъ Предсѣдателя — В. Г. Алексѣевъ.

Секретарь — С. К. Богушевскій.

Казначей — С. П. Сахаровъ.

Члены Совѣта — І. І. Змигродскій, В. Г. Вознесенскій, Б. В. Никольскій.

Библіотекаръ — Я. И. Лаутенбахъ.

Члены ревизіонной комиссіи — А. С. Царевскій, П. П. Граве и М. Н. Крашенинниковъ.

Отдѣлъ научный.

Характеръ нашихъ руководствъ по педагогикѣ и желательныя измѣненія въ этихъ руковод- ствахъ.

Область педагогики какъ теоріи очень обширна. Эта теорія основывается на томъ комплексѣ наукъ, которыя составляютъ антропологию. Уже изъ одного этого видно, что составленіе учебника по педагогикѣ должно представить неопределимыя затрудненія. Какъ, дѣйствительно, можно влить въ небольшія рамки руководства то огромное содержаніе, которое обуславливается предметомъ? Если же дать очеркъ антропологии, то не будетъ выполнена цѣль учебника. Говоря о трудности составленія учебника по педагогикѣ, надо именно подчеркивать особое положеніе этого предмета. Учебникъ по исторіи, географіи и др. вводитъ учащагося въ область содержанія того или другого предмета, но учебникъ по педагогикѣ долженъ вводить не только въ содержаніе своего предмета, но и ознакомить учащагося съ умѣньемъ приспособить теорію къ практикѣ. Въ данномъ случаѣ вліяетъ особое положеніе педагогики, на которую мы обыкновенно смотримъ съ практической точки зрѣнія — какъ на искусство воспитанія. Послѣдняя точка зрѣнія часто не принимается во вниманіе составителями учебниковъ по педагогикѣ.

Для того, чтобы отвѣтить на вопросъ о томъ, каковъ долженъ быть учебникъ по педагогикѣ, необходимо прежде

всего установить ясно и точно наши требованія отъ этого учебника. Установленіе же требованій будетъ зависеть отъ взгляда на педагогику и ея назначеніе.

Нельзя сказать, что и для нашего времени является вполне для всѣхъ установленнымъ положеніе, что педагогика представляетъ собою науку. Многие и теперь не согласятся съ этимъ положеніемъ, выдвигая только педагогику какъ искусство. Конечно, часто споръ о томъ или другомъ предметѣ не выясняется вполне лишь въ силу того, что спорящіе вкладываютъ разныя понятія въ предметъ спора. Если говорить о какой-то самостоятельности входящихъ въ извѣстную систему истинъ для образованія отдѣльной науки, то не только педагогика, но и цѣлый рядъ и другихъ системъ, какъ медицина, юриспруденція и пр., не могутъ считаться науками. Но если подъ наукой подразумѣвать лишь систему съ извѣстнымъ рядомъ фактовъ, наблюденій и выводовъ, съ извѣстнымъ рядомъ теорій и предположеній, тогда педагогику свободно можно считать наукой. Такой взглядъ, между прочимъ, высказывалъ извѣстный нѣмецкій педагогъ Паульсенъ. Педагогика многое черпаетъ изъ психологіи и логики, заимствуетъ многое изъ другихъ научныхъ системъ, но, взятая въ общемъ, она представляется чѣмъ-то цѣлымъ, съ извѣстнымъ своимъ направленіемъ, своими цѣлями. Предположимъ даже, что съ положеніемъ педагогики-науки трудно согласиться. Тогда, во всякомъ случаѣ, нельзя спорить съ тѣмъ, что педагогика представляетъ извѣстную научную систему, пусть эта система и эклектическая по своему содержанію, но, во всякомъ случаѣ, въ этой системѣ есть свои точки стремленія, которыя объединяютъ эклектическій матеріалъ въ нѣчто цѣльное.

Выходя изъ послѣдняго положенія, мы должны отрицательно отнестись къ выработавшемуся способу изложенія въ нашихъ учебникахъ по педагогикѣ. Прочитывая эти учебники, нельзя вынести впечатлѣнія о цѣльности изла-

гаемой системы, получается впечатлѣніе обратное: педагогика составляется изъ какихъ-то клочковъ, при чемъ преобладаютъ выборки изъ психологіи. Психологія, какъ и логика, должна войти многими своими положеніями и фактами въ педагогику, но войти не такъ, какъ это является въ нашихъ учебникахъ. Эти выборки должны быть не сами по себѣ, а въ связи съ той основной путеводной нитью, которая должна проходить черезъ все содержаніе. Всѣ данныя изъ различныхъ наукъ должны развертываться въ примѣненіи къ идеямъ и фактамъ воспитанія.

Прежде всего надо въ учебникѣ опредѣлить содержаніе излагаемаго предмета и при этомъ опредѣлить лишь въ общихъ чертахъ, не входя въ детали, которыя будутъ на первыхъ порахъ непонятны. Въ общемъ содержаніе педагогики можетъ быть уяснено хорошо начинающимъ изучать этотъ предметъ.

Открываемъ недавно изданный учебникъ по педагогикѣ Леонида Соколова „Общая педагогика“ (учебникъ для женскихъ гимназій. Кіевъ 1913 г.). Во „Введеніи“ излагается „предметъ педагогики и связь его съ другими науками“. И на первой же страницѣ мы встрѣчаемся съ такимъ способомъ изложенія, съ которымъ нельзя согласиться. „Воспитаніе можно разсматривать съ двухъ сторонъ: а) стороны матеріальной, которую составляютъ совѣты и наставленія, знанія, которыя постепенно преподаются дѣтямъ для руководства ихъ поведѣніемъ и дѣятельностью; б) стороны формальной, состоящей въ развитіи чуткости и отзывчивости сердца человѣка на все доброе и готовности воли всѣми силами стремиться къ осуществленію добра въ жизни“. Не говоря уже о содержаніи, но самый способъ изложенія — именно подобнаго рода формулировки на первыхъ порахъ являются совершенно непедagogичными. Ихъ бы можно приводить (если, конечно, согласиться по существу) уже въ концѣ при подведеніи извѣстныхъ итоговъ. Надо и здѣсь считаться съ тѣмъ.

что дѣло идетъ объ учебникѣ. Въ подобномъ же непедagogическомъ духѣ приводятся и на слѣдующихъ страницахъ выясненія объ отношеніи педагогики къ другимъ наукамъ

Развернемъ наиболѣе популярный у насъ учебникъ педагогики г. Скворцова: на страницѣ 9 (15-го изданія 1911 г.) мы имѣемъ прежде всего неправильное опредѣленіе педагогики: „педагогикой въ обширномъ смыслѣ слова называется наука, заключающая въ себѣ правила . . .“, дальше — разграниченіе отдѣловъ педагогики, которое сразу ничего не дастъ для учащихся и даже нѣсколько запутаетъ ихъ.

Опредѣленіе педагогики, опредѣленія частей педагогики должны развертываться постепенно предъ изучающими изъ того матеріала, который будетъ имъ сообщенъ. А то спрашивается, какимъ образомъ можетъ быть яснымъ представленіе объ отношеніи педагогики къ другимъ наукамъ, когда обо всѣхъ этихъ наукахъ не имѣется вполнѣ реальнаго представленія. Отношеніе педагогики даже къ психологіи и логикѣ не можетъ быть на первыхъ порахъ ясно. Оно можетъ уясниться лишь съ теченіемъ изложенія матеріала этихъ дисциплинъ, или лучше сказать, по мѣрѣ того, какъ съ психологическими основами учанційся будетъ знакомиться на почвѣ педагогики.

Не входитъ въ мою задачу детально оцѣнивать учебники, я затронулъ лишь указанные учебники для лучшаго выясненія, какъ дѣло обстоитъ и какъ должно обстоять.

Итакъ на первыхъ порахъ необходимо опредѣлить, въ чемъ заключается задача воспитательства, указать на цѣли задачи воспитанія, а также на то, чѣмъ долженъ обладать берущійся за это дѣло. Все это можно изложить, не затрагивая различныхъ классификацій наукъ, не прибѣгая къ дѣленію педагогики на части. Схематизація явится позднѣе сама собою, какъ итоги пройденнаго матеріала.

Излагая уже эти первыя страницы учебника, надо избѣгать стремленія къ категоричности, къ догматизму въ изложеніи. Изъ всѣхъ учебниковъ учебникъ по педагогикѣ

долженъ ставить своей задачей побужденіе къ самостоятельности въ работѣ. Учебникъ такимъ образомъ не долженъ задаваться цѣлью излагать какія-либо правила, къ этимъ правиламъ (если можно употребить такой здѣсь терминъ) надо доходить путемъ анализа и синтеза приведеннаго матеріала.

Я особенно подчеркиваю необходимость проведенія подобнаго характера въ учебникѣ по педагогикѣ. Можетъ быть, если мы согласимся съ этимъ, то создадимъ книгу не особенно удобную въ цѣляхъ экзаменныхъ, но зато эта книга будетъ побуждать къ продуктивной работѣ не только одной памяти. Мы должны отъ учебника по педагогикѣ требовать именно этого, а не того, къ чему обыкновенно приводятъ наши учебники, сводясь къ различнымъ правиламъ, правда — иногда разбавленнымъ довольно интереснымъ для учащихся матеріаломъ изъ психологіи.

Если стать на мою точку зрѣнія, то, думается, можно было бы создать книгу, которая являлась какъ бы введеніемъ къ изученію педагогики. Именно только какъ введеніе. Стремленіе дать побольше матеріала заставляло составителей педагогики давать матеріалъ, не относившійся прямо къ цѣли. Въ данномъ случаѣ вредило отсутствіе также цѣльнаго взгляда на задачи учебника.

Послѣ выясненія тѣхъ данныхъ, которыя требуются отъ будущихъ педагоговъ, надо перейти къ цѣлому отдѣлу, который поможетъ построить зданіе учебника, такъ какъ въ этомъ отдѣлѣ и долженъ сосредоточиться первоначально главный интересъ. Этотъ отдѣлъ „дѣтскій міръ“ воспитаніе ребенка. Педагогика, собственно, и значитъ „дѣтководительство“ — воспитаніе ребенка, но въ учебникахъ по педагогикѣ часто воспитаніе ребенка смѣшивается съ воспитаніемъ вообще, какъ смѣшивается міръ взрослому и міръ ребенка. Сплошь и рядомъ мы примѣняемъ къ ребенку то, что къ нему неприложимо, потому что переносимъ по аналогіи свои душевныя настроенія, свое „я“ на маленькое

существо, на самомъ дѣлѣ отличающееся во многомъ отъ насъ и въ физическомъ и духовномъ отношеніяхъ.

Для иллюстраціи своихъ положеній я воспользуюсь здѣсь большою выдержкой изъ новѣйшаго сочиненія извѣстнаго итальянскаго педагога г-жи Монтессори. „Однажды въ римскомъ паркѣ, въ садахъ Пинчіо, я заинтересовалась полуторагодовымъ младенцемъ: это былъ хорошенькій, улыбающійся ребенокъ, усердно старавшійся наполнить ведро изъ лопаточки крупнымъ гравіемъ. Возлѣ него находилась щеголеватая нянька, видимо, очень его любившая, — изъ того сорта нянекъ, которыя убѣждены, что окружаютъ ребенка самымъ разумнымъ и любящимъ уходомъ. Пора было отправляться домой, и нянька терпѣливо уговаривала малютку оставить работу и сѣсть въ колясочку. Видя, что ея увѣщеванія не могутъ сломить твердости малютки, она сама наполнила ведро гравіемъ, и положила и ведро и ребенка въ колясочку въ томъ убѣжденіи, что дала малюткѣ именно то, въ чемъ онъ нуждался. Меня поразили громкіе крики ребенка и появившееся на его личикѣ выраженіе протеста противъ насилія и несправедливости, сдѣланной ему. Сколько обидъ уже легло тяжелымъ гнетомъ на эту пробуждающую душу! Мальчику вовсе не нужно было наполнить ведро гравіемъ; ему нужно было про-дѣлать в а т ь д в и ж е н і я, необходимыя для этого, и этимъ удовлетворить насущную потребность крѣпкаго организма. Безсознательной цѣлью ребенка было саморазвитіе, а вовсе не внѣшній фактъ наполненія ведерка камешками. Яркія приманки внѣшняго міра были пустыми призраками, а реальность была въ его жизненной потребности. Безъ сомнѣнія, наполнивъ ведро доверху, онъ опорожнилъ бы его, чтобы опять наполнить, и такъ дѣйствовалъ бы, пока не получилъ бы внутренняго удовлетворенія. Если нѣсколько минутъ тому назадъ его личико розовѣло и улыбалось, то именно отъ удовольствія работы; душевный восторгъ, упражненіе и солнце — вотъ какіе три луча озаряли его юную жизнь.

Этотъ будничвій эпизодъ изъ жизни ребенка есть деталь, повторяющаяся со всѣми дѣтьми, даже съ самыми хорошими и пользующимися наилучшимъ уходомъ. Дѣтей не понимаютъ; взрослые судятъ о нихъ по собственной мѣркѣ. Взрослый думаетъ, что ребенокъ хочетъ получить осязательный предметъ, и съ любовью протягиваетъ ему его, а между тѣмъ ребенокъ по общему правилу стремится удовлетворить бессознательное тяготѣніе къ саморазвитію. Вотъ почему онъ презираетъ все, уже достигнутое, и жаждетъ того, чего еще нужно добиться. Такъ, напримѣръ, ребенокъ предпочитаетъ актъ одѣванія состоянію одѣтости, — даже въ очень нарядное платье; онъ предпочитаетъ актъ самостоятельнаго умыванія пріятному ощущенію чистоты; онъ предпочитаетъ самостоятельно построить домикъ, чѣмъ просто обладать готовымъ. Подлинное и едва ли не единственное его удовольствіе — это саморазвитіе. Саморазвитіе младенца до конца перваго года въ значительной степени заключается въ принятіи пищи; по позднѣе оно заключается въ содѣйствіи стройному упорядоченію психофізіологическихъ функцій организма. Хорошенькій ребенокъ изъ сада Пинчіо для меня символъ всего сказаннаго: онъ желалъ координировать свои волевые акты; желалъ упражнять свои мускулы поднимаемъ лопаточки съ пескомъ; упражнять свой глазъ въ оцѣнкѣ разстояній; упражнять свой умъ въ разсужденіяхъ, связанныхъ съ его предпріятіемъ; стимулировать свою силу воли опредѣлеиемъ своихъ дѣйствій. А та, которая его любила, сдѣлала его несчастнымъ, полагая, будто его цѣль — получить нѣсколько камешковъ. Аналогичную ошибку мы часто дѣлаемъ, воображая, что учащійся желаетъ пріобрѣсти свѣдѣнія. Мы помогаемъ ему схватить умомъ отдѣльныя части науки и дѣлаемъ его несчастнымъ, лишая возможности развитія. Въ школахъ принято думать, что способъ достигнуть удовлетворенія, это „заучить что-нибудь“. Намъ же, предоставляя дѣтямъ свободу, удалось отчетливо прослѣдить естественный ходъ ихъ спонтаннаго

саморазвитія („Домъ ребенка“, перев. Замройскаго, 1913 г. 321—22).

Та картина, которая рисуется здѣсь Монтессори, наглядно даетъ намъ понятіе о томъ, сколько несообразностей бываетъ въ нашемъ воспитаніи благодаря нашему незнанію природы ребенка.

Насколько наши наблюденія надъ дѣтствомъ страдаютъ ошибками, указываютъ и многіе другіе примѣры. Воспользуюсь здѣсь остроумными замѣчаніями М. М. Рубинштейна относительно извѣстной книги Перэ „Нравственное воспитаніе съ колыбели: „Уже самое заглавіе является несомнѣннымъ абсурдомъ, потому что нравственное воспитаніе предполагаетъ, если не самосознаніе, то хотя бы минимальную степень сознанія, потому что иначе не можетъ быть чувства хотя бы нѣкоторой отвѣтственности, существенной для нравственности. Его не только нѣтъ въ колыбели, но оно появляется значительно позже на почвѣ знакомства съ своимъ и чужимъ „я“. Но у Перэ встрѣчаются настоящіе курьезы. Такъ, на стр. 33 и сл. онъ серьезно описываетъ слѣдующій процессъ „нравственнаго воспитанія съ колыбели“: 3½ мѣсячнаго ребенка строго бранили за то, что онъ не предупреждалъ крикомъ о наступающемъ приступѣ рвоты, и вотъ къ шести мѣсяцамъ онъ дождался похвалы за то, что предварительно крикомъ возвѣщалъ о возможности этого непріятнаго акта, и выражалъ своимъ видомъ довольство. Это можетъ писать человѣкъ, знающій дѣтей не въ ихъ повседневной жизни, а только по отдѣльнымъ торжественнымъ моментамъ, включая сюда и рѣдкія лабораторныя изслѣдованія. Медики, опытные няни могутъ тутъ сообщить намъ, что у маленькихъ дѣтей рвота послѣ насыщенія наступаетъ съ необычайной легкостью (такъ какъ у нихъ пищеводъ очень коротокъ и сфинктеры слабы), если его положить или держать въ горизонтальномъ или близкомъ къ нему положеніи, а въ шесть мѣсяцевъ ребенокъ уже окрѣпъ и рвота для него не такое простое явленіе. Во

всякомъ случаѣ говорить тутъ о роли назиданія можно только при курьезной наивности, навѣянной аналогіей съ болѣе взрослыми существами. Не менѣе курьезно увѣреніе Перэ (на стр. 54), что 1½ годовая дѣвочка, учинившая дома дебошъ, испытывала „мучившія ее угрызенія совѣсти“; что выдавала „краска на лицѣ“. И тутъ Перэ увлекся аналогіей съ болѣе взрослыми существами и вступилъ въ тяжкій конфликтъ въ элементарными психологическими и физиологическими данными. „Краска на лицѣ“ была просто результатомъ чрезмѣрно бурной пляски, движеній и возбужденія“. (Очеркъ педагог. психологіи. М. 1913 г., 105).

Познакомившись съ нашими учебниками по педагогикѣ, можно съ полной увѣренностью сказать, что учащіеся врядъ ли вынесутъ знаніе настоящее изъ тѣхъ категорическихъ указашій, правилъ, которыя тамъ найдутъ: въ нихъ не отгѣнена въ большинствѣ, какъ слѣдуетъ, разница въ психикѣ взрослога и ребенка, не обращено вниманія на многія очень характерныя особенности дѣтской психики и что особенно важно — самый методъ изложенія и построенія всего ученія о психикѣ дѣтской не таковъ, какъ надо этого желать. Правда, попадаются среди педагогикъ и попытки особаго построенія, но нельзя сказать, что эти попытки лишены большихъ дефектовъ. Здѣсь я имѣю въ виду особенно трудъ врача Барсова „Пособіе къ изученію педагогики“ (М. 1908 г.). Интересно здѣсь вполнѣ правильно высказанное положеніе въ предисловіи: Предлагаемое изданіе не преслѣдуетъ цѣли „учебника“ педагогики, потому что, по моему, учебникомъ въ этомъ дѣлѣ можетъ быть лишь сама педагогическая, прикладная работа, основанная на психологическомъ анализѣ. Но на этомъ пути должны быть „пособія“, освѣщающія ту или другую сторону дѣятельности воспитателя. Однимъ изъ такихъ пособій я позволилъ себѣ считать и свой трудъ, предлагая его, какъ конспектъ тѣхъ соображеній, которыми преимущественно долженъ руководиться воспитатель, приступая къ своей

предварительной педагогической практикѣ. Правда, конспектомъ для указанной цѣли данный трудъ можетъ служить (несмотря на нѣкоторые дефекты), но это уже исключаетъ возможность признать его пособіемъ въ томъ смыслѣ, какъ, повидимому, предполагалъ авторъ. „Предлагаемое пособіе“, говоритъ онъ далѣе, „приводя рядъ отдѣльныхъ отвѣтовъ, основанныхъ на наблюденіи, рассчитываетъ на ихъ дальнѣйшее развитіе юными и свѣжими силами, а потому цѣль моего труда — принять участіе въ совмѣстной работѣ тѣхъ, кто часть своей жизни посвящаетъ дѣлу дѣтскаго воспитаія и его развитію“.

Недавно сравнительно изданная книга г. Селихановича „Очеркъ общей педагогики для семьи, школы и самовоспитанія“ (Кіевъ, 1913 г.) преслѣдуетъ, какъ говоритъ самъ составитель, цѣль „написать такую книгу, которая представляла бы интересъ для широкихъ круговъ общества и въ то же время могла бы служить учебникомъ въ школѣ“. „Авторъ старался использовать всѣ лучшія сочиненія по педагогикѣ, и внимательный читатель замѣтитъ, какія сочиненія оказали наибольшее вліяніе на эту работу. Но всѣ выводы этой книги были продуманы и провѣрены на личномъ опытѣ въ теченіе педагогической дѣятельности. Поэтому авторъ счелъ возможнымъ обойтись безъ ссылокъ и цитатъ“. Эти слова предисловія вызываютъ нѣкоторыя недоумѣнія. Прежде всего внимательному читателю, знакомому съ литературой вопросовъ педагогики, книга и не предназначается, внимательный же читатель, незнакомый съ этой литературой, при всей своей внимательности, конечно, не откроетъ источниковъ, какими пользовался составитель. Если учебникъ посвященъ цѣлямъ самовоспитанія, то излишнимъ было бы упоминаніе о литературѣ вопросовъ. Уже изъ этого предисловія мы можемъ заключить, что составитель не находится на правильной основной точки зрѣнія на учебникъ по педагогикѣ какъ на введеніе въ этотъ предметъ, какъ на одно лишь изъ пособій для дальнѣйшаго знакомства

съ предметомъ. Недоумѣпіе могутъ вызывать и начальныя слова предисловія. „Теорія воспитанія есть часть общей теоріи культуры. Предметъ культуры — человекъ и его творчество. Цѣли воспитанія цѣликомъ опредѣляются тѣми цѣлями, которыя ставитъ себѣ человѣческая культура. Поэтому въ основу этой книги положена идея культуры, которая и сообщаетъ единство всѣмъ ея частямъ. Въра въ культуру, сознаніе ея огромной цѣнности и побудило автора приняться за свой трудъ“. Собственно этими словами составитель ничего не опредѣляетъ и вся эта длинная фраза представляетъ собою какое-то склоненіе слова „культура“. Въ основѣ воспитанія, какъ теоріи, конечно, лежитъ наша культура, но воспитаніе должно задаваться цѣлями проведенія этой культуры и опредѣлить пути, какъ воспитывать, теоріей культуры, конечно, совершенно невозможно. Во всякой наукѣ также лежитъ въ основѣ наша культура, но опредѣленіе наукъ сдѣлать отсылкой къ культурѣ, это значитъ ничего не опредѣлить, не выяснитъ также и свое собственное отношеніе къ данной наукѣ.

Тѣ недоумѣпія, которыя вызываетъ предисловіе къ данной книгѣ, получаютъ себѣ полное подкрѣпленіе въ дальнѣйшемъ, въ самомъ изложеніи. Теперь, при развитіи педагогики у насъ и при недостаткѣ въ то же время общаго руководства въ данной области, съ большимъ интересомъ приступаешь ко всякой книгѣ, претендующей на званіе такого руководства, тѣмъ болѣе, если подобная книга написана человекомъ ученымъ, въ предисловіи говорящимъ, что на его трудѣ отразилась разработка предмета въ лучшихъ сочиненіяхъ, что переработка прочитаннаго и усвоеннаго была пропущена черезъ личный педагогическій опытъ.

Вліяніе „лучшихъ“ сочиненій при всей внимательности къ чтенію я не замѣтилъ, хотя считаю себя все же знакомымъ съ текущей литературой по педагогикѣ. Нельзя сказать, что у составителя выработанъ вполне цѣльный планъ сочиненія, сами опредѣленія и выводы не даютъ

цѣльной ясной картины. Мы не видимъ здѣсь отраженія тѣхъ бореній, которыя испытываетъ въ настоящее время педагогическая теорія. Для образчика разсужденій составителя приведу небольшой отрывокъ. „Понятіе возникаетъ только тогда, если извѣстный признакъ или группа признаковъ получаетъ свое имя. Поэтому между словомъ и понятіемъ существуетъ тѣсная связь. У ребенка по мѣрѣ того, какъ онъ учится говорить, постепенно развивается мышленіе. У глухонѣмыхъ роль словъ занимаютъ извѣстные знаки. Не будь этихъ знаковъ, мышленіе у нихъ не могло бы развиваться. Обратнo, не будь у насъ понятій, благодаря которымъ выдѣляются отдѣльныя и общія свойства, языкъ не могъ бы возникнуть, такъ какъ для безчисленнаго количества предметовъ потребовалось бы безчисленное множество словъ. Поэтому знаменитый нѣмецкій филологъ Вильгельмъ Гумбольтъ и говоритъ: „Нѣтъ мысли безъ языка, и нѣтъ языка безъ мысли“.

Всѣ эти слова приведены для выясненія отношенія между языкомъ и мыслью. Отношеніе представлено совершенно невѣрно. Слова Гумбольта, дѣйствительно раскрывающія это отношеніе, приведены совершенно некстати для подтвержденія высказанныхъ мыслей составителемъ. Бываютъ при томъ мысли невѣрныя, но ясныя, но въ изложенномъ и ясности-то этой нѣтъ.

Я думаю, что учебникъ, или лучше руководство по педагогикѣ должно состоять изъ трехъ слѣдующихъ частей: 1. Дошкольный періодъ (картина постепеннаго физическаго и психическаго роста дитяти съ особеннымъ выдѣленіемъ психики ребенка). 2. Школьный періодъ. Относительно втораго періода должно замѣтить, что педагогика не должна быть отдѣляема отъ дидактики, какъ у насъ то принято, потому что красной нитью должна проходить въ руководствѣ мысль, что воспитаніе безъ обученія невозможно, какъ и наоборотъ. 3. Объ учителѣ, его подготовкѣ и обязанностяхъ. Относительно первой также части должно сказать, что здѣсь

должны быть выдвинуты всѣ попытки новаго времени дать наилучшіе способы и приемы обученія. Должно, напр., ознакомить не только въ общихъ чертахъ, но и въ подробностяхъ (съ рисунками) съ системами Фребеля, Монтесори и др.

Школьный періодъ я бы взялъ только отчасти, именно до періода полового созрѣванія, потому что въ дальнѣйшемъ уже должно быть предоставлено будущему педагогу знакомиться съ спеціальной литературою. Надо помнить ту высказанную мною уже мысль, что назначеніе руководства сдѣлать какъ бы своего рода введеніе къ дальнѣйшему ознакомленію, дать извѣстнаго рода толчки и возможность въ будущемъ разобраться. Такимъ образомъ первый періодъ — дошкольный отъ рожденія до 6—8 лѣтъ, второй школьный отъ 6, 7, 8—11, 12, 13. Надо помнить также, что всѣ обобщенія должны носить нѣкоторый условный характеръ, такъ какъ сплошь и рядомъ результаты являются не данными общей психологіи дѣтей, а комбинаціей самыхъ разнообразныхъ вліяній на дѣтскую душу.

Какъ приложение къ учебнику я предполагалъ бы дать краткій очеркъ главнѣйшихъ педагогическихъ теченій. Этотъ очеркъ не долженъ былъ бы останавливаться на біографическихъ данныхъ различныхъ представителей педагогики и философіи, а лишь упомянуть объ этихъ лицахъ въ связи съ теченіями мысли.

Если смотрѣть на учебникъ по педагогикѣ какъ на пособіе, освѣщающее ту или другую сторону дѣятельности воспитателя, то и надо въ подобнаго рода пособіи дать не конспектъ какихъ-либо свѣдѣній, а стройное изложеніе этой стороны, такое при томъ изложеніе, которое заставило бы задуматься надъ различными затрагиваемыми вопросами и тѣмъ самымъ давало бы толчекъ для дальнѣйшаго развитія этихъ вопросовъ. Необходимо такимъ образомъ дать здѣсь не конспектъ, а изложеніе подробное, съ извѣстной даже литературой вопроса.

Если мы согласимся, что первымъ отдѣломъ долженъ быть (послѣ, конечно, вступительныхъ главъ съ выясненіемъ задачъ и основъ воспитанія, подготовки педагоговъ въ общей обрисовкѣ) „міръ ребенка“, то представляется вопросъ, какъ долженъ быть изложенъ этотъ отдѣлъ. Обыкновенно очень важная часть — фізіологическая, хотя и помѣщается въ нашихъ учебникахъ, но на нее при прохожденіи смотрятъ какъ на второстепенную. Этотъ взглядъ обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что преподавателемъ педагогики является въ большинствѣ преподаватель гуманитарныхъ наукъ. Онъ не можетъ браться за задачу выясненія тѣхъ свѣдѣній, въ которыхъ считаетъ себя некомпетентнымъ. Но въ этомъ надо дѣйствовать иначе: преподаватель самъ первоначально долженъ хорошо ознакомиться съ этимъ отдѣломъ, а изученіе этого отдѣла особенно для спеціального класса женскихъ гимназій очень важно: очень часто въ дальнѣйшей своей жизни многія изъ спеціалистокъ-гимназистокъ ограничатся, какъ то ни прискорбно, только тѣми свѣдѣніями, которыя вынесены ими изъ гимназіи по этому отдѣлу.

Важно дать свѣдѣнія по фізіологіи дѣтскаго возраста въ постепенности развитія дитяти. Эта постепенность должна быть соблюдена и дальне, когда перейдемъ къ изображенію душевнаго развитія ребенка.

Въ статьѣ „О постановкѣ преподаванія педагогики въ женскихъ гимназіяхъ“ (Русская Школа 99 г. № 1) г. Нечаевъ высказалъ такую мысль: преподаваніе педагогики должно состоять прежде всего изъ преподаванія психологіи (на которую онъ отводитъ все первое полугодіе, по два часа въ недѣлю), затѣмъ логику (на которую отводится имъ мѣсяць) и наконецъ изученіе педагогическихъ теорій (остальное время). При этомъ авторъ подчеркиваетъ мысль о необходимости проходить психологію какъ науку, а не какой-либо учебный предметъ, къ разряду каковому психологію нельзя отнести. Въ задачу психологіи и логики г.

Нечаевъ ставитъ „пробудить способность къ психологическому и логическому анализу“ для того, чтобы подойти затѣмъ къ разбору и оцѣнкѣ педагогическихъ теорій. Уже это краткое перечисленіе задачъ можетъ указать намъ на невозможность поставленныхъ задачъ даже при условіи самаго лучшаго выполненія намѣченной программы. Еще бы можно было задаваться цѣлью освѣтить процессы психики, но во всякомъ случаѣ руководство по педагогикѣ не можетъ и не должно браться за задачу научить анализу психологическому и логическому; плохо, если учащіеся до изученія педагогики не знакомились съ подобными анализами. Конечно, я возразилъ бы согласно всему тому, что мною было сказано, и противъ самой постановки педагогики изъ преподаванія психологіи, логики и педагогическихъ теорій.

Представляется еще вопросъ, изъ чего должны состоять практическія занятія по педагогикѣ. Обыкновенно въ качествѣ этихъ практическихъ занятій являлись составленіе рефератовъ на заданныя темы и составленіе характеристикъ (послѣдней работѣ предшествуетъ иногда составленіе дневниковъ). Остановимся на этихъ практическихъ занятіяхъ и опредѣлимъ ихъ цѣлесообразность. Чтеніе того или другого сочиненія по педагогикѣ и затѣмъ хотя небольшой докладъ объ этомъ сочиненіи представляется работой очень полезной. Я бы даже сказалъ, что чѣмъ меньше, въ смыслѣ сжатости, будетъ этотъ рефератъ, тѣмъ лучше. Цѣль подобныхъ рефератовъ — постепенное ознакомленіе учащихся съ научной литературой, выработка навыка въ чтеніи этой литературы. Иногда говорятъ о томъ, что приучать къ чтенію этой литературы должно уже руководство, но это можно сказать только отчасти, потому что руководство является все же трудомъ общаго характера. Постановка чтенія того или другого сочиненія была бы особенно плодотворна, если бы къ чтенію приступала не одна ученица, а двѣ, три, затѣмъ другія ученицы могли бы также прочитывать, хотя въ болѣе отрывочномъ видѣ. Необходимо,

чтобы создавалась известная атмосфера, благоприятная для общего разбора, необходимая для того, чтобы все слушающія выступали хотя отчасти въ качествѣ активной силы. Правда, такая постановка могла бы быть выполнима при существованіи хорошо составленной для этой цѣли хрестоматіи. Можетъ быть, хорошо было со стороны преподавателя въ данномъ случаѣ также работа въ видѣ подготовленныхъ программъ по наиболѣе существеннымъ вопросамъ, при чемъ эти программы должны были бы быть выдаваемы ученицамъ заранее.

Относительно характеристикъ — работы, которая въ настоящее время считается особенно важной въ занятіяхъ специалістокъ, обсужденіе которой даже обставляется иногда какой-то особой торжественностью, я бы высказался отрицательно. Если подобныя характеристики поставлены какъ слѣдуетъ, ихъ значеніе огромно, несмотря на все несовершенство методовъ, посредствомъ которыхъ выполняются подчасъ подобныя характеристики. Я не принимаю во вниманіе даже этой стороны методовъ, когда отрицаю значеніе характеристикъ въ томъ видѣ, какъ это имѣется въ теперешнемъ положеніи. Современныя характеристики это въ большинствѣ работа сдѣланная налету, безъ достаточныхъ обоснованій, при чемъ преподаватель въ большинствѣ случаевъ не можетъ провѣрить ихъ цѣнности съ психологической точки зрѣнія, а провѣрка идетъ въ большинствѣ съ точки зрѣнія литературной. Для того, чтобы составить болѣе или менѣе сносную въ педагогическомъ отношеніи характеристику, надо прежде всего составить подробный дневникъ. Специалістка должна детально наблюдать за своей ученицей, входить иногда въ таянія стороны ея жизни, которыя врядъ ли могутъ быть доступны. Для того, чтобы многое объяснить въ характерѣ ученицы, въ ея поступкахъ, для того, чтобы настоящимъ свѣтомъ освѣтить эти послѣдніе, надо хорошо знать семейную жизнь. А спрашивается, кто же изъ родителей ученицы захочетъ, чтобы семейная жизнь

подвергалась потомъ общему сужденію въ классѣ? Да и въ правѣ ли спеціалистка вторгаться въ эту жизнь, съ тѣмъ чтобы составить нужную для себѣ характеристику. Считаемо ли мы, напр., допустимымъ, чтобы спеціалистка, слѣдя на урокахъ за своей ученицей, вторгалась бы своими разсужденіями въ критику преподавателя. Если на этотъ вопросъ отвѣчаютъ отрицательно, то на предыдущій такой отрицательный отвѣтъ будетъ гораздо болѣе справедливымъ. Я же могъ бы допустить, чтобы спеціалистка имѣла бы право высказать свое несогласіе съ той или иной постановкой преподаванія. Это, мнѣ кажется, было бы ея законное право, потому что вѣдь она готовится къ педагогической дѣятельности, ей надо заранѣе провѣрить возникающія сомнѣнія, и нехорошо, если мы оставимъ эти сомнѣнія, или что еще хуже, если въ ея душѣ останется осужденіе педагогической дѣятельности ея руководителей. Но даже ставъ на такую точку зрѣнія, я отнесусь отрицательно къ составленію дневниковъ для преподавателя педагогики, признавая веденіе частичныхъ дневниковъ по спеціальности. Надо замѣтить, что не только одинъ преподаватель педагогики долженъ входить въ обсужденіе вопросовъ общей дидактики, но должны заниматься при случаѣ этимъ и преподаватели отдѣльныхъ дидактикъ, и цѣлесообразно, если при разсмотрѣніи дневника придается иной разъ освѣтить тотъ или иной общій дидактической вопросъ въ примѣненіи къ данной ученицѣ. Преподаватель же педагогики, какъ не присутствующій на урокахъ, посѣщаемыхъ спеціалистками, менѣе въ состояніи освѣтить, какъ слѣдуетъ, эти вопросы въ примѣненіи къ ученицѣ, потому что ему приходится спрашивать саму же спеціалистку, какъ было дѣло.

Итакъ признавая за характеристиками часто даже вредъ, я склоненъ былъ бы признать частичную работу наблюдений надъ ученицами. Но эта работа не должна быть въ томъ мертвенномъ духѣ, какъ иногда совѣтуется

это дѣлать (напр. въ упомянутой уже статьѣ г. Нечаева), а должны быть выдѣлены наиболѣе интересные опыты¹⁾.

1) Для примѣра приведу нѣкоторые опыты относительно узнаванія характера памяти. Однимъ изъ такихъ способовъ является способъ, предложенный Кономъ въ его экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ о совмѣстномъ дѣйствіи различныхъ видовъ памяти (въ *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane* 1897 г.). Возьмемъ, напр., такую таблицу:

л	с	ф	з
р	в	к	т
х	ж	д	м

Подобнаго рода таблицу можно дать экспериментируемымъ и просить ихъ заучить громко, слѣдя при этомъ глазами за написаннымъ. Затѣмъ надо замѣтить время, въ теченіе котораго замѣчена таблица. При воспроизведеніи таблицы необходимо обратить вниманіе на ошибки, на характеръ этихъ ошибокъ. При подобнаго рода заучиваніи дѣйствуютъ всѣ три рода памяти (или вѣрнѣе могутъ дѣйствовать): зрительная, слуховая и моторная. Характеръ ошибокъ можетъ уже указывать на преобладаніе извѣстнаго рода памяти: экспериментируемые съ преобладаніемъ зрительной памяти смѣшаютъ буквы схожія по начертанію, такъ, напр., при воспроизведеніи вмѣсто Н напишутъ И и пр., экспериментируемые съ преобладаніемъ слуховой памяти вмѣсто Т—Д и пр. Но выводы, конечно, необходимо отложить до произведенія еще дальнѣйшихъ опытовъ, которые должны состоять въ постепенномъ приведеніи къ пользованію однимъ видомъ памяти. Именно можно дальше дать подобную же таблицу съ другими только буквами (при этомъ нужно вообще стремиться, чтобы ставимые согласные другъ около друга не вызывали на умъ какого либо слова) и просить замѣтить эту новую таблицу, не произнося громко написанныхъ буквъ. Такимъ образомъ въ данномъ опытѣ будетъ исключено дѣйствіе слуховой памяти. Третью таблицу нужно замѣчать такъ, чтобы устранить и дѣйствіе памяти моторной. Для этого при заучиваніи таблицы необходимо произносить какую-либо опредѣленную букву или считать 1, 2, 3, и т. д. Дѣлается это, чтобы прекратить работу языка при заучиваніи написанныхъ буквъ. Послѣ всѣхъ этихъ опытовъ необходимо замѣтить время, необходимое для заучиванія, и характеръ ошибокъ. Можно продолжить данные опыты тѣмъ еще, что одну таблицу съ буквами прочесть для экспериментируемыхъ столько разъ, сколько потребуется для заучиванія, при этомъ всякій изъ экспериментируемыхъ легко можетъ указать на то, переводить ли онъ заучиваемые звуки на буквы или нѣтъ. Когда мы произносимъ для экспериментируемыхъ буквы, то опыты нѣсколько затрудняются тѣмъ, что экспериментируемые могутъ про себя повторять эти звуки; можно просить ихъ произносить про себя одинъ опредѣленный звукъ.

Проф. Н. Грунскій.

Изъ исторіи французской педагогики (Рабле, Монтань, Руссо).

Въ исторіи философіи и въ исторіи педагогики огромный переворотъ связанъ съ XVII вѣкомъ. Это — вѣкъ философіи Декарта, а въ области педагогики мы замѣчаемъ проникновеніе въ широкіе слои взглядовъ Коменскаго. Французская литература этого времени занимаетъ исключительное мѣсто среди всѣхъ остальныхъ литературъ и ни одна изъ послѣднихъ не можетъ конкурировать съ нею количествомъ славныхъ именъ. Исторія, однако, скажетъ намъ, что не случайнымъ было это блестящее время всеобщаго подъема, а еще въ XVI вѣкѣ нужно искать первые зародыши мыслей и взглядовъ XVII вѣка. Въ исторіи педагогики мы и отмѣчаемъ Рабле и Монтаня, какъ первыхъ пионеровъ на томъ поприщѣ, на которомъ впоследствии прославились герои педагогической мысли.

I.

Франсуа Рабле (1483—1555).

Рабле былъ замѣчательный человекъ. Съ одной стороны лицо духовное, воспитанное въ монастырѣ; съ другой — докторъ медицины, человекъ огромнаго образованія, человекъ всесторонній. Онъ импонируетъ и даже какъ бы хвастаетъ своей ученостью, которую пересыпаны его творенія. Главное изъ его сочиненій „Гаргантюа и Пантагрюэль“

(Хроника поколѣпія гигантовъ) — чисто сатирико-юмористическое произведеніе. Но очень опибся бы тотъ, кто назвалъ Рабле только юмористомъ, ищущимъ одного смѣха. Нѣсколько чертъ его біографіи прольютъ свѣтъ и па его личность, и на его твореніе. Сначала онъ былъ монахомъ, потомъ, съ разрѣшенія папы, сдѣлался простымъ свѣтскимъ священникомъ-аббатомъ. Затѣмъ онъ — профессоръ анатоміи, человѣкъ ученый, странствовавшій по Европѣ и родной ему Франціи, встрѣчаемый всюду съ восторгомъ. Со своею ученостью и разносторонностью онъ замѣчательно искусно связалъ превосходный юморъ, отъ котораго не могло укрыться ни одно явленіе въ современной ему жизни.

Прежде всего онъ высмѣивалъ религіозную нетерпимость и религіозныя преслѣдованія, отъ которыхъ его самого едва спасали постоянные разѣзды. Тяжелая атмосфера вѣка заглушала блестики его смѣха и набрасывала тѣни на тѣ проблески новизны, которые являлись результатомъ какъ его работы, такъ и работы его друзей. Онъ зло смѣется надъ возникающимъ протестантизмомъ, но и званіе вѣрнаго католика не удерживаетъ его отъ насмѣшекъ по адресу уродливыхъ сторонъ жизни господствующаго католицизма.

Нѣкоторые изъ его пріятелей были сожжены, а самъ онъ былъ присужденъ къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ.

Особенно охотно соль его насмѣшки падала на представителей ученаго міра того времени. Высмѣивая ихъ сочиненія, онъ цѣлыми пригоршнями разбрасывалъ свою ученость; осмѣяніе „софистовъ“ (современныхъ ему ученыхъ), осмѣяніе ихъ фанатической нетерпимости — вотъ темы, привлекавшія вниманіе публики.

Закончилъ свою жизнь Рабле благополучно въ мѣстечкѣ Медонѣ (близъ Парижа), состоя приходскимъ священникомъ. Въ послѣдшіе годы жизни его посѣщала масса публики и онъ всѣхъ принималъ, всѣмъ давалъ совѣты

и лѣчилъ. Для своей же паствы онъ одновременно былъ и священникомъ, и врачомъ.

Вліяніе произведеній Рабле было огромное не только на современниковъ, но и на самыхъ отдаленныхъ потомковъ. Нѣкоторыя изреченія, взятая изъ его книгъ, стали ходячими выраженіями и часто употребляются въ разговорахъ, даже при полномъ незнаніи ихъ автора (напр., „Панургово стадо“).

Его книга „Гаргантюа и Пантагрюэль“ доставляетъ большое удовольствіе читающимъ ее. Однако читать ее въ подлинникъ очень трудно, благодаря особенностямъ языка, свойственнымъ эпохѣ Рабле и забытымъ въ наше время¹⁾. Юморъ Рабле особенный, какъ юморъ истаго галла, злобы у него нѣтъ, есть только крупная соль, но тѣмъ, кого онъ высмѣиваетъ, было не легко.

Такъ Рабле подмѣтилъ, что современные ему профессора плохо говорятъ по-латыни. И вотъ онъ рассказываетъ, какъ одинъ молодой наслѣдникъ престола утащилъ колоколъ. Послали ученаго уговаривать возвратить украденную вещь. Ученый произнесъ длинную латинскую рѣчь и французское слово cloche, колоколъ, вертѣлъ онъ на разные лады, приставляя къ нему латинскія окончанія; онъ какъ бы латинизировалъ французское слово, на самомъ же дѣлѣ немилосердно коверкая оба языка. Вотъ одинъ изъ примѣровъ безобиднаго смѣха незлобиваго Рабле. Но и это оскорбляло его современниковъ. Подобный же смѣхъ можно встрѣтить въ произведеніяхъ Мольера и этотъ смѣхъ въ высшей степени поучителенъ и является здоровымъ освѣженіемъ усталой отъ работы и жизни души.

Что же, однако, можетъ интересовать насъ въ „хроникѣ“ Рабле съ педагогической стороны?

---

1) По русски перевести Рабле полностью очень трудно, а мѣстами и не вполне удобно, такъ какъ онъ выражается очень рѣзко и не стѣсняется называть своими именами самыя грубыя фізіологическія отправления организма. Есть русскій переводъ, но съ выпусками.

Рабле не педагогъ и не занимался никогда спеціально вопросами педагогическими; это, конечно, наложило оттънокъ несистематичности и случайности на его педагогическіе взгляды.

Разберемъ нѣкоторыя мѣста его книги и отмѣтимъ наиболѣе для насъ интересныя изъ нихъ.

Мѣткими сатирическими штрихами набрасываетъ Рабле картинки изъ воспитавія молодого человѣка софистомъ Тубаломъ Олоферномъ. Софистами Рабле называетъ профессоръ Сорбонны, причемъ употребляетъ какъ имена дѣйствительно существовавшихъ профессоровъ, такъ и имена вымышленныя ради насмѣшки имъ самимъ. Послѣднее особенно часто допускается Рабле при цитированіи разныхъ сочиненій, большею частью тоже вымышленныхъ. Въ данпомъ случаѣ онъ пародируетъ нѣкоторыхъ quasi-ученыхъ своего времени, которые свои сочиненія для большей авторитетности пересыпали цитатами, будто бы взятыми изъ произведеній неизвѣстныхъ, но великихъ авторовъ, на самомъ же дѣлѣ составленными ими самими.

Какъ же учитель софистъ велъ дѣло воспитанія и обученія довѣреннаго ему мальчика?

Горькимъ юморомъ звучитъ разсказъ Рабле о системѣ воспитанія великаго Олоферна. „Онъ выучилъ мальчика азбукъ такъ хорошо, что тотъ могъ сказать наизусть всѣ буквы въ обратномъ порядкѣ; употребилъ онъ на это 5 лѣтъ и 3 мѣсяца; потомъ онъ читалъ съ нимъ Доната и трактаты другихъ латинскихъ авторовъ — на это употребилъ еще 13 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 2 недѣли“. Другіе разряды латинскихъ классиковъ среднихъ вѣковъ заняли первый 18 л. 11 мѣсяцевъ и другой 16 л. 2 мѣс., причемъ сочиненія были изучены такъ, что ученикъ могъ читать ихъ наизусть даже въ обратномъ порядкѣ.

Какой смыслъ этой насмѣшки? Рабле хочетъ сказать, что масса времени уходила на пріобрѣтеніе знаній очень сомнительныхъ и, пожалуй, вовсе ненужныхъ. Упрекъ осно-

вательный, хотя бы и не въ полной силѣ, для николь всѣхъ временъ.

Послѣ столь продолжительныхъ занятій софистъ Олофернъ умеръ и учителемъ Гаргантюа явился глубокой старикъ Бризе, который еще предложилъ своему питомцу цѣлый рядъ латинскихъ сочиненій разныхъ авторовъ, отъ чтенія которыхъ мудрость ученика „возросла настолько, что болѣе никогда уже нельзя было ее увеличить“. Зорко слѣдившій за воспитаніемъ сына отецъ, довѣрившійся чрезъ мѣру учителю, замѣтилъ, что мальчикъ „становился отъ ученія безтолковѣе, задумчивѣе и страннѣе“. Онъ обратился за совѣтомъ къ другу, который указалъ на несостоятельность употребленной системы воспитанія и предложилъ сравнить результаты послѣдней съ результатами современнаго свѣтскаго воспитанія.

Далѣе у Рабле идетъ прелестная картинка произведеннаго опыта. Вообще нужно отмѣтить, что въ основѣ манеры писанія Рабле лежитъ любовь къ картинкамъ, живо рисующимъ то или другое явленіе.

Маленькій пажъ, получившій свѣтское воспитаніе, блеснулъ передъ Гаргантюа и его отцомъ своею выдержанностью, изящными манерами и умѣньемъ красиво и учтиво говорить и сразу показалъ, какъ далеко въ своемъ убожествѣ занло схоластическое воспитаніе.

Подъ вліяніемъ полученнаго впечатлѣнія немедленно была рѣшена судьба методовъ воспитанія Гаргантюа и послѣднему былъ данъ новый учитель, Понократъ, воспитавшій маленькаго пажа.

Прежде чѣмъ ознакомить съ системою новаго воспитанія, Рабле даетъ хорошую картинку того времяпрепровожденія, какое было узаконено для Гаргантюа его старыми учителями. Раньше намъ была предложена только общая схема бесполезной затраты времени на псевдо-научныя занятія; теперь дается набросокъ рабочаго дня Гаргантюа.

„Просыпался онъ между 8 и 9 часами (ниже мы увп-

димъ требованія Рабле); долго валялся въ кровати, — наконецъ вставалъ, — одѣвался въ широкое платье, причесывался „нѣмецкою гребенкой“ (пятерней), считая напрасно потеряннымъ время, употребленное для приведенія себя въ порядокъ. Затѣмъ слѣдовалъ обильный завтракъ; послѣ завтрака „отстаивалъ 26 или 30 месць, по окончаніи которыхъ читалъ молитвы еще съ 16-ю пустынниками“. Только послѣ этого онъ брался за книгу, однако, мозгъ его уже „былъ на кухнѣ“. Во время обѣда „прекращалъ ѣду только тогда, когда желудокъ переставалъ принимать. Въ питъѣ не зналъ мѣры“. Послѣ обѣда игралъ въ карты, спалъ и пилъ вино. Затѣмъ снова занятія призрачною наукою, прогулка, ужинъ и сонъ.

Вотъ режимъ, по которому жилъ Гаргантюа, не прогрессируя въ своемъ развитіи.

Какимъ же долженъ быть режимъ нормальный?

На смѣну полной бездѣятельности и лѣни встаетъ педагогическій взглядъ, во главу котораго поставлено требованіе полной эксплуатаціи времени. Ни одно мгновеніе не должно пропасть безслѣдно при воспитаніи и должно быть такъ или иначе использовано.

Конечно, современная педагогика и педагогическая гигиена возражаютъ противъ такого принципа.

Безусловно необходимо отъ рабочаго дня отнимать часть для полнаго отдыха и полной свободы. Несомнѣнно, что человѣческая природа настоятельно требуетъ въ сутки нѣсколько часовъ не только для душевнаго, но и для физическаго отдыха.

Старая педагогика, испуганная аксіомой: лѣньность — мать пороковъ, — заявляетъ, что воздѣйствіе воспитателя должно постоянно держать питомца въ напряженіи и не давать ему времени для полнаго отдыха. Современная педагогика вступаетъ со старою по данному вопросу въ непримиримый конфликтъ; силу же указанной аксіомы парализуетъ иными средствами.

Рабле въ своихъ взглядахъ стоитъ на сторонѣ старой педагогики.

Интересны первые шаги Понократа въ роли воспитателя Гаргантюа.

Для успѣшнаго начала онъ обратился за совѣтомъ ко врачу. Здѣсь Рабле впервые въ исторіи педагогики выдвигаетъ мысль, что планъ воспитанія есть дѣло медика и долженъ быть построенъ на точныхъ данныхъ науки.

Тономъ юмориста рассказываетъ Рабле, какъ докторъ очистилъ Гаргантюа чемерицей, „чтобы тотъ забылъ все, чтѣ училъ у прежнихъ учителей“. Другими словами, настоящая школа должна исправлять ученика и заставить его забыть всѣ привитыя раньше привычки.

Далѣе слѣдуетъ подробно изложенный планъ идеальнаго, по мнѣнію Рабле, воспитанія. Вотъ его главныя черты.

Вставать нужно въ 4 ч. утра. (Несомнѣнно, что это слишкомъ рано). Во время одѣванія и приведенія себя въ порядокъ, причѣмъ принимались во вниманіе всѣ мелочи туалета, онъ слушалъ и запоминалъ читаемыя ему выдержки изъ Св. Писанія и вчерашнихъ уроковъ. Затѣмъ слѣдовали упражненія въ разныхъ искусствахъ: верховая ѣзда, охота, бѣгъ, плаванье и др. . . . . Обѣдъ былъ самый умѣренный. Это дѣйствительно самый правильный способъ ѣды. До сихъ поръ идетъ споръ между учеными по этому вопросу. Нѣкоторые настойчиво рекомендуютъ меньше ѣсть за обѣдомъ и больше за ужиномъ — это особенно нужно имѣть въ виду людямъ, нервно или душевно больнымъ, такъ какъ будетъ избавлять ихъ отъ бессонницы. . . . Во время обѣда Гаргантюа велъ съ учителемъ бесѣду, главнымъ образомъ, изъ области естествознанія и часто прибѣгалъ къ справкамъ въ разныхъ учебныхъ пособіяхъ. Послѣ обѣда ему было позволено развлечься въ карты, но не съ цѣлью игры, а „для изученія тысячи мелочей и тонкостей, построенныхъ на математикѣ“. Занятія музыкою и разнаго рода физическія упражненія наполняли осталь-

ную часть дня. „Въ полночь передъ отходомъ ко сну онъ наблюдалъ за небомъ, обращалъ вниманіе на кометы и на разныя положенія и соединенія звѣздъ“. Затѣмъ, по примѣру пифагорейцевъ, кратко перебиралъ всѣ дневныя впечатлѣнія и занятія, чтобы лучше закрѣпить ихъ въ памяти.

Вотъ въ общихъ чертахъ планъ воспитанія, данный врачомъ. Такой режимъ, требующій огромнаго напряженія душевныхъ и физическихъ силъ, не каждому будетъ безвреденъ. Съ точки зрѣнія школьной гигиены лучше давать больше свободнаго времени, чѣмъ утилизировать каждую минуту рабочаго дня. И несомнѣнно, что планъ, даваемый Рабле, можетъ повредить дѣлу воспитанія.

Начертанный выше планъ нѣсколько мѣнялся въ дурную погоду.

До обѣда тогда проводили время обычно; послѣ же обѣда занимались домашними работами; занимались живописью, рѣзбой или предпринимали небольшія экскурсіи для ознакомленія съ различными ремеслами. Рабле перечисляетъ длинный рядъ тѣхъ ремеслъ и занятій, которыя осматривались и усвоились Гаргантюа. „Присутствовали на публичныхъ лекціяхъ“ или диспутахъ, слушая знаменитыхъ ораторовъ того времени.

Лишь одинъ разъ въ мѣсяцъ Понократъ освобождалъ своего ученика отъ такихъ напряженныхъ занятій. Они выбирали ясный теплый день и уходили изъ города въ деревню на рекреацію, какъ называли это въ нашихъ старыхъ духовныхъ школахъ. „Цѣлый день проводили они во всевозможныхъ увеселеніяхъ, въ забавахъ, играхъ, пѣніи, танцахъ, валялись на травѣ, ловили перепеловъ, лягушекъ и раковъ“. Все же и здѣсь оставался въ силѣ принципъ эксплуатаціи времени — они вспоминали стихи „изъ Виргилія, Гезіода и др. и переводили ихъ на французскій языкъ въ видѣ рондо и балладъ“.

Итакъ, вотъ каковъ планъ идейныхъ занятій, исповѣдуемый Рабле.

Мы одобряемъ въ общемъ тѣ мѣста, гдѣ онъ отводитъ много времени физическимъ упражненіямъ, но все же должны упрекнуть его за то, что онъ почти лишаетъ учениковъ нормальнаго и необходимаго отдыха.

Отмѣтимъ еще одно мѣсто изъ сочиненія Рабле, гдѣ онъ протестуетъ противъ безчеловѣчнаго обращенія съ учениками. „Пришелъ прецепторъ со всѣми своими педагогами, сбѣжались маленькіе и большіе школяры, и первые стали сѣчь этихъ, какъ обыкновенно бьютъ у насъ маленькихъ дѣтей, въ то время, когда вѣшаютъ осужденнаго, чтобы они помнили объ этомъ. Пантагрюэлю стало страшно противно все это и онъ сказалъ: „господа, перестаньте бить дѣтей“. Мы вполне можемъ согласиться съ Рабле и, обратившись ко всѣмъ воспитателямъ, повторить его слова: „перестаньте бить дѣтей!“

Необходимость нагляднаго обученія, привычка къ самостоятельному мышленію, развитіе практической ловкости, примѣнительно къ жизни, соразмѣрное развитіе тѣла и духа и необходимость болѣе мягкаго и гуманнаго обращенія съ дѣтьми — вотъ тѣ черты, которыми отмѣчается дѣятельность Рабле въ исторіи педагогики. Все сводится къ тому, что Рабле требуетъ развитія тѣла, о чемъ забывали въ средніе вѣка, требуетъ практичности въ примѣненіи знаній къ жизни и мягкаго сердечнаго отношенія къ дѣтямъ — все это составляетъ лучшія требованія его педагогической системы, а самому ему отводитъ въ исторіи педагогики не послѣднее мѣсто.

II.

Мишель Монтань (1533—1592).

Имя Монтаня ¹⁾, какъ и имя Рабле, является однимъ изъ лучшихъ украшеній французской литературы. Свою славу

1) По русски это имя обыкновенно пишется невѣрно: Монтень. Французы сами произносятъ эту фамилию не съ *e*, а съ *a*.

онъ создалъ книгой, которая носитъ заглавіе : „О п ы т ы“. Французы до сихъ поръ продолжаютъ ею восхищаться. Она въ перемежку трактуетъ о различныхъ предметахъ, по существу же представляетъ довольно многословныя разсужденія Монтаня о себѣ самомъ. Написана она чуднымъ французскимъ языкомъ, который читается очень легко.

Въ біографіи Монтаня любопытно то, что отецъ его былъ женатъ на богатой еврейкѣ. Происхожденіемъ матери объясняется его широкая религіозная терпимость, а богатствомъ — то заботливое воспитаніе, которое отъ получилъ.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ словъ Монтаня объ его собственномъ воспитаніи.

Отецъ настолько заботливо слѣдилъ за воспитаніемъ сына, что даже лакеевъ заставлялъ говорить по-латыни для того, чтобы мальчикъ не слышалъ иного языка и лучше усвоилъ бы необходимый по тому времени латинскій. Какъ курьёзъ, сообщаетъ Монтанъ, что въ дѣтствѣ его будили не иначе, какъ музыкою.

Такое мягкое воспитаніе сдѣлало и самого Монтаня человѣкомъ въ высшей степени мягкимъ и кроткимъ, однако, не чуждымъ многихъ противорѣчій и странностей въ своемъ характерѣ.

По своему служебному положенію онъ былъ судьей и совѣтникомъ парламента въ Бордо. Но эта должность мало подходила къ его характеру и служилъ онъ собственно по желанію своего отца; послѣ же его смерти Монтанъ немедленно вышелъ въ отставку. Мягкій характеръ не позволялъ ему быть представителемъ суроваго, карающаго закона. Наказанія того времени были очень жестоки; слѣдствія велись съ примѣнепемъ пытокъ, въ большинствѣ случаевъ все же не рѣшавшихъ вопроса о виновности подсудимыхъ. Время большихъ религіозныхъ стѣсненій создало и жестокость судебного процесса, а то и другое могло только вызывать отвращеніе въ мягкой душѣ Монтаня.

Поэтому онъ удалился въ свое помѣстье и занялся наукою. Спустя нѣкоторое время его выбрали мэромъ г. Бордо, но въ этой должности онъ пробылъ три года. Постъ этотъ, окруженный жестокою борьбой политическихъ партій, оказался слишкомъ тяжелымъ для Монтаня. Выйдя вторично въ отставку, онъ жилъ уже въ сторонѣ отъ всякихъ служебныхъ волненій и умеръ въ тиши своего помѣстья.

Можно сказать, что жизнь Монтаня протекла счастливо. Однако, съ ранняго дѣтства мысль его была неспокойна и его можно назвать большимъ скептикомъ (que sais-jе?). Онъ не находилъ окончательныхъ отвѣтовъ ни въ вопросахъ государственнаго устройства, ни въ вопросахъ педагогическихъ. Это былъ человѣкъ, чуждый всякихъ опредѣленныхъ рѣшеній, вѣчно сомнѣвавшійся и излагавшій свои сомнѣнія въ изящной, но черезчуръ широкой формѣ.

Вотъ что рассказываетъ Монтанъ о своемъ воспитаніи.

„Знаніе греческаго и латинскаго языка — вещь, безспорно, хорошая, но покупается то она слишкомъ дорогою цѣною“. Отецъ Монтаня, страстно любившій науку, рѣшилъ сократить для своего сына путь изученія латинскаго языка. И вотъ „прямо отъ кормилицы, раньше, нежели я (Монтанъ) выучился говорить, онъ отдалъ меня на попеченіе одного врача, который совсѣмъ не зналъ французскаго языка, но за то очень хорошо зналъ латинскій“. Монтанъ воспитывался врачомъ, — требованіе и нашего времени. Среди современныхъ педагогическихъ вопросовъ особенно часто выдвигается вопросъ о болѣе широкомъ участіи школьныхъ врачей въ жизни и организаціи школы, а также и вопросъ о необходимости для педагога-практика медицинскаго образованія.

Отецъ Монтаня, какъ человѣкъ богатый, и пригласилъ для сына специалиста-врача, на помощь которому были приглашены еще двое. И всѣ окружавшіе ребенка, начиная отъ родителей и врачей, и кончая прислугой, должны были говорить только по-латыни. Все это дало хорошій резуль-

татъ, такъ что, по словамъ Монтаня, лучшіе знатоки латыни „побаивались вступать съ нимъ въ разговоръ“.

Но были и дефекты въ развитіи Монтаня, которые онъ самъ отмѣчаетъ. „Я предавался смѣлымъ фантазіямъ и имѣлъ мнѣнія, не соотвѣтствующія моему возрасту. Умъ у меня былъ крайне неподвиженъ и шелъ впередъ только до тѣхъ поръ, пока его вели; я не обладалъ способностью быстро схватывать, не имѣлъ изобрѣтательности и ко всему этому обладалъ страшно слабою памятью“. Вотъ результаты тепличнаго воспитанія: власть темперамента, неподвижность не только тѣла, но и ума и задержанная дѣятельность памяти.

Шести лѣтъ онъ былъ отданъ въ коллегію, а тринадцати уже оставилъ ее; слѣдовательно, только семь лѣтъ провелъ онъ въ школьной обстановкѣ. Въ школѣ Монтанъ получилъ любовь къ чтенію и особенно полюбилъ сочиненія Овидія. „Латинскій языкъ былъ любимымъ моимъ языкомъ, такъ что книги латинскія были самыми легкими и соотвѣтствовали моему слабому уму“.

Затѣмъ онъ небрежно относился къ задаваемымъ ему урокамъ; но, къ счастью, учитель, видя его страсть къ чтенію, не требовалъ отъ него слишкомъ много изъ предписанныхъ работъ. Итакъ нашъ будущій великій человекъ былъ очень неважнымъ ученикомъ; однако, у него умственные способности развивались быстрымъ темпомъ. „Едва мнѣ было одиннадцать лѣтъ, какъ я началъ уже исполнять первыя роли въ трагедіяхъ, которыя очень хорошо шли въ нашей коллегіи“.

Вотъ путь развитія Монтаня — путь совершенно удаленный отъ непосредственной связи со школьною обстановкой. Онъ самостоятельно занимался тѣмъ, что его интересовало и быстро двигался впередъ въ своемъ развитіи. Многіе педагоги и теперь требуютъ примѣненія этого принципа воспитанія, который у Монтаня принимаетъ видъ настоящей педагогической заповѣди: „Нѣтъ ничего необходи-

мѣе, какъ возбуждать желаніе заниматься, иначе будутъ выработываться только ученые ослы; при помощи хлыста ихъ нагружаютъ ученостью, но для того, чтобы изъ этой учености вышелъ прокъ, мало ею нагрузиться, — нужно претворить ее себѣ въ плоть и кровь“.

Монтанъ касается и частныхъ педагогическихъ вопросовъ.

„Въ дѣтствѣ меня наказывали за то, что я отказывался отъ сластей, варенья и сладкихъ пирожковъ“. Чревоугодіемъ Монтанъ называетъ даже пристрастіе „къ черному хлѣбу“ и привередничествомъ всякую любимую привычку. Идеаломъ воспитанія, по Монтаню, должно быть такое стремленіе, чтобы, благодаря привычкамъ, ребенокъ не пристрастился ни къ одному опредѣленному образу жизни (см. у Руссо).

Съ Монтанемъ, однако, не всѣ согласны и нѣкоторые педагоги даже рекомендуютъ развивать у дѣтей склонность къ лакомствамъ, чтобы сдѣлать ее средствомъ управленія дѣтьми, употребляя, какъ награду за поведеніе и уснѣхи, лакомые подарки (тотъ же, напр., Руссо).

Монтанъ горячо благодаритъ своего отца, который отправилъ его „прямо изъ колыбели въ бѣдную деревеньку, чтобы пріучить (его) къ самой простой жизни“. Итакъ, отсутствіе сластолюбивыхъ склонностей, въ чемъ бы онѣ ни выражались и общая простота жизни — вотъ тѣ цѣли, которыя должны стоять во главѣ всякаго воспитанія. Это оправдывается и другими соображеніями. Низшіе классы населенія нуждаются въ богатыхъ и гораздо справедливѣе, по мнѣнію Монтаня, „стремиться къ тому, кто протягиваетъ къ намъ руки, чѣмъ къ тому, кто поворачивается къ намъ спиной“. А съ этими классами что же можетъ связать, какъ не простота жизни, являющаяся основною ихъ чертой.

Знаніе, пріобрѣтаемое теоретическимъ путемъ, Монтанъ ставитъ ниже испытанныхъ собственной душою переживаній. „Если бы я былъ хорошимъ ученикомъ, то въ познаніи самого себя я нашелъ бы достаточно средствъ для того, чтобы

сдѣлаться мудрымъ“. Мы стремимся изучать великихъ людей, слѣдимъ за ихъ переживаніями и стараемся снимать съ нихъ примѣръ. Монтанъ противъ этого. Онъ совѣтуетъ заглядывать почаще въ свою собственную душу и на ея впечатлѣніяхъ учиться реагировать на каждое явленіе жизни. „Жизнь Цезаря не дастъ намъ столько примѣровъ, сколько наша собственная“.

Какимъ же путемъ лучше пріобрѣтать знанія?

Монтанъ рѣшительно и твердо настаиваетъ на діалогическомъ или разговорномъ методѣ. Вопросъ о діалогахъ не новый и часто дебатировался и дебатруется представителями педагогики. Еще Сократъ и Платонъ стремились обучать разговорами. У Монтаня наблюдается стремленіе придать разговору даже рѣшающую роль въ процессѣ пріобрѣтенія знаній.

„Если бы мнѣ пришлось выбирать, я бы скорѣе согласился потерять зрѣніе, чѣмъ слухъ или способность рѣчи. Изученіе книгъ есть дѣйствіе такое вялое и слабое, что вовсе не согрѣваетъ, тогда какъ разговоръ сразу поучаетъ и развиваетъ“. Значитъ, Монтанъ не одобрялъ ни чтенія, ни монологическаго, лекціоннаго способа преподаванія. Въ разговорѣ онъ видѣлъ равноправіе двухъ лицъ въ усиліи выяснить значеніе предмета. „Если нашъ умъ крѣпнетъ отъ соприкосновенія съ умами, обширными и развитыми, то, съ другой стороны, нельзя себѣ представить, насколько онъ теряетъ и вырождается отъ постоянного знакомства и сношенія съ умами низменными и болѣзненными“. Эти, по истинѣ, золотыя слова Монтаня подтверждаются многочисленными фактами и особенно у насъ въ Россіи. Сколько гибнетъ у насъ людей, талантливыхъ и глубоко одаренныхъ, только потому, что ихъ глушатъ провинціальныя сумерки. И часто лучше вовсе не имѣть общенія съ людьми, быть въ одиночествѣ, чѣмъ сообщаться съ натурами грубыми и невѣжественными. „Нѣтъ, — по словамъ Монтаня, — заразы, которая распространялась бы сильнѣе этой“.

Такое значеніе разговора естественно требуетъ правильной и нормальной его постановки. Монтанъ протестуетъ противъ привычки добиваться часто совершенно несправедливо словесной побѣды надъ соперникомъ. „Обыкновенно при возраженіи не смотрятъ на то, справедливо ли оно или нѣтъ, а лишь на то, какъ его отразить. И отъ своего противника не ожидаютъ возраженій, не вызываютъ ихъ, а противопоставляютъ ему когти“.

Таковы въ общемъ принципы, которые въ изящной, достойной художника формѣ отстаивалъ Монтанъ.

Попробуемъ сдѣлать общую сводку педагогики Монтаня. Прежде всего, „душа должна находить поддержку въ здоровомъ тѣлѣ“. Этимъ самымъ Монтанъ поднимаетъ вопросъ о физическомъ воспитаніи.

Что же касается спеціальнаго воспитанія, то онъ указываетъ на необходимость особенной гибкости ума.

Сообразно общему своему скептическому направленію, Монтанъ говоритъ: „Цѣль философа — добродѣтель, а послѣдняя заботится о человѣческой радости, дѣлая ее прочною и чистой. Большая часть наукъ, которыми мы занимаемся, въ сущности, не приложимы къ дѣлу“. Еще греческая древность упомпаетъ о многознаніи и отзывается о немъ неодобрительно. Наша же современная школа стремится дать ученикамъ возможно больше знаній, заставить ихъ учиться многому. Монтанъ отрицаетъ пользу многихъ наукъ; въ послѣдствіи къ нему примкнулъ и Коменскій, требовавшій изученія вещей, а не словъ.

Въ связи съ этимъ нужно развивать въ ребенкѣ активность. У насъ же лучшимъ учителемъ считается тотъ, кто умѣетъ хорошо дрессировать учениковъ (умѣетъ держать въ дисциплинѣ). Хорошимъ ученикомъ считается тотъ, кто безпрекословно подчиняется своему наставнику. Но Монтанъ выдвигаетъ замѣчательный тезисъ: въ ребенкѣ нужно воспитывать самостоятельность.

Въ нашихъ школахъ все дѣло обученія сводится къ

выполнѣшю оффиціальныхъ требованій. Въ результатѣ получается, что лучшіе (первые) ученики впослѣдствіи, оставшись безъ руководителей, оказываются совершенно непригодными къ самостоятельной работѣ. Школа приучила ихъ къ постоянной указкѣ и не они уже въ этомъ виноваты. Вотъ почему Монтанъ и объясняетъ, что учитель долженъ преподавать не догматически, а предоставлять ученику возможность самостоятельно разбирать предлагаемый матеріалъ, изслѣдовать всякое отдѣльное мнѣніе и тѣмъ самымъ отучать отъ беспрекословнаго подчиненія силѣ какого бы то ни было авторитета. Учитель долженъ быть при этомъ не насильникомъ и полагать своихъ учениковъ. Школа должна пробудить любовь къ умственнымъ занятіямъ; окончательное же довершеніе воспитанію дается обществомъ и жизнью.

Таковы тѣ педагогическія идеи, которыя Монтанъ пытался привить своему вѣку. Онъ явился достойнымъ продолжателемъ Рабле и отзвуки ихъ мыслей не затерялись даромъ, а нашли свое сильное и болѣе опредѣленное выраженіе въ педагогическихъ трактатахъ Коменскаго, Локка и Руссо.

III.

Жанъ Жакъ Руссо (1712—1776).

Болѣе вѣка отдѣляетъ годъ смерти Монтаня отъ года рожденія Жана Жака Руссо. Но это долгое время не разрываетъ преемственной связи педагогическихъ идей между Монтанемъ и Руссо.

Руссо родился въ французской Швейцаріи и писалъ всегда только по французски. Жизнь его была въ высшей степени бродячая и несчастная. Не чуждъ онъ былъ и многихъ слабостей и пороковъ, наслѣдственныхъ и лично приобрѣтенныхъ болѣзней. Въ немъ ясно видны черты, свидѣтельствующія о глубокомъ вырожденіи. Въ своихъ несчастіяхъ Руссо много виноватъ самъ, но многимъ обя-

занъ и тяжелой наслѣдственности, въ которой алкоголь сыгралъ большую роль. Отецъ его былъ кутила, а мать, хотя и была талантлива, но тоже происходила изъ алкогольной семьи. Такимъ образомъ въ Ж. Ж. Руссо скрестились два алкогольных вліянія, что все же не лишило его генія. Разносторонность способностей Руссо видна уже изъ того, что онъ одинаково великъ въ вопросахъ и педагогическихъ, и политическихъ, и религіозныхъ; мало того — онъ былъ еще и композиторомъ. Всѣмъ извѣстно значеніе его „Общественнаго договора“, создавшаго начало цѣлой эпохи въ изученіи общества и государства. Нечего говорить о философскихъ его разсужденіяхъ, о правѣ, справедливости и неравенствѣ между людьми — они прогремѣли на весь міръ.

Но это былъ одинъ изъ тѣхъ геніевъ, которыхъ судьба преслѣдуетъ всю жизнь. Въ то время, какъ его прославляла французская литература, онъ снискивалъ себѣ пропитаніе перепискою нотъ. Судьба зло смѣялась надъ нимъ. Онъ описывалъ благородную, нѣжно-любящую женщину и всю жизнь мучился съ грубой и злой Терезой. Онъ, создавшій великую педагогическую систему, отдавалъ своихъ дѣтей въ воспитательный домъ. Можно только удивляться, что, несмотря на несчастныя обстоятельства, онъ остался великимъ человѣкомъ и великимъ авторомъ.

Изъ сочиненій его важно отмѣтить: „Общественный договоръ“ и два разсужденія: „Приносятъ ли науки пользу или вредъ“ и „О причипахъ неравенства между людьми“. Цѣнны также его романъ „Новая Элоиза“, какъ литературное произведеніе и „Исповѣдь“, въ которой изложены и его религіозныя воззрѣнія. Педагогическимъ же трудомъ Руссо является его „Э м и л ь или о в о с п и т а н і и“ — который сыгралъ огромную роль въ увлеченіи теоретической педагогикой. Даже на Канта Руссо произвелъ этимъ сочиненіемъ сильное вліяніе; у насъ же въ Россіи также многіе начитывались имъ и это вполне понятно. Руссо былъ врагомъ всякаго рабства и притѣсненія. Тѣ основоположенія, съ кото-

рыми онъ выступаетъ, не представляютъ собою систематическаго трактата въ родѣ „Великой дидактики“ ; здѣсь просто ведется разсказъ объ идеальномъ воспитаніи мальчика. Немало въ немъ и слабыхъ сторонъ ; однако, если кто былъ полезенъ работою въ пользу „раскрѣпощенія ребенка“, такъ этимъ человѣкомъ былъ именно Ж. Ж. Руссо.

Обратимся теперь къ разбору самаго сочиненія. Мы уже упомянули, что оно не представляетъ систематическаго педагогическаго трактата, а является разсказомъ о воспитаніи Эмилля.

Кто же такой Эмиль ? Нужно замѣтить, что Руссо ставитъ этого мальчика въ цѣлый рядъ искусственныхъ и благопріятныхъ условій. Эмиль — мальчикъ среднихъ способностей, здоровый и изъ богатой семьи. Берется далѣе и искусственная обстановка ; не видно семьи, не видно окружающаго общества ; предъ нами только воспитатель и воспитанникъ. Воспитатель, по Руссо, долженъ посвятить всю свою жизнь одному только ребенку и не отходить отъ послѣдняго до полнаго совершеннолѣтія ; воспитатель долженъ быть молодымъ, такъ какъ Руссо требуетъ отъ него даже участія въ играхъ питомца.

Другіе принципы Руссо продиктованы его крайнимъ оптимизмомъ во взглядѣ на дѣтскую натуру. Локкъ придерживался мнѣнія, что дѣтская душа *tabula rasa*, а Руссо утверждаетъ, что природа ребенка прекрасна и портитъ ее именно обычное воспитаніе. Говоря о Руссо, всегда нужно имѣть въ виду эту альтернативу. Руссо ставитъ цѣлью воспитаніе „человѣка“. Если мы взглянемъ на другія педагогическія системы, то и тамъ увидимъ всегда явное господство цѣли : у Платона воспитывается воинъ, у Аристотеля гражданинъ ; общіе идеалы появляются у Плутарха и Локка, гдѣ замѣтно стремленіе воспитать добронравнаго барича ; точно также и Коменскій хотѣлъ воспитать христіанина. Въ цѣли Руссо уже сказывается его оригинальность, его протестъ противъ сословныхъ раздѣленій среди воспитанниковъ.

Отъ природы, по его мнѣнію, нѣтъ ни купцовъ, ни полководцевъ, а есть только люди. Пусть же воспитывается человѣкъ, умѣющій вездѣ и всегда сохранить свое достоинство! Мысль Руссо держалась долго; вспомнимъ, что Жуковскій своему Царственному Питомцу передавалъ завѣтъ Руссо „не забывать святѣйшаго изъ званій — Человѣкъ!“ Наше время уклонилось отъ этого принципа и мы видимъ требованія о сословныхъ, національныхъ, религіозныхъ и другихъ задачахъ воспитанія.

Для детальнаго ознакомленія съ педагогикою Руссо, мы будемъ разсматривать его воззрѣнія по возрастамъ Эмиля.

I-й періодъ — Младенческій возрастъ (до 2-хъ лѣтъ). Руссо обращаетъ особенное вниманіе на первые годы ребенка и придаетъ имъ весьма серьезное значеніе. Экспериментальная педагогика вполне подтвердила мнѣніе Руссо, установивъ, что первые мѣсяцы жизни сильно вліяютъ и на физическія и на умственные способности ребенка. Первымъ завѣтомъ Руссо является призывъ къ матерямъ, чтобы онѣ сами воспитывали и сами кормили дѣтей (ср. у Плутарха). Это вызвано и до сихъ поръ практикуемымъ приемомъ отдачи дѣтей на выкормку на сторону, чаще всего въ деревню. Во Франціи этотъ обычай вошелъ въ употребленіе изъ-за вопросовъ семейной экономіи, а отчасти и отъ склонности французенокъ къ увеселеніямъ. У насъ въ Россіи подобную мѣру примѣняютъ воспитательные дома Петрограда и нужно сказать, что отъ этого гибнетъ до 90% воспитываемыхъ.

Руссо обращаетъ вниманіе на то, что подобные случаи лишаютъ дѣтей материнской ласки въ тотъ именно моментъ, когда ласка особенно необходима. Интересно и то, что Руссо видѣлъ въ семейномъ воспитаніи залогъ благополучія и счастья для всей семьи. „Пусть только женщины станутъ снова матерями“, говоритъ онъ, — „и мужчины скоро станутъ опять отцами и мужьями“. Важно, по мнѣнію Руссо, чтобы дитя не выбрасывалось изъ семьи, а именно связывало ее.

„Нѣтъ матери, нѣтъ и дитяти“ — говоритъ Руссо — „между ними взаимныя обязанности; и если онѣ дурно выполняются одною стороною, то и другая станетъ ими пренебрегать. Дитя должно любить свою мать, прежде чѣмъ будетъ знать, что должно любить ее“. Нельзя не сказать, что Руссо имѣлъ правильный взглядъ на дѣло, когда требовалъ исключительно материнскаго кормленія. Медицина въ настоящее время твердо установила фактъ, что материнскаго молока ничѣмъ нельзя замѣнить и по сравненію съ нимъ всякое искусственное кормленіе приноситъ плохіе результаты.

Вторымъ знаменитымъ завѣтомъ Руссо является категорическое за прещеніе пеленать дѣтей. Это тоже пророчество новой медицины. Противъ пеленанія Руссо возстаётъ очень рѣшительно. „Страны, гдѣ закутываютъ дѣтей въ пеленки, кишатъ горбатыми, хромыми, косолапыми, кривоногими, рахитиками, людьми, изуродованными на всѣ лады“. Нельзя дѣйствительно отрицать неестественности положенія спелепатаго ребенка и благополучное перенесеніе его можно объяснить только тѣмъ, что ребенокъ значительно выносливѣе взрослога. Пеленаніе, по мнѣнію Руссо, отражается и на темпераментѣ дѣтей. „Ихъ первое чувство — чувство боли и муки; всѣ движенія, въ которыхъ они имѣютъ потребность, встрѣчаютъ одни только препятствія; будучи болѣе несчастными, чѣмъ преступникъ въ оковахъ, они дѣлаютъ тщетныя усилія, раздражаются, кричатъ“. Руссо возражаетъ противъ пеленанія не только съ медицинской, но и съ символической точки зрѣнія: „всѣ наши обычаи не что иное, какъ подчиненіе, стѣсненіе, принужденіе. Человѣкъ-гражданинъ родится, живетъ и умираетъ въ рабствѣ: при рожденіи его затягиваютъ въ свивальникъ, по смерти заколачиваютъ въ гробъ; а пока онъ сохраняетъ человѣческой образъ, онъ скованъ нашими учрежденіями“.

Жизнь, по Руссо, является училищемъ терпѣнія. Онъ обращаетъ вниманіе на большую смертность дѣтей и фатальный характеръ многихъ дѣтскихъ болѣзней.

Чтобы устоять противъ тяжелыхъ условій жизни, Руссо совѣтуетъ идти въ дѣлѣ воспитанія за природою и всячески закаливать ребенка. Прежде всего нужно его приучить къ температурѣ воды, а для этого нужно купать ребенка въ разныхъ по степени тепла водахъ. Впослѣдствіи необходимо приучить переносить суровости временъ года, что, по мнѣнію Руссо, при гибкости натуры ребенка вполне достижимо.

Дальнѣйшія наблюденія Руссо поражаютъ точностью. Онъ подмѣтилъ значеніе дѣтскаго плача. Послѣдній Руссо понимаетъ, какъ средство заявленія ребенка о своихъ нуждахъ. Ребенокъ рождается съ организмомъ, совершенно неприспособленнымъ къ жизни, и единственнымъ средствомъ, заявляющимъ о нуждахъ и свидѣтельствующимъ о безпомощности, и является плачъ. Но ребенокъ чутко относится ко всему, а потому необходимо осторожно удовлетворять его желанія, иначе можно испортить ребенка. Возможны два случая :

1) грубый отвѣтъ крикомъ или колотушками — что поведетъ къ порожденію „забитаго“ типа ¹⁾ — ребенокъ испугается и перестанетъ заявлять даже о законныхъ нуждахъ ;

2) возможно, что дѣтскій крикъ встрѣтитъ слишкомъ предупредительное отношеніе и малѣйшіе капризы будутъ удовлетворяться — тогда ребенокъ, сознавъ выгоды своего положенія, можетъ сдѣлаться деспотомъ семьи ; онъ станетъ кричать тогда, когда захочетъ, чтобы на него было обращено вниманіе. И дѣти, и избалованныя животныя по своему протестуютъ, когда видятъ, что вниманія на нихъ начинаютъ обращать меньше. Вотъ почему мы должны внимательнѣе относиться къ дѣтямъ, точнѣе понимать значеніе ихъ жестовъ и удовлетворять только законныя ихъ желанія, а остальное игнорировать. Опыты, впослѣдствіи произведенныя въ воспитательныхъ домахъ, показали, что дѣти легко отвыкали отъ напраснаго крика.

1) Терминъ П. Ф. Лесгафта.

Привычки также обратили на себя вниманіе Руссо. Нѣкоторые говорятъ, что необходимо воспитывать въ дѣтяхъ привычки. Въ области гигиены это положеніе оправдываетъ себя (напр., привычка чаще умываться и др.), но если идти дальше, хотя бы въ предѣлы религіозной жизни, то привычки не оправдываютъ себя (напр., привычка хожденія въ церковь еще не создаетъ религіозность); то же самое будетъ и въ области нравственныхъ понятій. Руссо — врагъ всякихъ привычекъ, чтó отчасти объясняется его болѣзненной, непостоянною натурою. Только одну привычку допускаетъ Руссо, именно: „не имѣть никакихъ привычекъ“. Быть господиномъ надъ собою — вотъ требованіе Руссо; привычки же создаютъ много ненужнаго. Такъ Руссо требуетъ даже того, чтобы кормилица не послала ребенка только на одной опредѣленной рукѣ, а перемѣняла бы ихъ, чтобы ребенокъ не привыкъ къ одному положенію. Современная медицина не вполне согласна съ Руссо и считаетъ полезнымъ прививать, напр., привычки къ опредѣленному времени приема пищи и питья.

Касаясь вопроса объ ознакомленіи ребенка съ окружающими предметами, Руссо замѣчаетъ, что сначала ребенокъ ничего не знаетъ, но потомъ глаза его привыкаютъ къ свѣту и начинаютъ ознакомленіе съ предметами — тогда выступаетъ на помощь воспитатель.

Со всѣмъ ли можно знакомить ребенка? Нѣтъ, необходимо сдѣлать выборъ; иначе можно сдѣлать его робкимъ, а не мужественнымъ, такъ какъ ребенокъ со страхомъ относится ко всѣмъ предметамъ. Въ данномъ случаѣ можно усмотрѣть небольшое противорѣчіе, такъ какъ Руссо настаиваетъ именно на образованіи всетаки „привычки“ (sic) ничего не бояться. Вещи, по Руссо, имѣютъ огромное значеніе, и все непріятное и пріятное должно поэтому находить себѣ объясненіе.

Разберемъ теперъ и до сихъ поръ нерѣшенный вопросъ о з а п р е щ е н і и. Можно кое-что удалить отъ ре-

бенка, но какъ ознакомить его съ запрещеніемъ? Въ связи съ этимъ вопросомъ въ нашей школьной педагогикѣ явилось много уродливыхъ явленій, такъ какъ все основано только на словесныхъ запрещеніяхъ, которыя кажутся чѣмъ то въ родѣ порабощенія. Не выясненные, но предполагаемые мотивы подобныхъ запрещеній кажутся ребенку произвольными, а потому и повиновеніе будетъ держаться на страхѣ и недовѣрїи. Руссо предлагаетъ самому ребенку отыскать законѣрность запрещенія непосредственно изъ знакомства съ вещами. Его нужно подносить къ вещамъ, чтобы онъ самъ понялъ, что не всѣмъ возможно овладѣть. Руссо заходитъ очень далеко; онъ замѣтилъ склонность ребенка тянуться ко всему, и совѣтуетъ давать ему все въ руки, хотя бы это была, на примѣръ, зажженная свѣча. Боль будетъ лучшимъ воспитателемъ или какъ говоритъ наша русская пословица: „Обожжешься на молоко, станешь дуть и на воду“. Руссо въ данномъ отношеніи не щадитъ ребенка, лишь бы только избѣжать необходимости приказывать ему или запрещать. Современная педагогика не идетъ такъ далеко и не позволяетъ такихъ опытовъ; но зато Руссо можетъ похвалиться своею послѣдовательностью.

Дальше идетъ столь же старый вопросъ о развитіи рѣчи. Руссо начальную ступень дѣтскаго языка сводитъ къ подражанію. Ребенокъ слышитъ и воспроизводитъ звуки. Воспроизведеніе требуетъ контроля и помощи со стороны взрослыхъ, чтобы удалить возможность заиканія и картавости. Исправленіе ошибокъ дѣтской рѣчи, даже самыхъ незначительныхъ, необходимо. Часто можно видѣть, какъ иностранцы-воспитатели или няньки-иностранки коверкаютъ рѣчь ребенка. Въ этомъ отношеніи Руссо вполне правъ и его требованіе всегда сохранить свое значеніе. Необходимость этого отмѣчена еще была римскимъ педагогомъ Квинтиліаномъ, который указывалъ, что начальное произношеніе ребенка должно быть по возможности

точнымъ, для чего нужно стараться при ребенкѣ отчетливо произносить разныя слова. Обученіе рѣчи должно соединять съ наглядностью, что особенно важно для связи словъ и вещей. Руссо знаетъ, что при процесѣ изученія рѣчи дѣти допускаютъ много несообразностей, которыя, какъ это ни странно, приводятъ родителей въ восторгъ.

Кромѣ того, нужно избѣгать болтливости ребенка. Вообще въ первые два года жизни ребенка больше должна воспитывать природа, а воспитатель долженъ только изучать ребенка и выравнивать путь природы. Принципомъ воспитанія этого времени будетъ требованіе для ребенка возможной для него инициативы и свободы. Задачею для воспитателя будетъ возможное удовлетвореніе потребностей, отъ которыхъ, однако, необходимо отличать капризы; для умѣнья отличить природное требованіе отъ прихоти именно и нужно изучать дѣтей и умѣть разбираться въ ихъ чувствахъ. Второй періодъ — Дѣтство [съ 2-хъ до 12 лѣтъ] ¹⁾. Здѣсь нѣтъ какихъ-либо особыхъ принциповъ и всѣ они сводятся къ указаннымъ уже въ возрастѣ младенческомъ.

Чтобы усумниться въ правѣ вертѣть ребенкомъ по собственному усмотрѣнію, и необходимо было быть такимъ антибуржуазнымъ человѣкомъ, какимъ былъ Руссо. Надъ этимъ правомъ онъ поставилъ впервые большой вопросъ. По его мнѣнію, ребенокъ имѣетъ гораздо больше права на свободу, чѣмъ мы на его неволю. Но, какъ Платонъ, эмансипируя женщину, возлагалъ на нее обязанности, такъ и Руссо обязываетъ ребенка во многомъ обходиться своими силами. Онъ думаетъ, что ребенокъ при такихъ условіяхъ не перейдетъ границъ: у него не появится фантастическихъ желаній, противныхъ его природѣ, его желанія будутъ регулироваться его слабыми силами и не будутъ ихъ пре-

---

1) Платонъ предлагаетъ дѣленіе воспитанія по промежуткамъ 1—3 года, 3—6 лѣтъ, 6—10 л., 10—18 л. и 18—20 л.

вышать. И такъ, вотъ еще одно толкованіе „свободы“ — можно дѣлать все, что хочешь, но только отнюдь не переходить за границы реального; въ дѣйствительной жизни мы сталкиваемся съ разнаго рода фактами, и послѣдніе устанавливаютъ рамки для нашей дѣятельности.

Для „дѣтскаго“ возраста требуетъ Руссо закалки въ болѣе обширномъ смыслѣ. Въ это время употреблять необходимо только холодную воду; даже разгоряченному ребенку не слѣдуетъ давать иной воды, кромѣ холодной. Болѣзнь, если и случится, то заставить его только больше наблюдать за своимъ здоровьемъ и охранять его. Нужно приучать дѣтей къ разнымъ срокамъ ѣды и сна, привыкать оставаться безъ сна и ѣды и умѣть переносить боль, но боль не искусственную, какъ рекомендовалъ ее Локкъ. Если ребенокъ поранилъ себя, то не нужно придавать этому значенія, а просто объяснить ему, что это неприятность временная. Сохраняя хладнокровіе, ребенокъ перестанетъ потомъ даже обращать вниманіе на подобные случаи. Руссо совѣтуетъ не наблюдать за ребенкомъ, и когда тотъ учится ходить, и возражаетъ противъ разныхъ приспособленій, помогающихъ учиться ходьбѣ и вошедшихъ въ употребленіе у разныхъ народовъ. Плачь и крикъ въ этомъ возрастѣ уже не извинительны. Раньше ребенокъ не зналъ рѣчи, а теперь онъ долженъ прибѣгать только къ послѣдней. Плачь является слѣдствіемъ капризовъ и, поощряя послѣдніе, можно сдѣлать ребенка либо трусомъ, либо тираномъ окружающихъ.

Запрещенія въ этомъ возрастѣ уже дѣлаются, но къ нимъ нужно относиться возможно внимательнѣе. Ребенокъ, по Руссо, долженъ примиряться съ отказомъ; приучать же его къ этому нужно постепенно, съ указаніемъ на то, что отказъ допускается съ сожалѣніемъ. Самый отказъ долженъ быть твердымъ и непреклоннымъ и допускается только тогда, если удовлетвореніе просьбы будетъ для ребенка вреднымъ; все же невредное нужно давать безпрепятственно.

У дѣтей постоянно замѣчается потребность рѣзвиться, бѣгать, и у насъ подѣ вліяніемъ предрасудковъ ребенку часто запрещаютъ гулянья. „Человѣки, будьте человѣчны“, взываетъ Руссо — „любите дѣтство, будьте внимательны къ его играмъ и забавамъ, къ его милому инстинкту“! Мы должны, по мнѣнію Руссо, помнить о собственномъ дѣтствѣ, объ утратѣ котораго мы потомъ сожалѣемъ, и въ этомъ воспоминаніи мы должны находить оправданіе рѣзости и веселью дѣтей.

Съ другой стороны, пессимистъ Руссо напоминаетъ, что въ теченіе всей жизни мы связаны разнаго рода необходимостями; какъ же дѣтямъ внунить понятіе необходимости? Руссо рѣшаетъ этотъ вопросъ оригинально и остроумно. Одно дѣло — необходимость социальная, которая носитъ характеръ принудительности и совсѣмъ иное дѣло необходимость природы. Последняя не вредитъ, а первая развращаетъ, и это особенно дѣлается замѣтнымъ, когда ребенокъ попадаетъ въ принудительныя руки воспитателя. Руссо и настаиваетъ на томъ, чтобы ребенокъ испыталъ сначала зависимость отъ вещей, т. е. отъ природы. Руссо не допускаетъ противоположеніе волѣ ребенка словеснаго отказа; онъ требуетъ, чтобы именно сила самихъ вещей не допускала осуществленія вздорныхъ и недоступныхъ требованій дитяти. Руссо ставитъ великое требованіе — уважать ребенка. До этого педагогика ранѣе Руссо никогда еще не поднималась. Никто не думалъ относиться съ уваженіемъ къ той ничтожной величинѣ, какою кажется намъ ребенокъ. Но Руссо, уважающій ребенка, уважаетъ и самого себя: мы должны во всемъ показывать ему примѣръ, и, желая воспитать въ ребенкѣ достоинство, должны не нарушать его собственнаго достоинства. Особенно часто игнорируются и теперь отношенія къ прислугѣ; Руссо обращаетъ вниманіе на это и указываетъ, что третированіе прислуги, какъ рабовъ, развращаетъ ребенка. Воспитатель долженъ показывать, что необходимо вездѣ и всегда ува-

жать права и достоинства другого человѣка. Принципъ охраны личности въ практическомъ примѣненіи — вотъ еще одно изъ оригинальныхъ педагогическихъ средствъ Руссо.

Необходимо дальше отмѣтить принципъ, который, пожалуй, можно бы назвать парадоксомъ. Нужно умѣть расходовать, терять время въ этомъ возрастѣ, и не умѣть эксплуатировать его въ цѣляхъ воспитанія. Квинтиліанъ и др. высказывались за возможно полную эксплуатацію времени ребенка, преимущественно, въ цѣляхъ дидактическихъ. Руссо категорически возстаётъ противъ этого. Нужно отодвигать, по его мнѣнію, даже то, что ребенокъ могъ бы получить, такъ какъ дѣти возможно дольше должны оставаться дѣтьми. Это основывается и на медицинскомъ соображеніи, требующемъ времени для укрѣпленія физическихъ и духовныхъ силъ. Руссо убѣжденъ, что съ бѣльшимъ запасомъ силъ ребенокъ сможетъ впоследствии овладѣть гораздо большимъ. Даже учиться ребенокъ не долженъ начинать раньше, чѣмъ онъ самъ почувствуетъ въ этомъ потребность для себя.

Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одну сторону, отмѣченную и знаменитымъ русскимъ педагогомъ Н. И. Пироговымъ. Наша психологія сильно разнится отъ психологіи ребенка и не всегда можно думать, что наши наставленія для него имѣютъ то именно значеніе, какое мы въ нихъ влагаемъ. И нерѣдко случается, что хорошее наставленіе у ребенка можетъ преломиться въ плохое. Единственнымъ средствомъ сохранить душу дитяти отъ пороковъ и будетъ служить возможно долгое укрѣпленіе тѣлесныхъ и духовныхъ силъ для предстоящей жизни. Важно, чтобы все даваемое входило въ плоть и кровь, связанное чувствомъ собственности. Задача воспитателя, слишкомъ трудная, усложняется еще и различіемъ психологіи его и питомца.

Но есть еще причина, которая и теперь подчеркивается. Необходимо знать, кого и какъ мы направляемъ. Нужно изучить психику ребенка: нужно предугадать его личную

реакцію на наши слова или дѣйствія. Только зная все это, мы можемъ выработать индивидуальную методику его воспитанія. Опять указывается, что нельзя всѣхъ подгонять подъ одну мѣрку. Если и имѣются шаблонныя методическія указанія, то нужно имѣть въ виду, что всѣ они условны и не помогаютъ воспитать всѣ типы дѣтей. На это указывалъ еще Квинтиліанъ: одному де нуженъ страхъ, другому больше подойдетъ ласка. Руссо и приходитъ къ выводу о потерѣ времени въ виду того, чтобы воспитатель возможно лучше изучилъ своего питомца. Ошибки воспитателя иногда бывають непоправимы и онѣ особенно часты отъ нашей поспѣшности въ воспитаніи. Этотъ принципъ теперь забывается. Дѣтскіе балы, спектакли, танцы радуютъ всѣхъ именно тѣмъ, что дѣти играютъ роль взрослыхъ, но никто не обращаетъ вниманія на развращающее вліяніе этихъ увеселеній.

Необходимо отмѣтить и то, что большинство книгъ въ дѣтской литературѣ нераціонально. Въ области ея замѣчается всегда опредѣленная тенденція привить какое-либо нравственное правило. Все это и преждевременно, и вредно. Для дѣтей болѣе подойдутъ рассказы изъ міра животныхъ и растений, да и заинтересуютъ ихъ гораздо болѣе. У насъ рассказы и этого рода всегда смѣшаны съ тенденцією пробудить въ ребенкѣ жалость. Но зачѣмъ тянуть его въ этику жалости и скорби и усложнять его чувства? Руссо совершенно справедливо требуетъ, чтобы ребенокъ возможно дольше оставался ребенкомъ. Природа жестока, но пусть ребенокъ только констатируетъ факты, а не усвоитъ ихъ формулировку въ нравственныхъ сентенціяхъ, такъ какъ поученіе никогда не будетъ имѣть цѣнности. Мы знаемъ, что русскіе политическіе эмигранты воспитывали дѣтей въ духѣ своихъ партій; однако, они не только не слѣдовали за родителями, но подчасъ уходили въ монастыри (дѣти Гейнса-Фрея, Тихомірова). Руссо и настаиваетъ на полной свободѣ, тѣмъ болѣе, что ребенокъ не въ силахъ что-либо возразить намъ и оставляетъ поученія безъ вниманія или же прини-

маеть ихъ совершенно пассивно и непрекословно. Если прививать ему дальнѣе и послушаніе, то можно развить двойственность. Запретное онь будетъ дѣлать тайкомъ, а любовь и уваженіе къ своему воспитателю потеряеть. Большинство воспитателей считаетъ необходимымъ вести воспитаніе по одной опредѣленной линіи. Руссо заявляетъ, что ребенокъ еще не можетъ давать себѣ отчета ни въ умственныхъ, ни въ нравственныхъ вопросахъ. Онь живетъ только чувствомъ и многого не поймѣтъ. Вотъ почему нравственное воспитаніе должно начинаться съ подражанія руководителю. Но необходимо отмѣтить, что Руссо противорѣчитъ самому себѣ. Раньше онь настаивалъ на поученіи ребенка предметами природы, т. е., предоставлялъ ребенку самому осмысливать и объяснять ихъ; очевидно, онь предполагалъ въ немъ значительно развитую мыслительную способность. Теперь же по отношенію къ другимъ вопросамъ онь отнимаетъ у ребенка эту самую способность. Истина, вѣроятно, лежитъ посрединѣ: въ этотъ періодъ ребенокъ не такъ ужъ и безпомощенъ, но еще и не обладаетъ развитою мыслью, а потому безъ наставленія оставлять его всетаки нельзя.

Руссо далѣе отбрасываетъ наказанія, такъ какъ не видитъ у ребенка злой воли. Но тогда къ чему же и воспитаніе? Принципъ этотъ у Руссо имѣеть соприкосновеніе съ теоріями Локка, а съ другой стороны предвосхищаетъ мнѣнія новыхъ педагоговъ, хотя бы Л. Н. Толстого. Ребенокъ, по Руссо, можетъ сдѣлать проступокъ случайно, но безъ всякаго участія злой воли. Толстой идетъ дальше и примѣняетъ еще христіанскій принципъ вознагражденія зла добромъ. Управлять дѣтьми Руссо совѣтуетъ черезъ чревоугодіе — это поддерживаютъ и другіе, — но предостерегаетъ отъ развитія привычки къ мясу, которое сдѣлаетъ дѣтей жестокими.

Руссо отрицаетъ воспитаніе чувства долга и въ этомъ отношеніи стоитъ особнякомъ среди педагоговъ. Ребенокъ

долженъ чувствовать зависимость отъ воспитателя, но чувствовать ее, какъ естественную, а не какъ навязанную ему. Отсюда и наказанія должны исходить не отъ воспитателя, а отъ природы, чисто естественнымъ путемъ, напр.: не чинить разорванное ребенкомъ платье, не покупать разбитую или испорченную вещь — это научить его бережно относиться ко всему окружающему. Это же поддерживаетъ въ этикѣ и Лейбницъ, когда увѣряетъ, что наказаніе приходитъ механическимъ путемъ.

Нужно однако и здѣсь замѣтить, что подобный способъ, несомнѣнно, предполагаетъ мысль ребенка развитою настолько, что она дѣлается уже способной производить оцѣнку и опредѣлять цѣлевое значеніе вещей.

Для удобства ребенка Руссо требуетъ самой простой обстановки, исключаящей все ломкое и хрупкое; достаточно, чтобы она удовлетворяла требованіямъ гигиены. Такая обстановка выполнить свое назначеніе и не будетъ стѣснять ребенка.

Но какіе же могутъ быть уроки нравственности? А вѣдь примѣры могутъ истолковываться ребенкомъ ошибочно. Руссо допускаетъ въ крайнихъ случаяхъ и словесныя объясненія, но категорически запрещаетъ давать общія правила, такъ какъ послѣднія могутъ подвергаться различному толкованію. Учите ребенка „не дѣлать зла“, а не учите „дѣлать добро“ — вотъ основной нравственный принципъ педагогики Руссо.

Руссо касается далѣе интереснаго, но до сихъ поръ нерѣшеннаго вопроса о дѣтской лжи. Мы знаемъ, что дѣтская ложь разсматривается съ разныхъ точекъ зрѣнія. Есть ложь фантастическая, когда ребенокъ хочетъ показать себя въ глазахъ взрослыхъ героемъ и выдумываетъ небылицы, участникомъ которыхъ пазываетъ себя. Есть ложь злонамѣренная, связанная съ желаніемъ принести вредъ другимъ. Послѣдній видъ лжи является, по мнѣнію Руссо, вынужденнымъ условіями воспитанія. Вообще

Руссо на ложь смотреть, какъ на естественный исходъ чрезмѣрнаго отягощенія ребенка разными наставленіями. Теряя сознаніе важности дѣла, ребенокъ начинаетъ забавляться тѣмъ, что начинаетъ прибѣгать ко лжи. Мы требуемъ отъ него обѣщаній такъ часто, что онъ начинаетъ не серьезно смотрѣть на исполненіе ихъ; поэтому Руссо настаиваетъ на томъ, чтобы мы добивались того, чтобы исполненіе обѣщаній ребенкомъ интересовало его самого, иначе говоря, придавать имъ надо утилитарный характеръ. Чистая этика, по его мнѣнію, невозможна для дѣтей, да и утилитарная не вполне доступна еще ихъ сознанію. Отдаленная польза или вредъ не могутъ служить регулятивами ихъ поступковъ. Вотъ почему и нужно избѣгать пространныхъ наставленій, а предоставлять почерпать ихъ изъ природныхъ условій.

Затрагиваетъ Руссо еще одинъ очень важный педагогическій вопросъ. Всѣмъ извѣстно, какъ развить у насъ обычай заставлять дѣтей сознаваться въ сдѣланномъ поступкѣ, обычай, порой, обращающійся въ мученіе. Руссо категорически запрещаетъ добиваться оффиціального сознанія, требуетъ уважать личность ребенка и не ставить ему никакихъ ловушекъ.

Какими же науками возможно заниматься въ періодъ дѣтства? Дѣтство — сонъ разума, а потому до 12 лѣтъ Руссо запрещаетъ ученіе. Пусть ребенокъ и учится, если онъ этого самъ хочетъ, но заставлять его нельзя. Кроме того, категорически нужно запрещать изученіе наизусть. Нужно заботиться только о томъ, чтобы ребенокъ интересовался дѣломъ. Послѣднее Руссо совѣтуетъ, очевидно, на основаніи личнаго опыта; отецъ его былъ человѣкъ съ богатою фантазіей и обученіе сына началъ съ чтенія вслухъ романовъ. Руссо и указываетъ на вредъ такого воспитанія; здѣсь возможно усвоеніе словъ, но отнюдь не пониманіе идей. Опять отмѣтимъ недооцѣнку способностей ребенка — если онъ здѣсь не можетъ понять, то почему же онъ можетъ понимать указанія природы. Ребенку надоѣдаетъ

книга — подмѣчаетъ Руссо — и это правда, но только въ томъ случаѣ, если ему приходится имѣть подъ руками только одни учебники и онъ не видитъ книгъ, способныхъ заинтересовать его дѣтскую натуру.

Руссо совѣтуетъ удалять хронологію и разнаго рода громкія опредѣленія, такъ какъ первое не дастъ никакого конкретнаго знанія, а второе будетъ являться заучиваніемъ ненужныхъ фразъ.

Можно показать Эмилю геометрію, но только въ практическомъ примѣненіи циркуля и линейки.

Нужно стремиться дать возможность получать впечатлѣнія изъ каждаго чувства — и показанія одного изъ нихъ провѣрять показаніями другого. Помочь въ этомъ сможетъ рисованіе, которое дастъ вѣрный глазъ и гибкость руки, съ одной стороны, а съ другой — дастъ познаніе предметовъ по фигурѣ или величинѣ.

Вотъ и всѣ тѣ скромныя требованія, которыя Руссо предъявляетъ къ занятіямъ науками въ періодъ дѣтства.

Изъ частныхъ вопросовъ воспитанія, Руссо отмѣчаетъ страхъ дѣтей передъ темнотой, дѣйствующею часто парализующе и на взрослога человѣка. Руссо требуетъ, чтобы дѣти привыкали къ мраку, для чего рекомендуетъ устраивать ночныя игры.

Затѣмъ Руссо заходитъ нѣсколько далеко и приходитъ къ выводу о необходимости исключительнаго развитія тѣла. Древніе держались иного мнѣнія и считали, что исключительная культивировка тѣла приведетъ людей къ звѣроподобію. Руссо настаиваетъ на постоянныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ именно потому, что въ нихъ видитъ средства, укрѣпляющія и умъ. Эту точку зрѣнія, приводящую въ связь упражненія тѣла и развитіе ума, нельзя не признать оригинальною.

Періодъ отрочества (12—15 л.) замѣчателенъ быстрымъ ростомъ силъ человѣка; физиологія говоритъ, что

именно въ это время наростаетъ полный мозгъ (третья треть). Руссо, указывая на этотъ ростъ силъ, полагаетъ, что возрастъ отрочества необходимо использовать, какъ рабочее время.

Какъ же организовать ученіе? Руссо иовторяетъ здѣсь свои старыя, намъ уже знакомыя принципы. Учиться должно только тогда, когда къ этому замѣтенъ интересъ; вниманіе же необходимо концентрировать всегда на одномъ пунктѣ и не развлекаться постороннимъ.

Нѣкоторые педагоги настаиваютъ на ломкѣ воли ребенка, стараются добиться того, чтобы онъ работалъ въ сознаніи своего долга.

Руссо категорически отрицаетъ это. Онъ думаетъ, что у дѣтей разовьется сначала любопытство, которое вполне естественно можетъ перейти потомъ въ любознательность. Послѣдняя очень желательна; направить ее необходимо на природныя явленія. Учитель ничего не долженъ подсказывать; его дѣло — умѣть во время поставить ученику вопросъ въ самой лаконической формѣ. Въ данномъ мѣстѣ можно подумать, что Руссо допускаетъ нѣкоторую утрировку, говоря, что ребенокъ самъ создастъ науку.

Первыми науками должны быть географія и космографія и изучать ихъ нужно не по книгамъ и atlasамъ, а по собственнымъ наблюденіямъ. Конечно, это не будутъ знанія вполне научныя, но зато они будутъ достигнуты самимъ ученикомъ и разовьютъ благотворную привычку къ самостоятельности.

Такъ какъ этотъ возрастъ уже не позволяетъ терять время, то приходится позаботиться о балансѣ знаній. Что можно составить ребенку своими силами? Руссо говоритъ, что въ основаніе всего должны быть положены правильныя идеи, но только не путемъ сообщенія ихъ, а путемъ достиженія ихъ самостоятельнымъ трудомъ.

Руссо обращаетъ вниманіе и на то, что въ приобрѣтеніи знаній важно стремиться не къ ихъ количеству, а къ методичности ихъ; выгода будетъ та, что умъ, забитый

массою знаній, не можетъ оперировать всѣми научными; пріобрѣтеніями, въ то время какъ умъ съ малыми, но систематизированными знаніями добьѣтся большихъ результатовъ.

Условія, въ которыя ставитъ Руссо ребенка при занятіяхъ, очень тяжелы: такъ онъ запрещаетъ давать ему какіе бы то ни было инструменты, а требуетъ, чтобы Эмиль дѣлалъ ихъ самъ. Такіе инструменты не будутъ имѣть точности, но зато будетъ автору ясно ихъ значеніе, а работа надъ изготовленіемъ ихъ будетъ развивать руки ребенка.

Самостоятельное изученіе природы, по Руссо, должно привести къ паденію авторитетъ словъ; умъ разовьется лучше и правильнѣе будутъ связываться идеи.

Необходимо проводить и утилитарный принципъ. Ребенокъ долженъ вездѣ имѣть въ виду пользу занятій. Воспитатель долженъ заботиться, чтобы передъ ученикомъ постоянно были вопросы, разрѣшеніе которыхъ заставляло бы его больше вдумываться въ нихъ, а слѣдовательно, и больше разсуждать.

Нельзя не признать значенія утилитарнаго принципа, но необходимо помнитъ и то, что дѣти — не взрослые; нужно постоянно становиться на одну доску съ ними, смотрѣть на вещи ихъ глазами; иначе можно потерять ихъ довѣріе.

Даже и въ этомъ возрастѣ Руссо считаетъ необходимымъ еще отвращать умъ отъ знакомства съ общественными отношеніями людей и воспитывать его только на явленіяхъ природы. Бываютъ, конечно, случаи, когда неизбѣжны столкновенія и съ вопросами общественными; тогда, по мнѣнію Руссо, способность самостоятельнаго сужденія уже поможетъ ребенку самому разобраться въ нихъ и постепенно подготовить къ дальнѣйшему ихъ пониманію. Все же лучше стараться обращать вниманіе на жизнь своихъ чувствъ, учиться понимать и повѣрять ихъ показанія. Нужно сначала показать природное соотношеніе вещей, а потомъ уже знакомить съ его преломленіемъ въ глазахъ

людей. Вотъ почему ознакомленіе со всѣми людскими предразсудками нужно отложить до болѣе поздняго времени.

Далѣе Руссо касается вопроса о сословномъ воспитаніи. Въ древней Греціи его не было, а впервые оно появилось въ средніе вѣка. Локкъ также имѣетъ въ виду воспитаніе только барича, а потому и строить примѣнительно къ этому свою педагогику. И теперь мы видимъ, что семья обычно даетъ отгѣнокъ будущей жизни ребенка; взрослые же прямо связаны извѣстнымъ сословіемъ или положеніемъ. Руссо предвидитъ, что жизненные случайности всегда могутъ выбить человѣка изъ колеи; обращаетъ вниманіе и на то, что природныя потребности одинаковы у всѣхъ людей, а потому и настаиваетъ на воспитаніи только „человѣка“, а не представителя одного какого-либо класса или сословія.

Въ связи съ этимъ возникаетъ вопросъ о воспитаніи въ отрокѣ желанія самостоятельнаго и сознательнаго труда. Здѣсь уже приходится подумать о руководствѣ не только черезъ личный примѣръ, но и черезъ подходящія для чтенія книги.

Руссо крайне оригинально рѣшаетъ вопросъ о дѣтскомъ чтеніи. По его мнѣнію, въ данный возрастъ вся бібліотека ребенка должна состоять изъ одной только книги — это „Робинзонъ Крузо“, такъ какъ она ознакомитъ съ тѣми прекрасными результатами, которыхъ можно добиться при настойчивомъ трудѣ. Здѣсь необходимо сдѣлать оговорку. Даніилъ Дефо, написавпій „Робинзона Крузо“, взялъ сюжетомъ дѣйствительный случай съ матросомъ А. Селькеркомъ, попавшимъ на необитаемый островъ. Однако, жизнь Селькерка была далека отъ жизни Робинзона Крузо, какъ видно изъ того, что Селькеркъ былъ найденъ чрезъ нѣсколько лѣтъ въ совершенно звѣроподобномъ состояніи.

Но Руссо считаетъ, что этотъ вымыселъ долженъ принести ребенку пользу; онъ поставитъ себя на мѣсто Робинзона и послушаетъ проповѣди труда.

Важнымъ затѣмъ считаетъ Руссо изученіе и с к у с -

с т в а. Здѣсь опять преслѣдуется утилитарный принципъ, основанный на необходимой зависимости людей другъ отъ друга. Вспомнимъ, что и Рабле говорилъ объ этомъ, когда водилъ своего питомца по разнымъ мастерскимъ. Теперь это повторяетъ и Руссо. Ребенка нужно водить вездѣ, показывать ему разныя занятія людей и нужно научить относиться къ нимъ съ уваженіемъ. Особенное же вниманіе Руссо совѣтуетъ обратить на искусство земледѣлія. Каждое такое посѣщеніе даетъ ребенку знакомство съ искусствомъ во всѣхъ деталяхъ. Въ связи съ этимъ рѣшается вопросъ и объ игрушкахъ ребенка; лучше всего дарить ему игрушки — орудія.

Итакъ, основною идеей отроческаго возраста является идея труда. До 12 лѣтъ силы ребенка недостаточно крѣпки для систематическаго труда и концентраціи вниманія. Тамъ нужно было задерживать развитіе ребенка для экономіи силъ; теперь уже его силы можно считать достаточно накопившимися и требующими упражненія и развитія. Изъ идеи труда естественно и выходитъ требованіе познакомиться съ ремеслами и земледѣліемъ. Руссо требуетъ, чтобы какое-либо ремесло было изучено Эмилемъ спеціально. Это не новая мысль; ее проводитъ уже давно еврейское воспитаніе (Спиноза прокармливался шлифовкой стеколъ). Презрѣніе къ ремеслу идетъ отъ Аристотеля, который смѣется надъ банавзами, ремесленниками. Вотъ почему требованіе Руссо, опирающееся на возможность для человѣка попадать въ самыя разнообразныя условія жизни, должно имѣть большое значеніе. „Вы хотите довести его (ребенка) — говоритъ Руссо своимъ противникамъ — до того, чтобы онъ могъ быть не чѣмъ инымъ, какъ лордомъ, маркизомъ, княземъ; а современемъ, можетъ быть, меньше, чѣмъ нулемъ; что же касается до меня, я хочу надѣлать его рангомъ, который дѣлалъ бы честь ему во всѣ времена, — я хочу возвысить его до званія человѣка“. Нельзя не признать величія и силы этой идеи Руссо.

Періодъ юности позволяетъ уже касаться вопросовъ общественныхъ и вопросовъ моральныхъ. Теперь зарождаются съ необыкновенною энергіею страсти и необходимо поэтому особенное вниманіе, чтобы удалить ихъ вредное вліяніе, а съ другой стороны, воспользоваться ими, какъ побудительными силами. Нужно прежде всего позаботиться, чтобы всѣ страсти были природными, а не привитыми чрезъ людскія привычки.

Какія же страсти можно признать хорошими?

Прежде всего великодушіе. Нельзя не сказать, что Руссо мѣтко подчерквуль всѣмъ извѣстное свойство юности — быть хранителемъ и носителемъ всѣхъ идеальныхъ запросовъ общества.

Жалость и состраданіе возникаютъ въ насъ въ порядкѣ природы; это благородныя чувства, и появленію ихъ можно только радоваться. Юноша можетъ вообразить себѣ несчастія другихъ людей и сдѣлаться сострадательнымъ къ нимъ. Эти чувства необходимо развивать, чтобы добиться до общаго для всѣхъ одинаковаго сочувствія. Вотъ почему важно разяснить общую несчастную долю человѣчества. И всѣ примѣры необходимо показывать ему съ увлеченіемъ и со страстью. Здѣсь воспитатель не можетъ дремать; ученику грозитъ опасность самаго нѣнія — онъ можетъ приписать себѣ и то, что отъ природы вовсе ему не принадлежитъ. Точно такъ же и здѣсь нужно добиваться показанія отъ вещей. Пусть юноша попадетъ въ ловушку, пусть онъ сдѣлается жертвою обмана, пусть онъ на свободѣ совершитъ сумасбродства, лишь бы потомъ не оказался тщеславнымъ. Нужно, однако, сказать, что это правило не ко всѣмъ примѣнимо, такъ какъ нѣкоторыхъ неудачи могутъ довести до отчаянія; другіе же, опустившись, уже не смогутъ подняться. Руссо, очевидно, предполагаетъ, что Эмиль настолько гибокъ, что быстро сможетъ выпрямляться и становиться на ноги послѣ cadaго потрясенія. Знакомство съ людьми.

разъясняемое воспитателемъ, доведетъ юношу и до пониманія общественнаго строя, который необходимо постигать во всѣхъ его недостаткахъ. Въ данномъ случаѣ Руссо имѣетъ въ виду ту основную точку, на которой основанъ его „Общественный договоръ“. — Общество портитъ людей, природа же предполагаетъ полное равенство. Въ своемъ произведеніи „О причинахъ неравенства“ онъ шлетъ проклятія первымъ установителямъ частной земельной собственности.

Указывается далѣе другое требованіе, относящееся специально къ соціальной средѣ, въ которой вращается юноша. Руссо совѣтуетъ подобрать среду и обстановку такъ, чтобы юношу окружали люди симпатичные, добрые, чтобы онъ былъ обо всѣхъ хорошаго мнѣнія, но и не скрывалъ своихъ дурныхъ впечатлѣній. Пусть, наблюдая контрасты, онъ пойметъ, что человѣкъ отъ природы добръ, что онъ хоронъ постольку, поскольку не подвергается вліянію соціальнаго строя. Этимъ пробудятся въ немъ уваженіе и правильная оцѣнка окружающихъ его отдѣльныхъ лицъ, а съ другой стороны, презрительное отношеніе къ толпѣ. Руссо предусматриваетъ и нѣкоторыя опасности даннаго метода. Съ одной стороны, грозитъ то, что юноша будетъ при подборѣ знакомствъ связанъ указками учителя. Съ другой же — то, что разсматриваніе дурныхъ примѣровъ сдѣлаетъ его злорѣчивымъ, хладнокровнымъ къ людскимъ страданіямъ и недостаткамъ. Здѣсь могутъ помочь книги, которыя дадутъ возможность получить опытъ искусственнымъ путемъ.

Руссо совѣтуетъ заниматься исторіею, содержащей въ себѣ много поучительнаго. Она знакомитъ съ разными людьми и временами, съ борьбою героевъ и разными ихъ страданіями. Отмѣчаетъ Руссо и недостатки историческихъ работъ — ихъ онъ видитъ въ недостаточности прагматизма, т. е. внутренней связи событій. Исторія больше интересуется внѣшними фактами, чѣмъ объясненіемъ происхожденія этихъ фактовъ. Кромѣ того, историческое изложеніе не

лишено у авторовъ предразсудковъ и часто страдаетъ отсутствіемъ безпристрастія. Онъ обращается къ грекамъ и указываетъ на *Θυκιδίδα*, какъ на образцоваго историка, избѣгающаго объясненія событій съ цѣлью предоставить возможность читателямъ самимъ разобраться во внутренней ихъ связи.

Исторія, однако, переполнена разказами о войнахъ и кровопролитіяхъ — вотъ почему Руссо и совѣтуетъ обращать большее вниманіе не на исторію, а на біографіи. Біографія занимается описаніемъ жизни человѣка, прослѣживаеъ ее до самыхъ доступныхъ мелочей, а „жизнь человѣка на мелочахъ и познаётся“ замѣчаетъ Руссо. Онъ совѣтуетъ читать особенно внимательно біографа, которымъ вообще сильно увлекались въ XVIII вѣкѣ — именно Плутарха, писавшаго параллельныя біографіи¹⁾. Особенно рекомендуетъ Руссо читать жизнеописаніе тѣхъ героевъ, которые, какъ ему казалось, могутъ возбудить въ сердцѣ читателя стремленіе къ добродѣтели. Разрѣшаетъ Руссо читать и басни. Юноша долженъ заниматься не абстрактнымъ, а практическимъ изученіемъ добра. Для этого нужно чаще и ближе сходиться съ людьми, пріобрѣтать опытность, перенимать лучшіе способы ихъ дѣятельности. Нужно учиться быть добрымъ. Для этого, по возможности чаще нужно входить въ интересы людей, страдающихъ и бѣдныхъ, но вовсе не съ цѣлью благотворительности во узкомъ смыслѣ этого слова. Нѣтъ, пусть юноша самъ дѣлаетъ добро, пусть онъ жертвуетъ, покровительствуетъ, если это нужно и возможно, пусть интересы неимущихъ сдѣлаются его интересами.

Книги должно читать не въ цѣляхъ пріобрѣтенія теоретическихъ знаній, а ради познанія человѣческой души.

1) Онъ бралъ греческаго героя и подгонялъ подъ него соотвѣтствующаго римскаго. Такъ, говоря объ Алкивіадѣ, онъ представляетъ Корюлана, который также шелъ противъ своей родины. Рима.

Необходимо научиться оцѣнивать людей, ихъ вкусы и стремленія, научиться узнавать, что можетъ содѣйствовать человѣческому счастью и что вредить.

Вопросъ о благотворительности связанъ съ вопросомъ о религіи. Руссо остается вѣрнымъ себѣ и не допускаетъ обосновапія этики на религіи. Онъ даетъ удивительный отвѣтъ: для юноши не нужно „никакой религіи“.

Нужно, однако, помнить, что самъ Руссо вовсе не атеистъ и, можетъ быть, во всемъ XVIII вѣкѣ не было человѣка религіознѣе его. Дѣло объясняется проще. Вспомнимъ, что раньше Руссо предостерегалъ противъ ложныхъ свѣдѣній; теперь же онъ опасается давать то, что считаетъ еще непонятнымъ для юноши. Послѣдній, по мнѣнію Руссо, еще не знаетъ о существованіи души, а слѣдовательно, не поймѣтъ и существованія Бога. Вопросъ этотъ очень важенъ для педагогики. Необходимо подчеркнуть то, что большинство педагоговъ не останавливается на вопросѣ о построеніи религіознаго воспитанія юношества. Мы больше думаемъ о различныхъ методикахъ, имѣющихъ цѣлью облегченіе преподаванія того или другого предмета, впадая такимъ образомъ въ лицемѣріе. Сами представители воспитанія сознаютъ, что школьное преподаваніе Закона Божія часто не приводитъ къ результатамъ, и всетаки смотрятъ на это довольно легко. Однако, это лицемѣріе ведетъ къ гибели религіознаго чувства и нельзя тому удивляться, что наша молодежь не религіозна. Въ Руссо нужно цѣнить открытость, но нельзя не назвать его мнѣніе парадоксальнымъ. Дожить до 18 лѣтъ и ничего не знать о Богѣ — невозможно. Руссо хочетъ, чтобы идея Бога была выношена юношею самостоятельно. Но здѣсь могутъ быть опасности. 1) Если мы предоставимъ юношу собственной его смекалкѣ, то въ этомъ нѣтъ никакой гарантіи за то, что онъ самъ собою выбьется на правильную дорогу въ рѣшеніи такого вопроса, надъ которымъ иногда бесполезно трудились и величайшіе мыслители и 2) нельзя забывать, что бываютъ дѣти, которыя

по самой природѣ склонны къ религіи и нуждаются въ религіозномъ воспитаніи (Святой Сергій Радонежскій). Ясно, что многое изъ теорій Руссо не примѣнимо на практикѣ. Вообще нужно сказать, что религіи, широко распространенныя, имѣютъ дѣло съ самыми разнообразными настроеніями человѣческихъ душъ; трудно требовать отсюда одинаковаго пониманія и одинаковой преданности къ религіи. Руссо предоставляетъ своему питомцу самому создать себѣ религію; но какъ только эта религія будетъ создана, въ руки воспитателя дается новый рычагъ, которымъ онъ можетъ пользоваться въ цѣляхъ воспитательныхъ; юноша пойметъ, что безъ Бога нельзя достигнуть вѣчнаго спасенія души. Вотъ къ чему приходитъ Руссо въ своихъ воззрѣніяхъ. Еще разъ повторимъ, что его отнюдь нельзя называть атеистомъ. Онъ совѣтуетъ только не связывать юношу опредѣленною вѣрой (конфессіею) и предостерегаетъ отъ искусственнаго религіознаго воспитанія.

Теперь остается разсмотрѣть еще одну сторону воспитанія. Руссо простираетъ границы воспитанія до момента женитьбы своего питомца и послѣдняя также должна регулироваться совѣтами руководителя, который обязанъ провѣрить правильность выбора супруги и дать указанія къ брачной жизни. Руссо чрезвычайно подробно разбираетъ моментъ проявленія полового чувства и придаётъ ему громадное значеніе. Разумѣется, что всѣ наши планы имѣютъ непререкаемое значеніе до тѣхъ поръ, пока не пробудилось что-то такое, что можетъ отвлечь вниманіе ученика совсѣмъ въ иную сторону. Воспитатели вообще должны хорошо присматриваться къ этому. Пробужденія половой зрѣлости предупредить нельзя и съ нею приходится мириться. Медицина теперь знаетъ, что пробужденіе полового чувства иногда наступаетъ рано (особенно у наиболее даровитыхъ натуръ); услѣдить за этимъ очень трудно и все это грозитъ большими опасностями. Руссо совѣтуетъ возможно дольше оттягивать ознакомленіе съ этимъ зако-

номъ природы, хотя бы даже и до 20 лѣтъ. Такъ или иначе, а ребенка къ этому нужно подвести путемъ естественно-научнаго изложешя фактовъ изъ жизни растений, животныхъ и наконецъ человѣка. Руссо правильно говоритъ, что на вопросы любопытствующаго питомца воспитатель долженъ отвѣчать ясно, кратко, рѣшительно и правдиво, безъ замѣшательства или улыбки. Если дитя убѣдится во лжи воспитателя, то дѣло воспитанія придется считать погубленнымъ. Лучше всего называть вещи естественными именами безъ пространныхъ объясненій и отступленій въ сторону. Развращаютъ человѣка „не грубыя слова, а похотливыя дѣла“. Если вы увѣрены, что питомца нельзя оставить въ невѣдѣніи до 15 лѣтъ, то лучше позаботиться, чтобы онъ узналъ все это до 10 лѣтъ. Это не будетъ опаснымъ потому, что въ возрастѣ 10 лѣтъ еще не можетъ быть интереса, покоющагося на собственномъ чувствѣ, и любопытство останется любопытствомъ. Слѣдовательно требуются двѣ вещи: 1) не бояться словъ и 2) не приукрашивать полового акта.

Сначала, по мнѣнію Руссо, нужно объяснить въ грубыхъ краскахъ, показать животную сторону отношеній и этимъ самымъ пробудить къ нему долю отвращенія.

Великая бѣда нашей школы въ томъ, что она игнорируетъ пробужденіе половой зрѣлости. Въ это время совершается громадный переломъ, который у однихъ характеризуется пробужденіемъ большихъ умственныхъ, поэтическихъ или художественныхъ силъ, у другихъ же протекаетъ въ подавленномъ состояши.

Руссо съ замѣчательною мѣткостью указываетъ, что, когда юноша начинаетъ быть мужчиною, то воспитатель долженъ проявить особенную педагогическую чуткость въ обращеніи съ нимъ. Практика учебныхъ заведеній показываетъ, что въ это время юноша обижается, если его „третируютъ, какъ мальчишку“. До этого времени Эмиль былъ „питомцемъ“, теперь же становится „другомъ“ своего

руководителя. Періодъ наступленія половой зрѣлости требуетъ непременно перемѣны обращенія съ учениками.

Этотъ періодъ, какъ сказано, грозитъ многими опасностями. Руссо совѣтуетъ два выхода: или сохраненіе полной дѣвственности, или женитьбу; для послѣдней онъ считаетъ подходящимъ возрастъ 20—25 лѣтъ. Онъ оговаривается, что время брака нужно оттягивать, чтобы вступить въ супружескую жизнь въ полной силѣ, чтобы сдѣлать ее безопасной и не нанести вреда потомству.

Послѣ брака можно возложить отвѣтственность въ смыслѣ охраны здоровья уже на самого питомца; пусть онъ теперь не надѣется на совѣты и поддержку учителя. Отмѣтимъ, какъ важное условіе, то, что ознакомленіе съ вопросами зрѣлой жизни необходимо должно исходить отъ воспитателя, а не со стороны. Ежедневные примѣры убѣждаютъ всѣхъ, какъ пагубно бываетъ вліяніе товарищей, подругъ, друзей или лицъ другого пола для молодыхъ юношей и дѣвушекъ.

Какъ средство задержать развитіе половой зрѣлости, Руссо указываетъ слѣдующее. Прежде всего чтеніе книгъ. Нужно только слѣдить за подборомъ послѣднихъ съ тою цѣлью, чтобы не заключалось въ нихъ чего-либо, способнаго разжечь воображеніе читающаго.

Необходимо далѣе избѣгать уединенной жизни. Человѣкъ, живущій въ этотъ періодъ одиноко, подвергается невольной опасности, задумывается надъ разнаго рода соблазнами и питаетъ ими свое воображеніе; опасность увеличивается, если одинокая жизнь связана съ праздноствіемъ или вообще отсутствіемъ интересныхъ занятій. Но, съ другой стороны, нужно избѣгать и общества, особенно, общества молодыхъ людей и женщинъ: могутъ быть моменты, которые приведутъ къ неожиданному „паденію“.

Необходимо также избѣгать изнѣженной сидячей жизни, сопровождающейся объядевіемъ и пьянствомъ.

Но куда же тогда направить вниманіе?

Руссо совѣтуетъ прежде всего занятія усиленнымъ физическимъ трудомъ, который поглотитъ избытокъ силъ. Изъ удовольствій, способныхъ заинтересовать молодого человѣка, Руссо останавливается на охотѣ¹⁾ и особенно настойчиво ее рекомендуетъ.

Всѣ разъясненія, даваемые воспитателемъ, должны повести къ тому, что питомецъ самъ станетъ искать у него совѣтовъ и помощи и тогда воззваніемъ къ чувству, а отнюдь не разсужденіями, можно достигнуть отъ него желательныхъ и благотворныхъ результатовъ.

Руссо стоитъ за ранній бракъ, но чисто экономическія условія дѣлаютъ его почти невозможнымъ.

Идеаль подруги жизни долженъ быть заранѣе созданъ юношей и долженъ предохранять послѣдняго отъ „паденія“; идеаль этотъ не долженъ быть особенно высокимъ; онъ долженъ обладать достижимостью, которая исключитъ возможныя разочарованія. Учитель долженъ провѣрить выборъ своего питомца и дать ему первыя наставленія.

Итакъ, молодой человѣкъ долженъ жениться. Посмотримъ, что говоритъ Руссо о женщинѣ, подругѣ и помощницѣ мужчины.

Если насъ поражали порой искреннія правдивыя замѣчанія Руссо по отношенію къ воспитанію мужчины, то насъ должна возмущать его постановка вопроса о женщинѣ и женскомъ воспитаніи.

Руссо несправедливъ къ женщинѣ и женскій идеаль у него черезчуръ невысокъ.

Мужчина и женщина для Руссо не похожи другъ на друга ни по характеру, ни по темпераменту. Однако, этотъ вопросъ теперь нужно ставить иначе: всегда ли такъ было и всегда ли такъ будетъ? Не являются ли психическія различія результатомъ историческихъ условій жизни? Если возможенъ положительный отвѣтъ на послѣдній вопросъ, тогда

---

1) Какъ Ксенофонтъ и другіе греческіе педагоги.

всѣ выводы Руссо будутъ непрочны. Пытались метафизически обосновать различіе въ психикѣ половъ, но нужно замѣтить, что природа устанавливаетъ свои различія и метафизика помочь здѣсь не можетъ. Конечно, не уничтожится фізіологическая разница половъ, но насъ должна интересоватъ здѣсь только психика. Не нужно забывать, что въ настоящее время женщина является членомъ семьи подъ управленіемъ мужчины. Однако, такъ ли всегда было? Исторія и этнографія знаютъ случаи, когда во главѣ рода стояли женщины (матріархатъ). И всегда ли будетъ во главѣ семьи стоять мужчина? Теперь пока женщину поработаютъ еще экономическія условія; но что можетъ дать женщина при измѣненіи этихъ условій?

Взглядъ Руссо на женщину граничитъ съ ея рабствомъ. Женщина не имѣетъ никакихъ самостоятельныхъ нуждъ и запросовъ, она должна быть такою, какою ее признаетъ мужчина. На ней всегда долженъ лежать извѣстный авторитетъ; до брака она подчинена матери, а послѣ него — мужу.

Физическое воспитаніе женщины сводится къ развитію граціозности и кокетливости для того только, чтобы нравиться мужчинамъ.

Особенно нужно обуздывать склонность женщинъ къ болтовнѣ, которая, являясь удовольствіемъ для нихъ, можетъ вредить мужьямъ.

Что касается религіознаго воспитанія женщины, то размысленія о немъ Руссо непростительны. Женщинѣ необходимо съ раннихъ лѣтъ прививать религію и не потому, что она религіознаѣ мужчины, а потому, что вся ея мораль должна покоиться на религіи сперва отца, а потомъ мужа. Религія въ данномъ случаѣ должна быть уздою для женщины и содѣйствовать цѣлямъ ея поработенія. Для женщины Руссо предоставляетъ полную свободу, на долю женщины онъ оставляетъ только рабство. Для нея обязательна религія матери; если же она выйдетъ замужъ за иновѣрца,

то по одному приказанію мужа она должна принять его религію. Она не грѣшитъ даже, если принимаетъ ложную религію, — это лежитъ на отвѣтственности ея мужа. Можно только удивляться, какъ Руссо, великій проповѣдникъ общей свободы, отстаиваетъ подобные взгляды.

Воспитаніе женщины сводится къ воспитанію привычекъ. Нужно позаботиться о созданіи у нея выдержки и нравственныхъ идеаловъ. Однако, какіе идеалы возможны для рабыни, каковою дѣлаетъ Руссо женщину, онъ не указываетъ.

Быть можетъ, Руссо мало зналъ женщинъ и это извиняетъ отчасти странность взгляда на нихъ. Мы знаемъ, что Руссо цѣлую жизнь мучился со вздорною и злой бабою; воспоминанія о ней, вѣроятно, и отразились въ его произведеніи. Руссо стыдился своей связи, краснѣлъ за своихъ дѣтей, не испыталъ обаянія нѣжной женской души и просвѣщенной женской личности или женскаго ума. Кромѣ того, конецъ XVIII вѣка характеризуется развращенностью общественной жизни Европы и особенно Франціи. Въ это время появилось нѣсколько женщинъ и образованныхъ, но крайне развращенныхъ. Всѣ эти случаи произвели сильное дѣйствіе на впечатлительную натуру Руссо и онъ пытался противодѣйствовать эмансипаціи женщины въ цѣляхъ возстановленія нравственности. Попытка была неудачна, хотя бы и потому, что нельзя же всѣхъ женщинъ мѣрять на одну мѣрку. Исторія культуры показываетъ, что наследственные дарованія перекрещиваются, и сыновья часто получаютъ свои геніальныя способности не отъ отца, а отъ матери. Особенно интересный случай такой наследственности даетъ намъ происхожденіе геніальности великаго Гёте.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній о педагогикѣ Руссо.

Что касается связи Руссо съ его предшественниками, то этотъ вопросъ совершенно не разработанъ. Однако можно сказать что, кромѣ связи съ Рабле, Монтанемъ и Локкомъ,

у котораго кое - что Руссо заимствовалъ, есть у него общее и съ педагогами древними, особенно Квинтиліаномъ.

Послѣдующіе педагоги уже стоятъ въ самой тѣсной зависимости отъ Руссо. Такъ его педагогика вызвала цѣлое теченіе, извѣстное подъ именемъ „филантропизма,“ а также и педагогическую систему Песталоцци, идеи котораго необъяснимы безъ Руссо; кромѣ того, Руссо оказалъ несомнѣнное вліяніе и на педагогику Канта.

Въ русской педагогикѣ въ тѣсной зависимости отъ Руссо стоитъ Л. Н. Толстой, которому принадлежитъ попытка ввести систему Руссо въ настоящую школу.

Такое вліяніе педагогики Руссо, несмотря на всѣ ея абсурды (пожертвованіе воспитателемъ цѣлой своей жизни для одного ребенка; игнорируетъ вопросъ объ отношеніи родителей — и др.) объясняются тою новизной, тѣмъ искреннимъ требованіемъ эмансипаціи ребенка, на которыхъ она построена. До Руссо была только принудительная педагогика. Первымъ, кто поднималъ протестъ противъ „выламыванія“ душъ (терминъ Л. Н. Толстого), и былъ Руссо. Онъ впервые призналъ ребенка своеобразною психической единицею, имѣющею право на самоопредѣленіе. Это и соединяетъ Руссо со всѣми движеніями во имя эмансипаціи правъ человѣка въ XVIII вѣкѣ. Къ общему вопросу объ эмансипаціи человѣка Руссо прибавилъ отъ себя еще и эмансипацію ребенка, наиболѣе обездоленнаго, страдающаго отъ закрѣпощенія.

Вліяніе Руссо укрѣплялось не сразу. Такъ Кантъ все же требуетъ необходимости принудительной дисциплины. Гимнъ свободному ребенку, призывъ щадить ребенка — эти основы педагогики Руссо не затемняются его ошибками, а навсегда останутся украшеніемъ его имени.

Въ практическихъ приемахъ Руссо нечего разыскивать ошибокъ — онѣ бросаются въ глаза сами — и задачу современнаго педагога должно быть стремленіе использовать все то, на что указалъ Руссо, при иныхъ условіяхъ. Руссо

совершенно не признаётъ школы, а современнымъ реформаторамъ приходится говорить именно о школьномъ воспитаніи. Русскіе педагоги и пытаются по принципамъ Руссо создать, такъ сказать, „домъ свободнаго ребенка“. Первою попыткой этого рода была Яснополянская школа Л. Н. Толстого, который наиболѣе чисто и полно хотѣлъ примѣнить идеи Руссо. Филантрописты все же требовали закрытыхъ школъ или (по принципу Квинтиліана) хотѣли сдѣлать ученіе игрою (Базедовъ). У Л. Н. Толстого въ школѣ не было программъ, отбрасывались цѣлые предметы, какъ-то исторія, географія . . . .

Вліяніе Руссо сказалося и на другомъ русскомъ великомъ педагогѣ, Н. И. Пироговѣ, въ его заповѣдяхъ не нарушать гармоніи дѣтскаго міра и не принимать дѣтей за взрослыхъ, ибо дѣти многое понимаютъ и преломляютъ своею душой своеобразно.

Можно съ увѣренностью сказать, что наша русская школа въ лицѣ лучшихъ и идеально настроенныхъ ея представителей всегда хотѣла быть на сторонѣ Руссо. Но нашу школу всегда влекли въ другую сторону, въ сторону палочной нѣмецкой школы, школы битья и принужденія. Русская педагогика — къ ея чести — не легко мирилась съ нѣмецкими педагогическими системами и съ нѣмецкою школьною муштровкой, всю пагубную сторону которыхъ выказала нынѣшняя великая война народовъ . . . .

Проф. Е. А. Бобровъ.

Отдѣлъ второй.

Церковное управленіе.

Разсмотрѣвъ внѣшнее устройство церковной іерархіи, перейдемъ къ ученію о церковномъ управленіи, т. е. къ разсмотрѣнію тѣхъ функцій, въ которыхъ выражается собственная власть церкви.

Власть эта по своему содержанию, цѣлямъ и средствамъ есть чисто духовная; она состоитъ въ слѣдующихъ трехъ полномочіяхъ, полученныхъ Апостолами отъ Основателя церкви І. Христа: 1) въ правѣ правленія обществомъ вѣрующихъ (*potestas iurisdictionis*); 2) въ правѣ религіознаго ученія (*potestas magisterli*), и 3) въ правѣ религіознаго освященія (*potestas ordinis, ministerii*).

Въ правительственной власти (*p. iurisdictionis*) церкви, какъ и въ правительственной власти государства, должно различать: а) власть законодательную, б) административную и в) судебную. О церковномъ законодательствѣ, его характерѣ и предметѣ мы говорили въ ученіи объ источникахъ церковнаго права; органы законодательной и административной церковной власти разсмотрѣны нами въ ученіи о церковномъ устройствѣ. Такимъ образомъ намъ остается разсмотрѣть только одинъ видъ правительственной власти церкви — власть судебную.

Глава V.

§ 52. Церковно-судебная власть, ея значеніе и основанія принадлежности ея церкви.

Предписывая извѣстный порядокъ, церковь имѣетъ право требовать соблюденія его и, въ случаѣ нарушенія установленныхъ ею правилъ, должна заботиться объ устраненіи, при помощи церковно-судебной власти, этихъ правонарушений и объ исправленіи правонарушителей.

Указанія основаній принадлежности церкви судебной власти находятся въ Св. Писаніи. Такъ у евангелиста Маттея (XVIII, 15—18) мы читаемъ : „Если же согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, пойди, и обличи его между тобою и имъ однимъ : если послушаетъ тебя ; то пріобрѣлъ ты брата своего. Если же не послушаетъ ; возьми съ собою еще одного, или двухъ, дабы устами двухъ, или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушаетъ ихъ ; скажи церкви : а если и церковь не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь. Истинно говорю вамъ : что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ ; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ“. Далѣе, Апостолъ Павелъ, въ посланіи своемъ къ Коринѳянамъ, сдѣлавъ вначалѣ имъ упрекъ за то, что они не предприняли никакихъ мѣръ къ удаленію изъ своего общества кровосмѣсителя, говоритъ, между прочимъ : „я, отсутствуя тѣломъ, но присутствуя у васъ духомъ, уже рѣшилъ, какъ бы находясь у васъ, сдѣлавшаго такое дѣло, . . . предать сатанѣ во изможденіе плоти, чтобы духъ былъ спасенъ“ . . . и, затѣмъ, продолжаетъ : „къ стыду вашему говорю : неужели нѣтъ между вами ни одного разумнаго, который могъ бы разсудить между братьями своими? . . .“ (1 Кор. V, 1—5 ; VI, 5).

§ 53. Судъ церкви по проступкамъ и преступленіямъ.

Еще въ языческой Римской имперіи церковь вѣдала многія дѣла, не получивъ даже на то формальнаго согласія

государства. Со времени же вступлеія церкви въ союзъ съ государствомъ, юрисдикція церкви сдѣлалась еще болѣе обширною: императоры предоставили суду церкви всѣ преступленія мірянъ, которыя имѣли чисто церковный характеръ и не были предусмотрѣны государственными законами, а также преступленія лицъ духовныхъ или клириковъ противъ обязанностей ихъ званія; впослѣдствіи же сдѣлали значительныя уступки стремленію духовной іерархіи подчинить клиръ суду церкви по всѣмъ преступленіямъ.

Такъ, по законодательству Констанція, епископы изъяты были отъ подсудности свѣтскому суду по всякому дѣлу. По законодательству Юстиніана, уголовный судъ надъ клирикомъ, вообще, могъ начаться и продолжаться и въ духовномъ, и въ свѣтскомъ судѣ: если дѣло разсматривалось сначала епископомъ, и онъ находилъ клирика виновнымъ въ томъ преступленіи, въ которомъ его обвиняли, то виновный извергался изъ сана и препровождался къ свѣтскому судѣ, для наказанія въ уголовномъ порядкѣ; если же обвиненіе было возбуждено въ свѣтскомъ судѣ и вина была доказана, то судебные протоколы пересылались мѣстному епископу, и если епископъ также признавалъ обвиняемаго виновнымъ, то лишалъ его церковной степени, а, затѣмъ, свѣтскій судья налагалъ на него соотвѣтствующее наказаніе; если же епископъ не признавалъ виновнымъ духовное лицо, противъ котораго возбуждено обвиненіе, то дѣло представлялось на усмотрѣніе императора. Императоръ Ираклій, въ 629 году, уничтожилъ эту двойственную подсудность духовенства по дѣламъ уголовнымъ и далъ право судить клириковъ по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ исключительно епископамъ: если бы епископъ нашелъ, что подсудимый долженъ быть подвергнутъ болѣе тяжкому наказанію, чѣмъ церковное, то онъ, по лишеніи виновнаго духовнаго сана, обязанъ былъ передать его гражданскому начальству; такимъ образомъ, судья свѣтскій произносилъ лишь дополнительный приговоръ къ произнесенному уже епископомъ. Впослѣдствіи, закономъ императора

Алексѣя Комнина (1086 г.) предоставлено было самимъ епископамъ подвергать денежному штрафу и наказывать духовныхъ лицъ, виновныхъ въ преступленіяхъ. Въ случаяхъ обвиненій клириками мірянъ, и наоборотъ, установленъ былъ смѣшанный судъ, состоящій изъ епископа и свѣтскихъ судей; если по суду виновнымъ оказывалось духовное лицо, то наказывать его предоставлялось епископу, а если мірянинъ — мѣстному свѣтскому судѣ.

Въ Россіи православная церковь, съ самаго начала своего появленія, получила въ свое вѣдѣніе чрезвычайно много уголовныхъ дѣлъ разнаго рода. Объ этомъ свидѣлствуютъ церковные уставы древнѣйшихъ русскихъ князей — Владиміра и Ярослава. Дѣла эти могутъ быть отнесены къ слѣдующимъ категоріямъ:

1) Преступленія противъ вѣры и церкви: идолослуженіе, отступничество отъ вѣры, ересь, расколъ, богохульство, волшебство, зелейничество (отрава), святотатство, ограбленіе мертвыхъ тѣлъ, разнаго рода нарушенія святости церковной.

2) Преступленія противъ чистоты нравовъ: блудъ, изнасилованіе женщинъ, скотоложство, противоестественные пороки, неблагопристойная защита мужа женою во время драки его съ другимъ человѣкомъ, сопровождавшаяся причиненіемъ вреда послѣднему¹⁾.

3) Преступленія противъ союза семейнаго: похищеніе дѣвиць для вступленія въ бракъ, вступленіе въ бракъ въ запрещенныхъ степеняхъ родства, кровосмѣшеніе, многоженство, самовольное расторженіе брака, прелюбодѣяніе, истребленіе утробнаго плода и дѣтоубійство, жестокое обращеніе мужа съ женою, родителей съ дѣтьми, насильственное принужденіе къ браку дѣтей родителями, неуваженіе дѣтей къ родителямъ²⁾.

1) „или два друга имета ся бити, единого жена иметь за лоно другаго и роздавить“.

2) „или сынъ отца бьетъ, или матеръ, или дчи“.

4) Нѣкоторые случаи смертоубійства, если оно совершено при брачномъ сговорѣ или на свадьбѣ, а также, если убитымъ являлось лицо безправное, стоящее подъ покровительствомъ церкви (каковы изгои и рабы).

5) Личныя обиды, совершенныя въ кругу семейнаго союза, или противъ женщинъ, или же, если обиды нанесены способомъ, по понятіямъ того времени, особенно позорнымъ.

6) По уставу Ярослава, — также зажигательство и воровство (покража между мужемъ и женою).

Суду церкви по перечисленнымъ дѣламъ подлежали лица духовныя и міряне.

Въ частности, духовныя лица, кромѣ исчисленныхъ преступленій, подлежали вѣдѣнію церковнаго суда какъ по преступленіямъ и проступкамъ противъ обязанностей своего званія, такъ и вообще по всѣмъ уголовнымъ преступленіямъ, кромѣ смертоубійства, разбоя и татьбы съ поличнымъ (Стоглавъ 1551 г., Большой Московскій соборъ 1667 г. ¹⁾), указныя статьи 1669 г.).

При Петрѣ В. кругъ вѣдомства церковнаго суда по преступленіямъ подвергся существеннымъ ограниченіямъ: изъ дѣлъ уголовныхъ духовному суду предоставлено было вѣдать только дѣла о богохульствѣ, ереси, расколѣ и волнебствѣ, о нѣкоторыхъ преступленіяхъ противъ нравственности и семейнаго союза (прелюбодѣяніе, двоебрачіе, принужденіе дѣтей родителями къ браку, насильственное постриженіе въ монашество) и дѣла о похищеніи церковнаго имѣнія.

Что касается духовенства, то, по учрежденіи Св. Синода, Петрѣ В. повелѣлъ о духовныхъ лицахъ, взятыхъ въ „явномъ

1) Большой Московскій соборъ, на вопросъ о судѣ и наказаніяхъ, коимъ должны подлежать лица священническаго и монашескаго чина „обрѣтающіяся въ смертоубійствѣ, разбоѣ, татьбѣ, денежныхъ дѣлахъ (поддѣлкѣ государственной монеты), также въ вѣдовствѣ“ и пр., на основаніи древней церковной практики, постановилъ, что первоначальное удостовѣреніе въ преступленіи духовныхъ лицъ, осужденіе и наказаніе должны принадлежать духовной власти, а потомъ виновные должны быть переданы въ руки свѣтскаго правосудія, для наказанія по законамъ свѣтскимъ.

злодѣяніи“ или „тяжкихъ государственныхъ дѣлахъ“ (каковы политическія преступленія, преступленія противъ жизни) производитъ слѣдствіе и судъ свѣтскимъ судьямъ и только для снятія сана присылать преступника въ Св. Синодъ; духовныхъ же лицъ, оговариваемыхъ въ какомъ-либо „партикулярномъ“ преступленіи (противъ чести, противъ имущества) отсылать въ Синодъ, гдѣ имъ и судъ производится.

Въ послѣдующее время кругъ вѣдомства церковнаго суда по преступленіямъ былъ еще болѣе сокращенъ.

По дѣйствующему праву, лица свѣтскаго званія подсудны духовному суду по проступкамъ и преступленіямъ, подвергающимъ виновныхъ церковной епитиміи. Въ дѣлахъ противъ союза брачнаго и о кровосмѣненіи, считающихся дѣлами смѣшанной подсудности, приговоръ уголовного суда постановляется послѣ разсмотрѣнія дѣла духовнымъ судомъ. Наконецъ, дѣла по жалобѣ одного изъ супруговъ на нарушеніе другимъ святости брака прелюбодѣяніемъ вѣдаются или судомъ уголовнымъ, или духовнымъ, смотря по цѣли иска, т. е. смотря по тому, проситъ ли оскорбленный супругъ о наказаніи виновнаго, или о разводѣ.

Лица духовнаго званія подлежатъ духовному суду: а) по проступкамъ и преступленіямъ противъ должности, благочинія и благоповеденія¹⁾; б) по жалобамъ на нихъ со стороны духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ обидахъ (Уст. дух. конс. ст. 148).

1) Если проступки духовныхъ лицъ противъ должности и благоповеденія составляютъ уголовныя преступленія, то эти лица подлежатъ уголовному суду.

Судебной практикой и кассационными рѣшеніями Правительствующаго Сената разъяснено, что на этомъ основаніи должны судиться въ уголовномъ судѣ, между прочимъ, слѣдующія преступленія духовныхъ лицъ: а) распространеніе ложныхъ слуховъ и напрасное причиненіе общей тревоги, согласно 37 ст. Улож. о нак. (кассац. рѣш. 1867 г. № 238 и указъ Св. Синода 15 декабря 1867 г. № 42); б) оскорбленіе должностныхъ лицъ при отправленіи ими служебныхъ обязанностей (кассац. рѣш. 1868 г. № 12 и указъ Св. Синода 31 мая 1872 г. № 34); в) нанесеніе оскорбленія присут-

§ 54. Церковныя наказанія.

Характерныя особенности церковныхъ наказаній состоятъ въ слѣдующемъ :

1) Ни одно церковное наказаніе, даже крайнее, не является наказаніемъ въ строгомъ смыслѣ : цѣль его состоитъ не въ возмездіи за вину, но въ примиреніи человѣческой воли съ закономъ Божиимъ и въ исправленіи виновнаго.

2) Церковныя наказанія, состоящія въ лишеніи благъ, находящихся въ исключительномъ распоряженіи церкви, могутъ назначаться только духовною властью.

3) Карательная юрисдикція церкви можетъ распространяться лишь на ея дѣйствительныхъ членовъ.

Въ древней церкви тяжкія преступленія влекли за собою отлученіе отъ церкви, или анаѳему, т. е. исключеніе изъ христіанскаго общества съ лишеніемъ всѣхъ тѣхъ благъ, которыя вытекаютъ для человѣка изъ принадлежности къ церкви. Путемъ этой мѣры церковь удаляла изъ своей среды нравственно-больныхъ членовъ, которые могли заразить все общество. Для исключеннаго изъ церкви рас-

ствію духовной консисторіи въ прошеніи, поданномъ мѣстному преосвященному (кассац. рѣш. 1877 г. № 10 и указъ Св. Синода 22 ноября 1877 г. № 1699) ; г) всѣ случаи обидъ, преслѣдуемые уголовнымъ закономъ помимо воли и желанія частныхъ лицъ и оканчивающіеся примиреніемъ, каковы : нанесеніе увѣчья или иного важнаго въ здоровьѣ или въ тѣлесныхъ способностяхъ поврежденія (Улож. о нак., стт. 1474—1496) ; е) случаи подлога въ церковныхъ книгахъ или выдаваемыхъ причтомъ документахъ (Улож. о нак., ст. 1441 ; кассац. рѣш. 1867 г. № 575 ; ук. Св. Синода 22 июня 1868 г. № 35) ; ж) умышленное незаписаніе или неправильное записаніе на приходъ церковныхъ денегъ и израсходованіе ихъ въ свою пользу (Улож. о нак., стт. 358, 359 ; кассац. рѣш. 1875 г. № 1). Церковнослужители по всѣмъ оскорбленіямъ чести подлежатъ общему порядку подсудности (кассац. рѣш. 1869 г. № 800 и указъ Св. Синода 4 августа 1882 г. № 1380) ; исключеніе сдѣлано для оскорбленій, наносимыхъ причетникомъ священнику : ихъ положено судить духовному суду на томъ основаніи, что подобное оскорбленіе есть не простая обида, а нарушеніе порядка церковнаго управленія (кассац. рѣш. 1869 г. № 1 и указъ Св. Синода 22 ноября 1887 г. № 1699).

каившагося, желавшаго снова быть принятымъ въ церковь, возможенъ былъ лишь одинъ путь — продолжительнаго, иногда даже пожизненнаго, публичнаго покаянія.

Въ III в. въ восточной церкви развился твердый порядокъ обратнаго принятія кающагося въ церковь, основанный на идеѣ постепеннаго возстановленія церковныхъ правъ, подобнаго той постепенности, съ которою принимались въ церковь не-христиане, проходившіе разныя степени оглашенія.

Такъ образовались покаянныя степени (*stationes poenitentiales*): 1) степень плачущихъ (*προσκλιόντες, flentes*); 2) — слушающихъ (*ἀκροώμενοι, audientes*); 3) — припадающихъ или колѣнопреклоненныхъ (*ὀποπίπτοντες, substrati, γονυκλίνοντες, genuflectentes*); 4) — вмѣстѣ стоящихъ (*σὺστατες, consistentes*)¹⁾.

1) Лица, находившіяся въ состояніи плачущихъ, должны были стоять во внѣшнемъ притворѣ церкви или въ прилегающихъ къ церкви портикахъ; когда вѣрные проходили въ храмъ для молитвы, плачущіе повергались на землю ницъ и просили проходящихъ вознести о нихъ молитвы къ Богу. Слушающіе стояли во внутреннемъ притворѣ церкви во время литургіи оглашенныхъ, слушали чтеніе Св. Писанія и церковныя поученія, а за тѣмъ, по возгласу діакона: „да никто отъ послушающихъ...“ — оставляли храмъ вмѣстѣ съ оглашенными. Припадающіе стояли въ самомъ храмѣ вблизи входа; по окончаніи церковныхъ молитвъ о слушающихъ и оглашенныхъ, они падали ницъ, исповѣдывая вслухъ свой грѣхъ; вмѣстѣ съ ними повергался на землю и предстоятель церковнаго собранія и весь народъ и со слезами молились объ отпущеніи грѣховъ кающимся; послѣ молитвы они принимали благословеніе отъ предстоятеля и выходили изъ церкви. Вмѣстѣ стояще присутствовали съ вѣрными при самомъ совершеніи литургіи вѣрныхъ, только не могли причащаться Св. Таинъ и дѣлать приношеній въ церковь. По окончаніи срока покаянія, происходило торжественное разрѣшеніе кающагося отъ грѣха и возстановленіе его въ правъ пріобщенія Евхаристіи; оно происходило обыкновенно въ концѣ великаго поста, на страстной недѣлѣ. Разрѣшеніе сообщалось посредствомъ возложенія руки епископа и разрѣшительной молитвы. Послѣ разрѣшенія отъ грѣховъ и пріобщенія Евхаристіи кающійся опять присоединялся къ вѣрнымъ членамъ церкви и востанавлился въ правахъ церковнаго состоянія, за исключеніемъ права поступленія въ клиръ.

Нужно замѣтить, что не всѣ кающіеся проходили обязательно всѣ указанныя степени покаянія. При преступленіяхъ менѣе тяжкихъ, покаяніе могло начаться со степени припадающихъ и даже

На этой системѣ постепеннаго покаянія построены каноны соборовъ и отцевъ церкви IV в., особенно каноны св. Василія В.

Но послѣ IV в. публичное покаяніе на Востокѣ вышло изъ употребленія и правила о долгосрочномъ публичномъ покаяніи замѣнились въ практикѣ т. наз. епитимійными правилами, которыми устанавливалось покаяніе краткосрочное, съ замѣною сокращаемаго срока усиленными подвигами благочестія (постомъ, молитвою и пр.).

Эта система церковнаго покаянія постепенно пріобрѣла преобладающее значеніе на практикѣ, какъ это видно изъ номоканона Іоанна Постника, сохранила свое значеніе въ восточной церкви въ теченіе всего періода вселенскихъ соборовъ и затѣмъ перешла и къ намъ въ Россію.

До Петра В. законодательство свѣтское вовсе не вмѣшивалось въ эту область церковнаго права: архіереи могли отлучать отъ церкви и налагать епитиміи на кающихся по своему усмотрѣнію, конечно, руководствуясь церковными правилами.

Въ „Духовномъ Регламентѣ“ Петра В. въ точности опре-

вмѣстѣ стоящихъ (Григ. Неок. пр. 9, 10). Точно также не всѣ кающіеся находились въ состояніи покаянія одинаковое число лѣтъ; въ церковныхъ правилахъ установлены сроки покаянія за разные церковныя преступленія, смотря по ихъ тяжести.

При наложеніи епитиміи обращалось вниманіе и на прежній образъ жизни согрѣшившаго, и на степень готовности его къ исправленію (Григ. Нисск. пр. 4, 5); обращалось также вниманіе на естественное различіе пола и возраста, на внѣшнія обстоятельства жизни частной и общественной: такъ, лицамъ молодымъ епитимія значительно сокращалась сравнительно съ пожилыми; при наложеніи епитиміи на женщинъ соблюдалась предосторожность, чтобы не повредить имъ въ ихъ семейномъ положеніи (св. Вас. Вел. пр. 34). При наложеніи епитиміи на преступниковъ, подвергшихся уголовному наказанію, это наказаніе принималось на церковномъ судѣ за обстоятельство, дающее основаніе къ смягченію церковной епитиміи. Вообще, сроки покаянія, установленные въ правилахъ древней церкви, не имѣли безусловно-обязательнаго характера и могли быть сокращаемы (Трул. пр. 102 и толкованіе на него Вальсамона).

дѣлены были какъ виды церковнаго отлученія, такъ преступленія, за которыя оно должно быть налагаемо, и границы архіерейской компетенціи въ наложеніи этого наказанія. Здѣсь различается великое отлученіе или анаѳема, и малое отлученіе. Обрядъ великаго отлученія, являющагося крайнимъ церковнымъ наказаніемъ для всѣхъ тѣхъ, кто явно хулитъ имя Божіе, Св. Писаніе, церковь Святую и ея таинства, состоитъ въ слѣдующемъ. Сначала епархіальный архіерей посылаетъ къ виновному его духовника, что бы онъ наединѣ уговорилъ его исправиться; если это увѣщаніе не подѣйствуетъ, епископъ призываетъ виновнаго къ себѣ „честно, съ прошеніемъ“ и повторяетъ ему увѣщаніе лично, въ присутствіи одного лишь ходивнаго къ нему духовника; въ случаѣ, если виновный не пойдетъ на этотъ зовъ, епископъ посылаетъ къ нему того же духовника, но уже „съ другими нѣкими честными особами, духовными и мірскими, наипаче съ пріятельми онаго“; при непреклонности увѣщаемаго, такое посольство можетъ быть повторено. Если всѣ мѣры окажутся безуспѣшными, епископъ велитъ протодіакону въ праздничный день въ церкви извѣстить народъ о жестокосердіи даннаго лица, съ просьбою молиться о смягченіи его сердца и приглашеніемъ близкихъ къ нему лицъ повліять на упорствующаго и склонить его къ раскаянію, предупреждая, что при дальнѣйшемъ упорствѣ онъ будетъ отлученъ отъ церкви. Если и эта окончательная мѣра не достигнетъ цѣли, то епископъ обо всемъ доноситъ Синоду и, получивъ отъ него письменное разрѣшеніе, составляетъ формулу анаѳемы и велитъ протодіакону прочитать ее въ церкви при народѣ. — При маломъ отлученіи, налагаемомъ епархіальнымъ архіереемъ за „великій и явный грѣхъ“ (напр. безчинство въ церкви) и состоящемъ во временномъ удаленіи отлученнаго отъ участія въ общественной молитвѣ, въ запрещеніи входить въ церковь и причащаться Св. Тайнъ, не требуется „оныхъ великихъ чрезъ протодіакона предвозвѣщеній“, а также сношеній съ Синодомъ; достаточно написать

на „малой хартійкѣ“ вину грѣшника и причину его отлученія, конечно, послѣ предварительныхъ его увѣщаній.

Дѣйствующее русское законодательство знаетъ слѣдующіе виды церковнаго наказанія :

1) отлученіе отъ церкви; именно, стт. 45 и 246 Уст. Гражд. Судопр. воспрещаютъ быть повѣренными по дѣламъ лицамъ отлученнымъ отъ церкви по приговору духовнаго суда, а стт. 84 и 371 Уст. Гражд. Судопр. и 95 и 706 Угол. Судопр. говорятъ о недопущеніи ихъ къ свидѣтельству;

2) церковное покаяніе; оно имѣетъ мѣсто: а) въ тѣхъ случаяхъ, когда совершены преступленія, за которыя, по Уложенію о наказаніяхъ, сверхъ уголовного наказаніяхъ, назначается еще, для очищенія совѣсти виновнаго, церковное покаяніе, б) въ тѣхъ случаяхъ, когда Уложеніе отсылаетъ виновныхъ къ церковному начальству для той же цѣли, не подвергая ихъ уголовному наказанію, и в) въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимость очищенія совѣсти виновнаго церковнымъ покаяніемъ выясняется для духовнаго начальства изъ дѣлъ, производившихся въ духовныхъ консисторіяхъ. За исключеніемъ случаевъ отсылки въ монастырь по В с о ч а й н е м у повелѣнію, церковное покаяніе практикуется въ видѣ домашней епитиміи, исполняемой въ мѣстѣ жительства виновнаго, подъ руководствомъ его духовника.

3) Лишеніе церковнаго погребенія, назначаемое за самоубійство, совершенное „съ памѣреніемъ и не въ безуміи, сумасшествіи или временномъ отъ какихъ либо болѣзненныхъ припадковъ безпамятствѣ“ (Улож. о наказ. ст. 1472).

Для клириковъ существуетъ особая спеціальная система карательныхъ мѣръ, которая прежде всего поражаетъ ихъ особые права; за тѣ самыя преступленія, за которыя міряне подвергаются отлученію, клирики наказываются изверженіемъ. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ правила назначаютъ

клирикамъ двойное наказаніе: и изверженіе, и отлученіе отъ церковнаго общенія, а именно въ случаѣ полученія сана куплею (Апост. пр 29) и въ случаѣ полученія сана вымогательствомъ мірскихъ властей (Апост. пр. 30).

Въ нашемъ Уставѣ дух. консисторій, которымъ руководствуются епархіальные суды, перечислены слѣдующія наказанія для клириковъ: 1) лишеніе священно-служителей сана, съ исключеніемъ изъ духовнаго вѣдомства; 2) лишеніе сана, съ оставленіемъ въ духовномъ вѣдомствѣ на низшихъ должностяхъ; 3) временное запрещеніе въ священно-служеніи, съ отрѣшеніемъ отъ должности и съ опредѣленіемъ въ причетники; 4) временное запрещеніе въ священно-служеніи, безъ отрѣшенія отъ мѣста, но съ возложеніемъ епитиміи въ монастырѣ или на мѣстѣ; 5) временное испытаніе въ монастырѣ или въ архіерейскомъ домѣ; 6) отрѣшеніе отъ мѣста; 7) исключеніе за штатъ; 8) усугубленіе надзора; 9) пеня и денежное взыскаііе; 10) поклоны; 11) строгій или простой выговоръ; 12) замѣчаніе (ст. 176).

§ 55. Церковный судъ по дѣламъ гражданскимъ.

Независимо отъ полюбовнаго разбирательства или суда третейскаго у епископовъ, которое могло имѣть мѣсто и силу по обоюдному соглашенію сторонъ, обезпеченному условленнымъ штрафомъ¹⁾, въ Греко-Римской имперіи нѣкоторыя гражданскія дѣла, по самому закону, предоставлены были суду духовной власти. Таковы: 1) гражданскія тяжбы между клириками, когда истецъ и отвѣтчикъ были лица духовныя²⁾; 2) дѣла собственно церковныя, т. е. спорныя дѣла, вытекавшія изъ чисто-церковныхъ отношеній (напр. дѣла о принадлежности извѣстной христіанской общины той или другой епархіи, а также споры между клириками о пользованіи

1) Таковъ былъ законъ Валентиніана III 452 г. (Nov. Val. III. tit. 34).

2) Такъ постановилъ Халкидонскій соборъ 451 г., опредѣленія котораго утверждены были императоромъ Маркіаномъ.

церковными имуществами и доходами); сюда же въ X и XI вв. были отнесены дѣла брачныя.

Что касается тяжбъ клириковъ съ мірянами, то подсудность въ этихъ дѣлахъ въ законодательствѣ императора Юстиніана (21 гл. 123-ей новеллы) была опредѣлена по принципу: *actor sequitur forum rei*, въ силу чего истецъ-мірянинъ долженъ былъ вчинать искъ, призывая къ отвѣту духовное лицо, у духовнаго судьи, и, наоборотъ, истецъ-лицо духовное долженъ былъ вчинать искъ противъ отвѣтчика-мірянина у свѣтскаго судьи¹⁾. Тотъ же порядокъ установленъ и закономъ Ираклія 629 г.

Въ Россіи компетенція церковнаго суда по дѣламъ гражданскимъ прежде была очень широка. Церковному суду подлежали: 1) дѣла брачныя, именно дѣла о дѣйствительности брака и о расторженіи его; 2) дѣла, вытекающія изъ союза семейственнаго, и 3) дѣла по наслѣдству.

Въ Московскій періодъ церковная юрисдикція по гражданскимъ дѣламъ, какъ видно изъ выписки, сдѣланной для Большаго Московскаго собора 1667 г. о дѣлахъ, находившихся въ завѣдываніи Патріаршаго разряда, еще болѣе расширилась. Здѣсь исчислены слѣдующія гражданскія дѣла: 1) утверженіе духовныхъ завѣщаній и рѣшеніе споровъ о ихъ дѣйствительности; 2) дѣла о раздѣлѣ наслѣдства безъ завѣщанія; 3) дѣла по ряднымъ записямъ, т. е. о брачномъ сговорѣ съ назначеніемъ неустойки; 4) споры между мужемъ и женою о приданомъ; 5) дѣла по спорамъ

1) „Если кто либо, говорится здѣсь, имѣетъ искъ противъ духовнаго лица, монаха, монахини, то онъ долженъ обратиться къ епископу, который и рѣшаетъ дѣло. Если обѣ стороны довольны рѣшеніемъ епископа, оно приводится въ исполненіе мѣстнымъ свѣтскимъ начальствомъ; если же какая нибудь сторона заявитъ неудовольствіе въ теченіи десяти дней, то дѣло переходитъ на разсмотрѣніе свѣтскаго судьи, и если свѣтскій судья согласится съ рѣшеніемъ епископа, то оно приводится въ исполненіе безъ всякаго дальнѣйшаго обжалованія. Если же рѣшеніе свѣтскаго судьи не совпадало съ рѣшеніемъ епископа, тогда допускалась апелляція въ высшій судъ.“

о рожденіи отъ законнаго брака; 6) дѣла объ усыновленіи и о правѣ наслѣдованія усыновленныхъ; 7) дѣла о душеприказчикахъ, женящихся на вдовѣ умершаго, и 8) дѣла по челобитьямъ господъ на бѣглыхъ холоповъ, постригшихся въ монахи или вступившихъ въ бракъ со свободными людьми.

Таковъ былъ кругъ церковной юрисдикціи по дѣламъ гражданскимъ до Петра В., при которомъ въ вѣдомствѣ духовнаго суда оставлены только: 1) дѣла о сомнительныхъ бракахъ и, въ особенности, о бракахъ, заключенныхъ въ запрещенныхъ степеняхъ родства и свойства; 2) дѣла о бракахъ совершенныхъ по принужденію со стороны родителей или господъ; 3) дѣла о бракахъ заключенныхъ при жизни мужа или жены, и 4) дѣла о расторженіи браковъ; — короче сказать, дѣла бракоразводныя и о признаніи браковъ недѣйствительными.

Что касается лицъ духовныхъ, то вообще всѣ гражданскія дѣла ихъ подлежали суду церковному, при чемъ этому суду подлежали не только сами духовныя лица, но и множество другихъ лицъ, поставленныхъ въ извѣстную связь съ церковью (церковные люди), а также все крестьянское населеніе церковныхъ земель. Надо, впрочемъ, замѣтить, что многіе настоятели монастырей и священники церквей выпрашивали у князей такъ наз. „несудимыя грамоты“, которыя освобождали ихъ отъ подсудности по тяжбымъ дѣламъ мѣстному епископу и подчиняли суду князя и его бояръ. Несудимыя грамоты были отмѣнены Стоглавымъ соб. 1551 г.; но это постановленіе часто не соблюдалось, такъ что представители высшей іерархіи принуждены были выпрашивать у царей особыя грамоты на право суда надъ подвѣдомственнымъ имъ духовенствомъ какъ по тяжбамъ духовныхъ лицъ между собою, такъ и по искамъ на нихъ со стороны лицъ постороннихъ.

Въ тяжбымъ дѣлахъ между людьми церковными и нецерковными съ древнѣйшихъ временъ практиковался

„смѣсный“ или „вопчій“ судъ, состоявшій изъ представителей княжеской власти и отъ духовнаго вѣдомства, при чемъ судебные доходы должны были итти въ пользу того и другого вѣдомства пополамъ. Въ случаѣ несогласія судей на „смѣсномъ“ судѣ, дѣло переносилось на судъ князя.

Послѣ Стоглаваго собора начинается постепенное сокращеніе церковной юрисдикціи, и со времени учрежденія Св. Синода принято было за правило, что духовенство по гражданскимъ дѣламъ, подобно прочимъ гражданамъ, должно судиться въ тѣхъ судебныхъ мѣстахъ, которымъ эти дѣла подсудны.

Въ настоящее время, по Уставу дух. конс., лица свѣтскаго званія подлежатъ церковному суду по дѣламъ: 1) о бракахъ, совершенныхъ незаконно; 2) о расторженіи и прекращеніи браковъ; и 3) по случаямъ, въ которыхъ нужно удостовѣриться о дѣйствительности событія брака или о рожденіи отъ законнаго брака (Уст. дух. конс., ст. 148 п. 2). Лица духовнаго званія подлежатъ церковному суду: 1) по взаимнымъ спорамъ, могущимъ возникнуть изъ пользовація движимою и недвижимою церковною собственностью; 2) по просьбамъ о побужденіи духовныхъ лицъ къ исполненію безспорныхъ обязательствъ и къ уплатѣ безспорныхъ долговъ (тамъ же, ст. 148 п. 1), т. е. такихъ, по поводу которыхъ не можетъ возникнуть спора по документамъ, и притомъ, по 203 ст. Уст. дух. конс., только въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ не введены новыя судебныя установленія.

§ 56. Церковное судоустройство и судопроизводство.

По церковнымъ правиламъ, судебная власть въ каждой епархіи сосредочена въ лицѣ епископа, который руководствуется въ своей судебной дѣятельности совѣтомъ своего пресвитерія, т. е. старшихъ пресвитеровъ. На рѣшенія этого суда каноны допускаютъ апелляцію къ областному собору, который представляетъ собою не только вторую (апелля-

ціонную) инстанцію, но и первую — для суда по жалобамъ клириковъ и мірянъ на своего епископа; на рѣшенія этого собора апелляція идетъ къ совершенному или полному собору, представляющему собою всю іерархію данной автокефальной церкви.

Русская церковь, съ самаго начала, знала только двѣ инстанціи духовнаго суда: судъ епархіальныхъ архіереевъ и митрополита (впослѣдствіи патріарха) съ соборомъ; послѣдняя инстанція теперь представляется Св. Синодомъ.

По дѣйствующему Уставу дух. конс., епархіальный судъ окончательно рѣшаетъ: 1) дѣла о духовныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ такихъ проступкахъ и преступленіяхъ, за которыя они подвергаются только исправительнымъ или дисциплинарнымъ наказаніямъ (Уст. дух. конс. ст. 174); 2) два вида бракоразводныхъ дѣлъ, именно: а) о разводѣ по осужденію одного изъ супруговъ къ наказанію, влекущему за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія (ст. 229), б) о разводѣ по безвѣстному отсутствію крестьянъ или мѣщанъ, а также о расторженіи браковъ женъ нижнихъ чиновъ, пропавшихъ на войнѣ безъ вѣсти, или взятыхъ въ плѣнъ непріателемъ (стт. 231 и 235). Рѣшенія епархіальнаго суда по всѣмъ прочимъ дѣламъ восходятъ на предварительную ревизію и утвержденіе Св. Синода.

Древнее церковное судопроизводство изображается въ Апост. Постановленіяхъ слѣдующимъ образомъ: Церковный судъ какъ по спорнымъ дѣламъ, такъ и по преступленіямъ, производился лично епископомъ, при содѣйствіи пресвитеровъ и діаконовъ, въ присутствіи тяжущихся или подсудимыхъ и свидѣтелей. Епископъ выслушивалъ объясненія сторонъ и старался окончить дѣло примиреніемъ. Судъ по преступленіямъ имѣлъ ту особенность, что, примѣнительно къ словамъ Иисуса Христа о неоднократномъ вразумленіи согрѣшающаго брата, производился открыто уже послѣ предварительныхъ вразумленій непубличныхъ.

При христіанскихъ императорахъ церковное судопроизводство усвоило себѣ формы римскаго процесса который въ дѣлахъ уголовныхъ носилъ характеръ обвинительный.

По дѣламъ о проступкахъ и преступленіяхъ обвинитель долженъ былъ явиться съ обвиненіемъ къ епископу. Епископъ прежде всего обращалъ вниманіе на жизнь и поведеніе обвинителя, а также и на его вѣроисповѣданіе. Къ обвиненію по церковнымъ дѣламъ не допускались: 1, иновѣрцы, еретики и раскольники (Апост. пр. 75; 2-го всел. пр. 6; Карѣ. пр. 144); 2, изверженные изъ клира и отлученные отъ церковнаго общества (2 всел. пр. 6; Карѣ. пр. 143); 3, лица зазорнаго поведенія (Карѣ. пр. 144); 4 лица бывшія или состоящія подъ судомъ (Карѣ. пр. 8, 28); 5, лица уже бывшія обвинителями и не доказавшія своего обвиненія (Карѣ. 145); 6, лица заинтересованныя въ дѣлѣ (Карѣ. 70) и 7, лица лишенныя права обвиненія, по свѣтскимъ законамъ, а именно: доманіе обвиняемаго (Карѣ. пр. 70, 144, 146), рабы противъ бывшихъ своихъ господъ (Карѣ. пр. 144), малолѣтніе, имѣющіе отъ роду менѣе 14 лѣтъ (Карѣ. пр. 146).

Обвинитель допускался къ обвиненію съ обязательствомъ подвергнуться тому же наказанію, которому онъ подвергалъ обвиняемаго своимъ обвиненіемъ, въ томъ случаѣ, если не докажетъ своего обвиненія (2-го всел. пр. 6). Неявка въ судъ обвинителя прекращала процессъ (Карѣ. пр. 28). Судебное дѣло разбиралось въ присутствіи обвиняемаго (Апост. пр. 74); въ случаѣ уклоненія его отъ явки въ судъ, послѣ троекратнаго приглашенія, приговоръ произносился заочно.

Главнымъ доказательствомъ служили показанія свидѣтелей, при чемъ къ свидѣтельству не допускались тѣ же лица, которыя лишены были права быть обвинителями. Далѣе, въ качествѣ доказательствъ на судѣ употреблялись улики, какъ вещественныя, такъ и другія. Собственное сознаніе подсудимаго считалось лучшимъ доказательствомъ

виновности его и исключало надобность въ подробномъ разбирательствѣ дѣла.

Тотъ же характеръ носилъ церковный процессъ по уголовнымъ дѣламъ вначалѣ и у насъ въ Россіи, уступивъ мало по малу мѣсто процессу слѣдственному.

Сущность слѣдственнаго консисторскаго производства состоитъ въ томъ, что результатъ процесса рѣшительно опредѣляется предварительнымъ слѣдствіемъ, которое производится на мѣстѣ духовнымъ слѣдователемъ, по распоряженію епархіальнаго архіерея. На основаніи данныхъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, составляется докладъ, который выслушивается въ присутствіи консисторіи и служитъ основаніемъ для ея рѣшенія по данному дѣлу, при чемъ наличность подсудимыхъ или заинтересованныхъ лицъ не требуется, за исключеніемъ дѣлъ бракоразводныхъ — по неспособности къ брачному сожитію и по нарушенію святости брака прелюбодѣяніемъ¹⁾.

Искъ о разводѣ по неспособности одного изъ супруговъ допускается не раньше, какъ по истеченіи трехъ лѣтъ со времени заключенія брака, при чемъ этотъ искъ не можетъ основываться на этой причинѣ, если неспособность есть природная, или началась уже по вступленіи въ бракъ; доказательствомъ такой неспособности признается формальный актъ освидѣтельствующій неспособнаго супруга, по требованію

1) Св. Синодъ разъяснилъ, что, для огражденія отъ злоупотребленій при бракоразводныхъ процессахъ, епархіальное начальство можетъ, при разсмотрѣннн ходатайствъ о допущеніи къ веденію бракоразводныхъ дѣлъ вмѣсто тяжущихся супруговъ избираемыхъ ими повѣренныхъ, отказывать въ утвержденіи таковыхъ, если, по свѣдѣніямъ епархіальнаго начальства, названные повѣренные не заслуживаютъ довѣрія и прибѣгаютъ къ недостойнымъ приемамъ. Въ виду того, что одинъ изъ расходящихся супруговъ можетъ быть инославнаго исповѣданія, къ веденію бракоразводныхъ дѣлъ въ консисторіи должны допускаться адвокаты инославныхъ исповѣданій. Повѣренные нехристіанскихъ вѣроисповѣданій не могутъ принимать участія въ производствѣ дѣла о расторженіи брака, и не должны допускаться къ веденію этихъ дѣлъ въ духовныхъ консисторіяхъ.

духовнаго суда, въ присутствіи врачебнаго отдѣленія Губернскаго Правленія (Уст. дух. конс. ст. 242—244).

Бракоразводный процессъ по нарушенію святости брака прелюбодѣянiемъ имѣетъ ту особенность, что фактъ прелюбодѣянiя доказывается не всякими вообще доказательствами, которыя могли бы привести судъ къ убѣжденію въ его совершеніи; но главными доказательствами прелюбодѣянiя признаются показанія двухъ или трехъ свидѣтелей-очевидцевъ самаго акта прелюбодѣянiя и прижитіе дѣтей внѣ законнаго супружества, доказанное метрическими книгами и доводами о незаконной связи съ постороннимъ лицомъ; всякія другія доказательства тогда только могутъ имѣть свою силу, когда соединяются съ однимъ изъ главныхъ доказательствъ, или же въ своей совокупности обнаруживаютъ преступленіе (ст. 249). Собственное призначіе отвѣтчика въ нарушеніи святости брака прелюбодѣянiемъ не принимается въ уваженіе, если оно не согласуется съ обстоятельствами дѣла и не сопровождается доказательствами (ст. 250).

Дѣла о расторженіи браковъ по безвѣстному отсутствію начинаются подачею оставленнымъ супругомъ искового прошенія, въ которомъ должно быть обозначено, когда мужъ или жена были изъ мѣста своего жительства и было-ли подано явочное о томъ прошеніе; если такое прошеніе было подано, то при исковой просьбѣ должна быть приложена засвидѣтельствованная конія съ этого прошенія (ст. 232). Консисторія разсылаетъ всѣмъ лицамъ, могущимъ имѣть какія либо свѣдѣнія о судьбѣ безвѣстно отсутствующаго лица повѣстки съ вопросными пунктами, а также сносится съ тѣмъ Губернскимъ Правленіемъ, гдѣ жилъ или служилъ безвѣстно отсутствующій; одновременно съ собираніемъ этихъ свѣдѣній, она печатаетъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, издаваемыхъ при Св. Синодѣ и получаемыхъ во всѣхъ приходахъ Имперіи, объявленіе о начавшемся дѣлѣ относительно расторженія брака по безвѣстному отсутствію супруга. Если, по истеченіи года со времени напечатанія этого объявленія,

безвѣстное отсутствіе супруга будетъ подтверждено, то, по ходатайству просителя, постановляется рѣшеніе о расторженіи брака.

Всѣ бракоразводныя дѣла начинаются въ тѣхъ епархіяхъ, въ которыхъ супруги имѣютъ постоянное мѣстожителство (ст. 224) ¹⁾.

Рѣшенія консисторій могутъ восходить апелляціоннымъ или ревизіоннымъ порядкомъ въ Св. Синодъ. Апелляціонный порядокъ пересмотра дѣла по существу обуславливается подачею апелляціоннаго отзыва со стороны заинтересованнаго лица. Именно, священнослужители, присуждаемые судомъ консисторіи къ лишенію сана, а причетники къ исключенію изъ духовнаго вѣдомства, допускаются къ объявленію удовольствія или неудовольствія на рѣшеніе консисторіи въ семидневный срокъ, и, въ случаѣ заявленія ими неудовольствія, — къ подачѣ апелляціоннаго отзыва въ теченіе мѣсяца со дня заявленія ²⁾. Апелляціонный отзывъ допускается также по дѣламъ бракоразводнымъ: недовольный рѣшеніемъ епархіальнаго начальства, которымъ предположено расторгнуть бракъ, можетъ въ теченіе семи дней заявить неудовольствіе и, затѣмъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ представить въ консисторію отзывъ съ изложеніемъ основаній, по которымъ признаетъ рѣшеніе епархіальнаго начальства неправильнымъ. Однако, если-бы и не послѣдовало отъ недовольной рѣшеніемъ стороны апелляціоннаго отзыва, рѣшеніе консисторіи, клонящееся къ растор-

1) Св. Синодъ разъяснилъ, что бракоразводныя дѣла, въ которыхъ какъ истцами, такъ и отвѣтчиками, являются нижніе воинскіе чины, состоящіе на дѣйствительной службѣ внѣ предѣловъ родной имъ епархіи, подлежатъ производству въ епархіяхъ по мѣсту происхожденія упомянутыхъ нижнихъ чиновъ или постоянной ихъ приписки.

2) Подачею апелляціоннаго отзыва исполненіе останавливается, и рѣшеніе епархіальнаго начальства представляется Св. Синоду съ самымъ дѣлопроизводствомъ, съ краткимъ извлеченіемъ изъ него, съ подробною справкою о подсудимыхъ и съ приложеніемъ апелляціоннаго отзыва. Уст. Дух. Конс. ст. 171.

женію брака, восходить на утверженіе Св. Синода ревізійнымъ порядкомъ (ст. 256). На рѣшеніе консисторіи, которымъ предполагается оставить бракъ въ силѣ, недозволенный таковымъ рѣшеніемъ тоже можетъ принести жалобу Св. Синоду (ст. 255)¹).

Глава VI.

§ 57. Право религіознаго ученія.

Христіанская вѣра предназначена для всѣхъ людей всѣхъ временъ; поэтому одною изъ важнѣйшихъ задачъ церкви должно быть распространеніе ученія Христова не только въ предѣлахъ того государства, въ которомъ она существуетъ, но и внѣ его предѣловъ. Средствами распространенія истинъ христіанской религіи служатъ: а) учрежденіе миссій, б) проповѣдь и в) организація церковныхъ учебныхъ заведеній, а также преподаваніе Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

1) Министерствомъ Юстиціи, совмѣстно съ Св. Синодомъ, выработанъ проектъ реформы бракоразводнаго процесса.

Бракоразводный процессъ, согласно проекту, распадается на три стадіи. Первая стадія процесса ведется въ духовномъ судѣ, куда долженъ обратиться супругъ желающій начать дѣло о разводѣ. Консисторія по полученіи заявленія о желаніи начать бракоразводное дѣло назначаетъ священника для увѣщанія супруговъ. Въ случаѣ безрезультатности увѣщанія или невыполненія его въ назначенный закономъ срокъ, консисторія выдаетъ истцу соответствующее удостовѣреніе.

Послѣ этого наступаетъ вторая стадія процесса, заключающаяся въ подачѣ прошенія въ гражданскій судъ о разслѣдованіи наличности прелюбодѣянія или неспособности къ брачному сожитію. По окончаніи разслѣдованія, супругъ-истецъ, ссылаясь на рѣшеніе гражданскаго суда, снова подаетъ прошеніе въ духовный судъ о расторгненіи брака (третья стадія).

Роль гражданскаго суда сводится лишь къ гражданской экспертизѣ, начало же и конецъ бракоразводнаго процесса, равно какъ и право расторгненія брака, попрежнему остаются всецѣло въ рукахъ консисторіи.

Въ православной русской церкви миссіи, какъ постоянныя учрежденія для обращенія въ предѣлахъ Имперіи инородцевъ въ христіанскую вѣру, появляются со времени Петра Вел., но особый успѣхъ дѣятельность ихъ получаетъ со времени царствованія императора Александра II, когда возникаетъ много новыхъ миссіонерскихъ учреждений и самое миссіонерское дѣло оживляется благодаря тому, что само общество принимаетъ въ немъ горячее участіе. Въ настоящее время православная русская церковь имѣетъ миссіи не только внутреннія, ставящія своею задачею распространеніе православной вѣры между нехристіанами (таковы сибирскія миссіи: алтайская, иркутская, забайкальская, якутская, общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, братство св. Гурія въ Казани¹⁾), а также между раскольниками въ Россіи (братство св. митрополита Петра въ Москвѣ), — но и внѣшнія, имѣющія цѣлью распространеніе православія за предѣлами нашего отечества (таковы миссіи: американская, японская и китайская)²⁾.

Проповѣдь составляетъ одну изъ важнѣйшихъ обязанностей епископовъ и священниковъ, за нерадѣніе о которой они, въ крайнемъ случаѣ, лишаются должности (Апост. пр. 58; Трул. пр. 19). Право проповѣди въ церкви принадлежитъ лицамъ священнаго сана (епископамъ, священникамъ), хотя дозволяется произносить проповѣди и не клирикамъ, имѣющимъ богословское образованіе и готовящимся къ принятію священства.

Издапіе опредѣленныхъ правилъ относительно проповѣди относится у насъ ко времени Петра В.: въ изданномъ имъ Духовномъ Регламентѣ содержится цѣлый рядъ такихъ

1) Нѣкоторыя изъ церковныхъ братствъ имѣютъ миссіонерскій характеръ.

2) На Западѣ особый успѣхъ въ дѣлѣ миссіи имѣетъ римская конгрегация de propaganda fide, руководящая миссіонерскимъ дѣломъ во всѣхъ частяхъ свѣта

правиль, подъ заглавіемъ : „О проповѣдникахъ Слова Божія регулы“. Дѣйствующій Уставъ дух. консисторій обязываетъ епархіальное начальство имѣть попеченіе о томъ, чтобы духовенство проповѣдывало Слово Божіе въ церквахъ и наставляло при всякомъ удобномъ случаѣ народъ въ вѣрѣ и благочестіи, въ благонравіи и послушаніи властямъ — внѣбогослужебныя собесѣдованія съ прихожанами по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. (Уст. дух. конс., стт. 7—11). При кафедральномъ соборѣ проповѣдуютъ священники городскихъ и приходскихъ церквей въ воскресные, праздничные и высокаторжественные дни, по расписанію, которое составляется духовною консисторіею въ ноябрѣ каждого года и утверждается архіереемъ. Циркулярнымъ указомъ 19 іюня 1890 г. за № 11 Св. Синодомъ предписано всѣмъ приходскимъ священникамъ вести съ прихожанами внѣбогослужебныя собесѣдованія въ воскресные и праздничные дни, при помощи діаконѡвъ и псаломщиковѡвъ.

Главнымъ средствомъ дѣятельности церкви на пользу религіознаго просвѣщенія народа внѣ храма служитъ школа. Преподаваніе Закона Божія у насъ является обязательнымъ во всѣхъ вообще свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ отъ низшихъ и высшихъ; это преподаваніе ведется подъ наблюденіемъ епархіальнаго архіерея, съ вѣдома и одобренія котораго производится назначеніе законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній, а также ему принадлежитъ право разсматривать программы по Закону Божію.

Со времени царствованія императора Александра III изданъ цѣлый рядъ законовъ и правилъ, направленныхъ къ установленію прочной связи между церковью и народною школою учреждешемъ такъ наз. церковно-приходскихъ школъ. Правила о церковно-приходскихъ школахъ изданы въ 1884 г. Церковно-приходскими школами называются училища, открываемыя православнымъ духовенствомъ, съ цѣлью утвержденія въ народѣ православнаго ученія, христіанской вѣры и нравственности и распространенія гра-

мотности и полезныхъ знаній (между прочимъ, сельскохозяйственныхъ). Преподаваніе въ этихъ школахъ ведется частью священникомъ или діакономъ, частью учителями и учительницами, получившими образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства.

Для ближайшаго руководства церковно-приходскими школами назначаются особые священники-наблюдатели. Для обсужденія возникающихъ по церковно-приходскимъ школамъ вопросовъ существуетъ въ каждой епархіи епархіальный училищный совѣтъ; центральнымъ же учрежденіемъ по дѣламъ церковно-приходскихъ школъ (съ 19 января 1885 г.) является Училищный Совѣтъ при Св. Синодѣ.

1 апрѣля 1902 г. издано было новое положеніе о церковныхъ школахъ вѣдомства православнаго исповѣданія. Существенною особенностью этого положенія является то, что въ немъ, кромѣ школъ начальныхъ (каковы школы грамоты, церковно-приходскія и воскресныя), вводятся школы учительскія для подготовки благонадежныхъ учителей для церковныхъ школъ (каковы второклассныя и церковно-учительскія школы).

Спеціальныя учебныя заведенія для образованія духовенства раздѣляются на низпія, наз. духовными училищами, среднія, наз. духовными семинаріями, и выспія, наз. духовными академіями. Всѣ эти духовно-учебныя заведенія состоятъ въ духовномъ вѣдомствѣ и управляются церковными органами, на основаніи Высочайше утвержденныхъ уставовъ¹⁾; содержатся они частью на средства, ассигнуемыя изъ государственнаго казначейства, частью на церковныя доходы.

---

1) Уставъ духовныхъ семинарій и училищъ Высочайше утвержденъ 22 августа 1884 г., а духовныхъ академій 20 апрѣля 1884 г.

Глава VII.

Освящающая власть церкви

представляет собою третій элементъ полученнаго Апостолами отъ І. Христа полномочія и обнаруживается въ таинствахъ, а также въ правѣ церкви устанавливать извѣстный порядокъ богослуженія. Изъ таинствъ церковныхъ особаго вниманія заслуживаетъ, по своему значенію въ области церковнаго и свѣтскаго права, бракъ.

Бракъ.

§ 58. Значеніе брачнаго союза.

Брачный союзъ имѣетъ весьма важное значеніе не только для отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлаго общества и государства. Бракъ есть основа семьи, а семья является основаніемъ государства и оказываетъ огромное вліяніе на всѣ сферы человѣческой жизни. Въ семействѣ человѣкъ впервые познаетъ Бога, впервые получаетъ понятіе о власти и о подчиненіи; здѣсь зараждаются въ человѣкѣ тѣ нравственныя начала, которыми онъ руководствуется потомъ во всей своей жизни, на всѣхъ путяхъ своей дѣятельности; здѣсь, наконецъ, воспитывается въ человѣкѣ то высокое чувство любви, безъ котораго нѣтъ ни счастья, ни благоденствія на землѣ. Извѣстно, что семья въ патріархальномъ періодѣ существованія народовъ замѣняла собою государство.

Такимъ образомъ брачный союзъ является источникомъ нравственности не только личной и семейной, но и общественной, и имѣетъ значеніе не только частнаго института, но и общественнаго, государственнаго. И счастливо то общество и то государство, въ которомъ сохраняются возвышенныя понятія о брачномъ союзѣ и семейныхъ отношеніяхъ!

§ 59. Понятіе о бракѣ.

Существо брачнаго союза было весьма удачно выражено еще въ римскомъ правѣ. По опредѣленію римскаго юриста Модестина (IV в.), „*uptiae sunt coniunctio maris et feminae, consortium omnis vitae, divini et humani iuris communicatio*“, т. е. „бракъ есть соединеніе мужа и жены, союзъ на всю жизнь, общеніе божественнаго и человѣческаго права“.

Въ этомъ опредѣленіи ясно указаны основныя свойства брака: а) физическое — именно, брачный союзъ мужчины и женщины имѣетъ естественное основаніе въ различіи пола, б) этическое, состоящее въ полномъ и неразрывномъ соединеніи всѣхъ жизненныхъ отношеній мужа и жены, и, наконецъ, в) религіозно-юридическое, т. е. полное объединеніе всего, что относится къ вѣрѣ и праву. Опредѣленіе, сдѣланное языческимъ римскимъ юристомъ Модестиномъ, является на столько удовлетворительнымъ по своей полнотѣ и точности, что оно принято было и христіанскою церковью и внесено въ церковныя сборники¹⁾.

§ 60. Препятствія къ браку.

Для дѣйствительности брака требуется наличность извѣстныхъ условій, отсутствіе которыхъ составляетъ препятствіе къ браку. Согласно церковно-гражданскому характеру, который, вообще, имѣетъ бракъ, право устанавливать,

1) Какъ-то: въ 13 гл. XIV тит. Номоканона натр. Фотія, въ Прохиронѣ Василя Македонянина, составляющій 49-ю главу нашей печатной Кормчей, въ Синтагму Властаря и др. Въ 49 главѣ Кормчей опредѣленіе брака юриста Модестина переведено такъ: „Бракъ есть мужевн и женѣ сочетаніе, сбытіе во всей жизни, божественныя и человѣческія правды общеніе“. При печатаніи Кормчей книги въ нее была внесена особая глава (50-я) „о тайнѣ супружества“, въ которой бракъ опредѣляется такъ: „супружества или законнаго брака тайна отъ Христа Бога установлена есть во умноженіе рода человѣческаго и въ воспитаніе чадъ къ славѣ Божіей, въ неразрѣшимый союзъ любви и дружества, и взаимную помощь и во еже огрѣбаться отъ грѣха любодѣянія“.

что должно считаться препятствіемъ къ браку, принадлежить церковной и гражданской власти совмѣстно, какъ это до настоящаго времени существуетъ въ Россіи, гдѣ православная церковь находится въ единеніи съ государствомъ.

Препятствія къ браку неодинаковы по своему значенію: одни изъ нихъ безусловно не допускаютъ брака, дѣлаютъ его невозможнымъ, такъ что, если-бы, не смотря на существованіе ихъ, бракъ былъ заключенъ, онъ считается ничтожнымъ; другія, хотя тоже дѣлаютъ бракъ недозволеннымъ, воспрещеннымъ, но если, при существованіи ихъ, бракъ уже заключенъ, онъ остается въ силѣ, хотя и соединяется съ нѣкоторыми невыгодными послѣдствіями для нарушителей запрещенія. Препятствія перваго рода называются *impedimenta dirimentia* (разрывающія бракъ), втораго рода — *impedimenta impediencia, prohibentia* (запретительныя, но не разрушительныя для брака).

A. *Impedimenta dirimentia.*

1. Отсутствіе взаимнаго согласія брачующихся (*impedimentum consensus*).

Требованіе обоюднаго согласія на бракъ является насколько существеннымъ для дѣйствительности брака, что его можно считать даже не условіемъ, а творческою причиною (*causa efficiens*) брака.

Церковь всегда считала согласіе брачующихся необходимымъ условіемъ законности брака. Похитителей дѣвицы, съ цѣлью брака, она наказывала отлученіемъ, а похищенную повелѣвала возвращать или ея прежнему жениху, если она состояла въ обрученіи, или родителямъ и родственникамъ, если была свободной; только съ согласія послѣднихъ похититель могъ заключить законный бракъ съ похищенною (Анкир. соб. пр. 11; св. Василия Вел. пр. 22,

30). Позднѣе церковь подвергала похищающихъ женъ, подъ предлогомъ брака, анаемѣ (Халкид. соб. пр. 27; Трул. соб. пр. 92) и, слѣдовательно, находила бракъ между похитителемъ и похищенной невозможнымъ.

Для того, чтобы гарантировать свободу вступленія въ бракъ, въ самомъ чинѣ вѣнчанія положено спрашивать жениха и невѣсту о свободномъ произволеніи ихъ къ браку; въ случаѣ заявленія однимъ изъ брачующихся о нежеланіи вступить въ предположенный бракъ, вѣнчаніе должно быть остановлено. Въ виду такого значенія обоюднаго согласія, не могутъ быть признаны дѣйствительными: а) браки, совершенные по принужденію; б) браки, при совершеніи которыхъ имѣли мѣсто обманъ, или ошибка въ лицѣ одного изъ брачующихся.

2. Возрастъ (*impedim. aetatis.*).

Брачный союзъ предполагаетъ въ брачующихся способность къ супружескому сожитію, которая опредѣляется прежде всего лѣтами. Римское право, послѣ различныхъ колебаній въ этомъ вопросѣ, установило, что для вступленія въ законный бракъ женихъ долженъ быть 14-ти лѣтъ, а невѣста 12-ти¹⁾. Этотъ возрастъ былъ принятъ и церковью.

У насъ, на Руси, въ началѣ XV вѣка, русскій митрополитъ Фотій, въ своемъ посланіи къ новгородцамъ, предписывалъ, чтобы дѣвицы не вступали въ бракъ ранѣе 12 лѣтъ. Стоглавый соборъ 1551 г. опредѣлилъ для мужчины 15 лѣтъ, а для женщины 12 лѣтъ. Указомъ Св. Синода 17 дек. 1774 г. опредѣлено было вѣнчать мужчинъ не ранѣе 15-ти лѣтъ, а женщинъ не ранѣе 13-ти (Полн. Собр. Зак. № 14229); наконецъ, въ 1830 г. (19 июля), Высочайшимъ указомъ запрещено вѣнчать браки,

1) Эклога имп. Льва Исаврянина и Константина Капронима (около 740 г.) требовала для дѣйствительности брака достиженія мужчиною 15 лѣтъ, а женщиною 13 лѣтъ.

если жениху нѣтъ 18-ти, а невѣстѣ 16-ти лѣтъ¹⁾. Послѣ издачія закона 1830 года образовалось два совершеннолѣтія -- прежнее, названное церковнымъ, и новое, названное гражданскимъ, съ различнымъ значеніемъ по отношенію къ законности и дѣйствительности брака. Церковное совершеннолѣтіе является необходимымъ условіемъ законности и дѣйствительности брака; вступившіе въ бракъ раньше достиженія церковнаго совершеннолѣтія разлучаются отъ сожительства, по рѣшенію церковнаго суда (Св. Зак. Т. X, ч. 1, ст. 37 п. 5, ст. 38; Уст. духовн. конс. ст. 218). — Бракъ же, повѣнчанный по достиженіи церковнаго совершеннолѣтія (женихомъ 15-ти, а невѣстою 13 лѣтъ), считается состоявшимся и не подлежитъ расторженію, какъ недѣйствительный. Нарушеніе закона о гражданскомъ совершеннолѣтіи влечетъ за собою только наказаніе для лицъ, повѣнчавшихъ такой бракъ (Уст. дух. конс., ст. 220); супруги же, если брачное сожительство не имѣло послѣдствіемъ беременности жены, временно разлучаются до паступленія гражданскаго совершеннолѣтія, по достиженіи котораго они, если пожелаютъ, вновь соединяются уже безъ повторенія церковнаго вѣнчанія. Впрочемъ, и нарушеніе церковнаго совершеннолѣтія можетъ влечь за собою разлученіе сочтанныхъ, по иску недостижнаго этого совершеннолѣтія лица, только до времени достиженія имъ гражданскаго совершеннолѣтія и только въ томъ случаѣ, если бракъ не имѣлъ послѣдствіемъ беременности жены (Т. X. ч. I, ст. 39; Уст. дух. конс., ст. 209)²⁾. Природнымъ жителямъ Закавказскаго края, по мѣстнымъ климатическимъ условіямъ,

1) Въ необходимыхъ случаяхъ епархіальнымъ архіереямъ предоставлено право разрѣшать браки, если жениху или невѣстѣ не достаётъ не болѣе полугода до указаннаго совершеннолѣтія. Св. Зак. Т. X. ч. I, ст. 3. прим.

2) Проектъ новаго Гражданскаго Уложенія (стт. 2 и 226) признаётъ брачнымъ совершеннолѣтіемъ достиженіе 18-лѣтняго возраста мужчиной и 16-лѣтняго женщиной. Бракъ, заключенный ранѣе этого возраста, не дѣйствителенъ.

дозволено вступать въ бракъ, если жениху 15, а невѣстѣ 13 лѣтъ (Т. X. ч. 1, ст. 3).

Противорѣчить цѣлямъ брака и глубокая старость. По древнему римскому закону (*lex Iulia et Papia Poppaea*), крайнимъ предѣломъ для вступленія въ бракъ было назначено — для мужчины 60, а для женщины 50 лѣтъ; по Юстипану отмѣнилъ это ограниченіе. Съ своей стороны, церковь всегда смотрѣла неодобрительно на браки лицъ престарѣлыхъ. По дѣйствующему русскому законодательству (основанному на инструкціи патріарха Адріана половскимъ старостамъ 1697 г. и опредѣленіи Св. Синода 1744 г.)¹⁾, запрещено вступать въ бракъ лицамъ, имѣющимъ болѣе 80-ти лѣтъ отъ роду (Т. X. ч. 1, ст. 4); браки такихъ лицъ подлежатъ расторженію.

Наше церковное законодательство обращаетъ вниманіе и на слишкомъ большое неравенство въ лѣтахъ жениха и невѣсты и называетъ такіе браки „незаконными“. (Инстр. благоч. § 18 п. 6.). Въ синодскомъ указѣ 1775 г. сказано: „нѣкоторые, въ противность законамъ Божиимъ, въ лѣтахъ между собою весьма несходственныхъ вступаютъ въ бракъ, чрезъ что бывають несогласія и просьбы о разводѣ“. Въ дѣйствующемъ Сводѣ Законовъ нѣтъ запрещенія такихъ браковъ. Указомъ Св. Синода 20 февраля 1861 года лишь вмѣнено священникамъ въ обязанность, чтобы они, если къ нимъ будутъ обращаться лица значи-

1) Св. Синодъ призналъ недѣйствительнымъ бракъ лица, имѣвшаго 82 года отъ роду, по слѣдующимъ соображеніямъ: 1, „бракъ отъ Бога установленъ есть ради умноженія рода человѣческаго, чего отъ имѣющагося за 80 лѣтъ надѣяться весьма отчаянно; въ каковыя (лѣта) не плотоугодія устраивать, но о спасеніи души своей попечительствовать долженствовало: ибо, по псалмисту, человекъ въ силахъ можетъ быть только до 80 лѣтъ, а множая — трудъ и болѣзнь, которые трудъ и болѣзнь клонятъ къ смерти человека, а не до умноженія рода человѣческаго“; 2, 24-е правило Василия В. называетъ нечистымъ бракъ 60-лѣтней вдовы; тѣмъ болѣе 82-лѣтнему „въ браковѣнчаніе вступать не надлежало“. (12 дек. 1744 № 9087).

тельно неравныхъ лѣтъ съ просьбой повѣнчать ихъ, представляли этимъ лицамъ всѣ неудобства, какія могутъ произойти впослѣдствіи отъ разности лѣтъ; но если они и послѣ этого не отмѣняютъ своего желанія вступить въ бракъ, то вѣнчать безпрепятственно 1).

3. Неспособность къ брачному сожитію.

Такой недостатокъ имѣютъ: а) скопцы; д) лица отъ природы неспособныя къ половому сожитію, или болѣзнью доведенныя до такого состоянія.

4. Душевная болѣзнь.

Безумные и сумасшедшіе неспособны къ заключенію брака уже потому, что вообще являются неспособными къ самоопредѣленію, не имѣютъ своей воли. Императоръ Петръ Вел. (указомъ 6 апрѣля 1722 г.) запретилъ вступать въ бракъ лицамъ, не имѣющимъ здраваго разсудка отъ самаго рожденія, неспособнымъ ни въ науку, ни въ службу.

Дѣйствующее русское законодательство признаетъ браки, заключенныя съ безумными и сумасшедшими, недѣйствительными (Т. X. ч. 1., ст. 5, 37 п. 1; Уст. дух. конс. ст. 205 п. 1).

5. Законно-существующій бракъ.

Бракъ моногамическій составляетъ коренное условіе законнаго христіанскаго брака. Линь послѣ прекращенія брака смертью, или въ томъ случаѣ, когда существующій

1) Проектъ Гражданскаго Уложенія отмѣняетъ предѣльный возрастъ для вступленія въ бракъ по тому соображенію, что преклонные старики могутъ желать вступленія въ бракъ не ради плотугодія, а въ расчетѣ найти въ супругѣ душевное единеніе и взаимную поддержку. Однако, если бы встрѣтился такой случай, когда одинъ изъ вступающихъ въ бракъ, по тяжкой болѣзни или старческой дряхлости, не въ состояніи выразить свободнаго и сознательнаго согласія на вступленіе въ бракъ, то духовное лицо не въ правѣ допустить въ такомъ случаѣ совершеніе браковѣнчанія. (Объясн. къ ст. 2).

бракъ расторгнуть законнымъ порядкомъ, является возможнымъ вступленіе въ новый бракъ¹⁾.

По греко-римскимъ законамъ, вдова не должна была выходить замужъ прежде окончанія траурнаго года, подъ опасеніемъ подвергнуться безславію и нѣкоторому имущественному ущербу. Это правило дѣйствовало и у насъ, на Руси, до времени Петра Вел. и даже было распространено на мужей, лишившихся женъ; теперь соблюденіе его считается дѣломъ приличія²⁾.

6. Священно-служительскій санъ и монашество.

По каноническимъ правиламъ, хиротонія составляетъ безусловное препятствіе къ браку. Что касается лицъ монашествующихъ, то они не могутъ вступать въ бракъ уже въ силу и по смыслу самыхъ своихъ обѣтовъ — дѣвства и полного удаленія отъ міра. Правила церковныя, запрещающія священнослужителямъ и монашествующимъ вступленіе въ бракъ, были подтверждены со времени имп. Юстиніана и гражданскими законами. — По русскому законодательству, „законными и дѣйствительными не признаются брачныя сопряженія монашествующихъ, а равно и посвя-

1) По русскому законодательству, запрещается вступать въ четвертый бракъ на основаніи „Тома соединенія“ 920 г. (въ нашей печатной Кормчей онъ составляетъ 58-ю главу). Уст. дух. конс., ст. 205, п. 5; Св. Зак. Т. X., ч. I., стт. 21 и 37 п. 5.

2) Въ проектѣ новаго Гражданскаго Уложенія (стт. 11, 13) сказано: „Женщина, состоявшая въ бракъ, не можетъ вступить въ новый бракъ до истеченія 306 дней со времени прекращенія предшествоващаго брака, расторженія его или признанія его недѣйствительнымъ. Отступленіе отъ этого правила допускается въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если въ продолженіи означеннаго срока послѣдовало разрѣшеніе отъ бремени, 2) если, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ со времени брака, его расторженія или признанія недѣйствительнымъ, врачъ удостовѣритъ, что желающая вступить въ бракъ не беременна, и 3) если до истеченія означеннаго срока, со времени расторженія брака или признанія его недѣйствительнымъ, бывшіе супруги вновь вступаютъ въ бракъ.“

щенныхъ въ іерейскій или діаконскій санъ, доколѣ они пребываютъ въ семъ санѣ (Т. X. ч. 1, ст. 37 п. 6. Ср. ст. 2; Уст. дух. конс., ст. 205 п. 6).

7. Различіе религіи.

Если уже языческій юристъ Модестинъ къ существеннымъ признакамъ брака относилъ общеніе въ божескомъ правѣ, то тѣмъ естественнѣе является это требованіе въ христіанской церкви. „Не преклоняйтесь, говоритъ Ап. Павелъ, подъ чужое ярмо съ невѣрными: ибо какое общеніе праведности съ беззаконіемъ? Что общаго у свѣта съ тьмою? . . . Или какое соучастіе вѣрнаго съ невѣрнымъ?“ (II Кор. VI, 14—15). Поэтому-то Апостоль заповѣдуетъ вступать въ бракъ „въ Господѣ“ (I Кор. VII, 39), т. е. съ лицомъ, вѣрующимъ въ Господа Іисуса Христа.

И дѣйствительно, религія имѣетъ огромное вліяніе на жизнь семейную: при различіи у супруговъ религіи, нельзя ожидать полнаго духовнаго согласія между ними, единства въ чувствахъ и мысляхъ, особенно относительно воспитанія дѣтей. Желаніе одного супруга воспитывать дѣтей въ исповѣдуемой имъ религіи вызываетъ противоположное желаніе въ другомъ супругѣ и оскорбляетъ тѣмъ самымъ такія же права другого супруга. Даже въ томъ случаѣ, если этотъ вопросъ предусмотрѣнъ государственнымъ законодательствомъ (если, на примѣръ, законодательство страны предписываетъ воспитаніе родившихся мальчиковъ въ религіи отца, а дѣвочекъ въ религіи матери), этотъ разладъ не устраняется.

Однако древняя церковь по необходимости терпѣла смѣшанные браки христіанъ съ язычниками, подвергая епитиміи вступившихъ въ такіе браки, и только Трулльскій соборъ 692 г. (пр. 72) рѣшительно запретилъ браки православныхъ христіанъ не только съ нехристіанами, но и съ еретиками. Впрочемъ, запрещеніе браковъ между православными и еретиками исполнялось въ восточной православной церкви не всегда, а смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста. Такъ,

послѣ отпаденія западной церкви отъ восточной браки православныхъ съ латинянами долгое время допускались; но съ половины XVIII столѣтія, когда греки стали называть латинянъ еретиками и принимать ихъ въ православіе черезъ крещеніе, подобные браки были запрещены.

Въ русской церкви до Петра Вел. бракъ православныхъ лицъ съ неправославными — католиками и протестантами — тоже не дозволялся. Въ первый разъ на Руси разрѣшены были смѣшанные браки въ 1721 г., по слѣдующему случаю. Въ 1720 году „по имянному Царскаго Величества указу посланы въ Сибирскую губернію, для прииска рудныхъ мѣстъ и строенія тамъ заводовъ, отъ артиллеріи капитанъ Василій Татищевъ да Бергъ-мейстеръ Бліеръ съ прочими и велѣно имъ принимать на службу шведскихъ плѣнныхъ, годныхъ къ рудному дѣлу“. Плѣнные охотно соглашались на предложеніе, но выговаривали условіе, чтобы имъ позволено было, безъ перемѣны вѣры, жениться на русскихъ женщинахъ, потому что женъ своей вѣры имъ негдѣ было взять въ Сибири. Татищевъ и Бліеръ представили объ этомъ въ Бергъ-коллегію, а Бергъ-коллегія Св. Синоду. Св. Синодъ нашель, что смѣшанный бракъ православнаго съ лицомъ другой религіи или другого вѣроисповѣданія — „не есть самъ собою не чистъ или богомерзокъ и лицо вѣрное самимъ ложа сообщеніемъ оскверняющій,“ — что запрещеніе смѣшанныхъ браковъ постановлено церковью не потому „аки бы самъ собою былъ онъ (смѣшанный бракъ) незаконный, но токмо для нѣкоего бѣдства, таковому браку, слѣдовати могущаго, но и паче же дабы вѣрное лицо не совратилося къ зловѣрїю невѣрнаго или иновѣрнаго своего подружія“, и что, слѣдовательно, „когда будетъ сильное и довольное (противъ того) оберегательство, тогда безъ всякаго сумнительства можетъ вѣрное лицо съ невѣрнымъ или иновѣрнымъ сочетатися“. (18 августа 1721 г. Полн. Собр. Зак. № 3814). На этомъ основаніи Св. Синодъ дозволилъ „шведскимъ плѣннымъ, присягнувшимъ на вѣч-

ную службу Царскому Величеству, а равно и тѣмъ, если бы кто и впредь пожелалъ поступить въ царскую службу, обязавшись вѣчной присягой, жениться на русскихъ дѣвкахъ и вдовахъ безъ перемѣны своей вѣры, но съ тѣмъ, чтобы женихъ, прежде совершенія брака, далъ письменное обязательство въ томъ, что : 1) онъ ничѣмъ — ни обольщеніями, ни угрозами — не будетъ склонять свою православную невѣсту, будущую жену, въ свое исповѣданіе и не будетъ дѣлать ей поношеній и укоризнъ за исповѣданіе православной вѣры ; 2) будетъ крестить и воспитывать дѣтей по правиламъ православной вѣры¹⁾. Въ 1833 году дозволено русскимъ православнымъ мужчинамъ жениться на иностранкахъ другого вѣроисповѣданія. Наконецъ, 10 февраля 1864 г. разрѣшено вѣнчать невѣсть православнаго исповѣданія съ женихами иновѣрными, не состоящими въ русскомъ подданствѣ, безъ испрашиванія особаго Высочайшаго соизволенія.

Такимъ образомъ въ настоящее время смѣшанные браки лицъ православныхъ съ неправославными совершаются свободно, съ наблюденіемъ лишь слѣдующихъ правилъ : 1) отъ неправославной стороны берется подписка объ исполненіи ею указанныхъ выше условій ; 2) при совершеніи смѣшанныхъ браковъ должны быть наблюдаемы всѣ правила о бракахъ вообще (о родствѣ и т. п.) ; 3) браки эти должны быть вѣнчаемы въ православной церкви и православнымъ священникомъ. — Въ случаѣ обращенія въ христіанство одного изъ супруговъ — иновѣрцевъ, ему дозволяется продолженіе брачнаго сожитія съ иновѣрцемъ на слѣдующихъ условіяхъ : 1) если того желаетъ супругъ, оставпійся въ невѣрїи, 2) если бракъ ихъ не былъ нарушенъ до крещенія отлученіемъ отъ брачнаго сожительства, 3) требуется, чтобы брачное ихъ сожительство имѣло форму христіанскаго брачнаго союза, т. е. было союзомъ одного мужчины съ одной

---

1) Указъ Св. Синода 23 іюня 1721 г.

женщиной; поэтому, если крестившійся мужъ до крещенія имѣлъ нѣсколько женъ, то ему предоставляется послѣ крещенія выбрать одну изъ нихъ; то же относится и къ женамъ, бывшимъ до крещенія за нѣсколькими мужьями сразу; 4) супругъ, остающійся въ невѣри, долженъ дать письменное обязательство: не дѣлать поношенія и укоризны другому крещенному супругу за исповѣданіе православной вѣры; имѣющихъ родиться отъ сожитія съ крещеннымъ супругомъ дѣтей крестить и воспитывать въ православной вѣрѣ, ни прельщеніями, ни угрозами, вообще никоимъ образомъ не привлекать ихъ къ своему закону. Если некрещенный супругъ не согласится дать этого обязательства, то бракъ его съ супругомъ, обратившимся въ христіанство, расторгается и послѣднему предоставляется право вступить въ новый бракъ уже съ лицомъ христіанскимъ. (Т. X. ч. 1, стт. 79—84).

По совершеніи бракосочетанія священникомъ православнымъ, бракъ, по желанію брачующихся, можетъ быть благословленъ и священникомъ того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ иновѣрное лицо, но это повторительное благословеніе не имѣетъ юридическаго значенія.

Сужденіе о дѣйствительности или недѣйствительности смѣшанныхъ браковъ принадлежитъ суду православной церкви; имъ же производится и брачный разводъ, по правиламъ, существующимъ съ православной церкви (Т. X. ч. 1, стт. 67, 72—74).

Исключеніе изъ этого общаго порядка представляетъ законъ о смѣшанныхъ бракахъ въ Финляндіи. По этому закону, браки коренныхъ жителей страны, принадлежащихъ къ разнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ, не исключая и православнаго, вѣнчаются въ обѣихъ церквахъ. Дѣти отъ такихъ браковъ должны быть воспитаны въ той вѣрѣ, къ какой принадлежитъ отецъ. (Т. X. ч. 1, ст. 68).

Изданіе въ 1905 году закона о свободѣ совѣсти должно было необходимо отразиться на дѣйствовавшей раньше прак-

тикѣ относительно смѣшанныхъ браковъ, прежде всего, расширеніемъ сферы примѣненія смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ неправославными. Именно узаконеніями, содержащими въ себѣ развитіе общаго начала свободы совѣсти (Высоч. указ. Правит. Сенату 17 апрѣля 1905 г., ст. 11. Положен. Комитета Министровъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, гл. II, ст. 11) допущены браки православныхъ съ старообрядцами и сектантами наравнѣ съ лицами инославныхъ исповѣданій. Вслѣдствіе чего Св. Синодъ (опредѣленіемъ 26 окт. — 9 ноября 1905 г.) далъ знать епархіальнымъ архіереямъ, что, на точномъ основаніи Высочайшаго указа 17 апрѣля 1905 года объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, дозволяется вѣнчать православныхъ съ старообрядцами безъ присоединенія послѣднихъ къ православію, если, по троекратномъ оглашеніи, не встрѣтится къ такимъ бракамъ какихъ либо препятствій. Кромѣ оглашенія, прежде бракосочетанія слѣдуетъ истребовать отъ старообрядца предбрачное о немъ свидѣтельство старообрядческаго наставника или удостовѣреніе полиціи о вѣнчаніи его состояніи и правоспособности къ вступленію въ бракъ и, согласно ст. 67 зак. гражд. (Т. X. ч. 1, изд. 1900 г.), отобрать отъ него подписку въ томъ, что онъ не будетъ поносить своего супруга за православіе, и что рожденныя въ семь бракѣ дѣти будутъ крещены и воспитываемы въ правилахъ православнаго исповѣданія. (Цер. Вѣд. 1905. № 47) ¹⁾.

По дѣйствующему законодательству, признаются недѣйствительными брачныя сопряженія лицъ православнаго исповѣданія съ нехристіанами (Т. X. ч. 1., стт. 38, 37 п. 7 и 85; Уст. дух. конс., ст. 205 п. 7); католикамъ — русскимъ подданнымъ — равнымъ образомъ воспрещается бракъ съ

1) Въ виду того, что, по ст. 38-ей 1 ч. Т. X. Св. Зак., браки православныхъ съ раскольниками допускаются не иначе, какъ по присоединеніи раскольника къ православію, между тѣмъ какъ, на основаніи п. 11 Именного Высочайшаго указа отъ 17-го апрѣля 1905 года, сектанты, въ отношеніи заключенія ими съ православными

нехристіанами; но протестантамъ воспрещается лишь бракъ съ язычниками, слѣдовательно, допускается для нихъ возможность брака съ евреями и магометанами (Т. X. ч. 1, стт. 85, 87).

8. Родство.

Родство, въ смыслѣ препятствія къ браку, раздѣляется: I, на естественное или кровное; II, производное или искусственное, куда относятся слѣдующіе виды какъ-бы родства: а) свойство; б) духовное родство и в) родство по усыновленію.

1. Родство естественное или кровное.

Подъ кровнымъ родствомъ разумѣется связь лицъ, возникающая или изъ происхожденія одного лица отъ другого или изъ происхожденія нѣсколькихъ лицъ отъ одного общаго родоначальника. Близость кровнаго родства опредѣляется степенями.

Степенью признается фактъ рожденія или происхожденія одного лица отъ другого. Число рожденій, черезъ посредство которыхъ извѣстное лицо связано съ своимъ родственникомъ, опредѣляетъ степень родства между ними. Отсюда извѣстное правило римскихъ юристовъ: „quot sunt generationes, tot sunt gradus“. Такъ, между отцомъ и сыномъ одно рожденіе, слѣд. одна степень родства.

Связь степеней или рожденій, непрерывно продолжающаяся отъ одного лица къ другому, составляетъ линію.

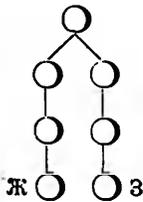
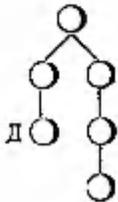
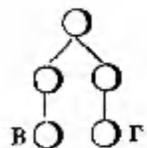
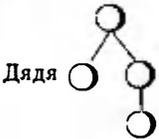
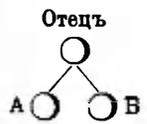

смѣшанныхъ браковъ, уравниены въ правахъ съ лицами инославныхъ вѣроисповѣданій, Святѣйшій Синодъ, по опредѣленію отъ 12—17 іюля 1907 года за № 4352, разъяснилъ, что смѣшанные браки православныхъ съ раскольниками и сектантами могутъ быть разрѣшаемы лишь въ томъ случаѣ, когда лицо, ищущее брака съ православнымъ, принадлежитъ къ такимъ раскольническимъ толкамъ или сектамъ, которые иновѣдуютъ Господа Иисуса Христа истиннымъ Сыномъ Божиимъ, Икупителемъ міра, и принимаютъ водное крещеніе, правильно совершенное и неповторяемое, и что удовлетвореніе ходатайства о такихъ бракахъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 26 октября — 9 ноября 1905 года предоставлено епархіальнымъ преосвященнымъ.

Если берется нѣсколько лицъ, происходящихъ одно отъ другого, то ихъ рожденія составляютъ прямую линію, по которой мы можемъ идти или вверхъ, отъ потомковъ къ предкамъ (линія восходящая), или внизъ, отъ предковъ къ потомкамъ (линія нисходящая). Если родственными узамъ соединяются нѣсколько лицъ, происходящихъ отъ одного общаго родоначальника, а не другъ отъ друга, то послѣдовательные параллельные ряды этихъ лицъ называются боковыми лиціями, которыя могутъ быть то равными, то неравными. Такъ, напр., сыновья одного отца, находясь, каждый въ отдѣльности, въ прямой линіи родства въ отношеніи къ отцу, между собою будутъ родственны въ лиціи боковой.

Для находенія степени родства по прямой линіи —

Прадѣдъ восходящей и нисходящей — нужно только сосчитать число рожденій между тѣми лицами, степень родства которыхъ требуется опредѣлить. Напримѣръ, отъ меня до прадѣда моего по прямой восходящей линіи три рожденія, поэтому я нахожусь относительно моего прадѣда въ третьей степени родства, равно какъ и онъ въ отношеніи ко мнѣ находится въ той же степени.

По боковой линіи счетъ производится такъ : отъ одного изъ данныхъ лицъ должно восходить по степенямъ родства къ ближайшему общему родоначальнику, а отъ этого родоначальника идти по нисходящей линіи къ другому изъ данныхъ лицъ. Сумма степеней по той и другой линіи и укажетъ степень родства обоихъ лицъ,

какъ боковыхъ родственниковъ ; такимъ образомъ, братья А и Б считаются во второй степени родства, дядя и племянникъ — въ

третьей степени родства, двоюродные братья В и Г въ четвертой, двоюродные дядя и племянникъ Д и Е въ пятой, двоюродные братья Ж и З — въ шестой степени родства въ боковой линіи.

Родство считалось брачнымъ препятствіемъ какъ въ Моисеевомъ, такъ и въ римскомъ законодательствѣ: то и другое запрещали бракъ въ родствѣ по прямой линіи, т. е. восходящими и нисходящими родственниками безгранично; что же касается до боковыхъ линій, то Моисеево и римское законодательство не допускали здѣсь браковъ только до третьей степени включительно, т. е. между дядями и племянниками, тетками и племянниками. — Церковь не только усвоила въ этомъ отношеніи предписанія того и другого законодательства, но и стремилась какъ можно далѣе отодвинуть границу родства, служащаго препятствіемъ къ браку: воспрещая безусловно всѣ браки между лицами, находящимися въ прямой линіи родства, восточная церковь довела запрещеніе браковъ въ боковой линіи до седьмой степени включительно (опредѣленіе Константинопольскаго свнода при патр. Лукѣ Хрисовергѣ, въ 1168 г.). Это запрещеніе имѣетъ и въ настоящее время силу въ православной церкви вездѣ, кромѣ Греціи и Россіи. — Въ Греціи, по свнодальному окружному посланію 6 марта 1873 г., бракъ въ боковой линіи запрещенъ только до шестой степени, а въ седьмой степени уже допускается; въ Россіи, по свнодальному указу 19 января 1810 г., воспрещенъ бракъ только до четвертой степени включительно; относительно же браковъ въ дальнѣйшихъ степеняхъ епархіальнымъ архіереямъ предоставлено право разрѣшать такіе браки.

2. Родство производное или искусственное.

а) Свойство.

Свойствомъ называется родственное отношеніе, происходящее отъ сближенія двухъ родовъ вслѣдствіе брака ихъ

членовъ. Ово приравняется кровному родству потому, что мужъ и жена, по закону божественному, составляютъ одну плоть; поэтому родственники одного супруга становятся какъ-бы родственниками другого.

Свойство бываетъ двухродное, возникающее изъ одного брака, соединяющаго два рода, т. е. 1, между однимъ изъ супруговъ и кровными родственниками другого и 2, между кровными родственниками одного и кровными родственниками другого супруга, и трехродное, возникающее изъ двухъ брачныхъ союзовъ, соединяющихъ три рода, т. е. 1, между однимъ изъ супруговъ и свойственниками другого супруга (напр. между мной и женой моего шурина), и 2, между кровными родственниками одного изъ супруговъ и свойственниками другого супруга (напр. между моимъ братомъ и женою родного брата моей жены, т. е. невѣсткою послѣдней ¹⁾).

Въ свойствѣ двухродномъ, если нужно опредѣлить степень свойства между однимъ супругомъ и кровными родственниками другого, опредѣляется сначала степень родства ихъ къ этому другому супругу, и эта степень родства является степенью свойства ихъ по отношенію къ первому супругу (напр., братъ моей жены, приходящійся ей во второй степени родства, будетъ приходиться мнѣ во второй степени свойства). Если же нужно опредѣлить степень свойства между родственниками одного супруга и родственниками другого, то особо исчисляются степени родства въ каждомъ родѣ и сумма степеней родства принимается за искомую степень свойства (напр., опредѣляя степень свойства между моимъ братомъ и сестрой моей жены, мы считаемъ степени такимъ образомъ: между мной и моимъ братомъ — двѣ степени родства, между моей женой и сестрой ея — также двѣ; всего четыре).

Въ трехродномъ свойствѣ въ основу счисленія точно

---

1) Названія свойственниковъ суть слѣдующія: тесть и теща свекоръ и свекровь, зять и невѣстка, шуринокъ и свояченица, деверь и золовка, отчимъ и мачиха, пасынокъ и падчерица.

также полагается количество рождений; напр., родной братъ мужа приходится женѣ шурина его въ четвертой степени трехроднаго свойства.

Церковь издавна запрещала браки во второй степени двухроднаго свойства, именно съ сестрою жены и съ женою умершаго брата, а въ концѣ VII в. Трулльскій соборъ, запретившій браки въ четвертой степени родства, не дозволилъ также вступать въ бракъ въ четвертой степени двухроднаго свойства (пр. 54) Наконецъ, въ 996 г. (на Константинопольскомъ синодѣ при патриархѣ Сисиніи) запрещено было вступать въ бракъ до шестой степени двухроднаго свойства.

Что касается свойства трехроднаго, то съ теченіемъ времени (именно въ XIV в.) запрещеніе брака въ этомъ родствѣ въ восточной церкви было доведено до третьей степени.

Русская церковь, по упомянутому выше указу Св. Синода 19 января 1810 г., считаетъ двухродное свойство препятствіемъ къ браку до четвертой степени включительно ¹⁾. Относительно же свойства трехроднаго указомъ Св. Синода 21 апрѣля 1841 г. и 28 марта 1859 г. предписано не простирать этого свойства далѣе трехъ степеней, и при этомъ безусловно запрещать браки только въ первой степени.

б) Духовное родство.

Кромѣ родства кровнаго и свойства, препятствіемъ къ

---

1) Циркулярными указами Св. Синода отъ 20 іюля 1904 г. разрѣшено совершеніе браковъ въ четвертой степени двухроднаго свойства, за исключеніемъ браковъ съ сестрою невѣстки (жены брата) и съ сестрою зятя (мужа сестры), а въ 1906 г. и относительно этихъ двухъ запрещенныхъ случаевъ — представлять Св. Синоду, который и даетъ свое разрѣшеніе на каждый случай отдѣльно. Бракъ съ сестрою умершей жены, по общему правилу, недопустимъ, такъ какъ это свойство второй степени. Однако, въ Западномъ краѣ, въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ иновѣрнымъ и инославнымъ населеніемъ, по представленіямъ мѣстныхъ епископовъ, такіе браки могутъ быть разрѣшены Св. Синодомъ.

браку въ церковномъ правѣ признается еще родство духовное, происходящее посредствомъ воспріятія крещаемаго отъ св. крещенія.

Первый законъ о воспрещеніи браковъ по духовному родству былъ изданъ императоромъ Юстиніаномъ, который въ 530 г. воспретилъ браки воспріемниковъ съ воспріятыми (Cod. Just. V. 4, 26). Къ этому позднѣе Трулльскій соборъ (пр. 53) присоединилъ запрещеніе браковъ между воспріемниками и вдовствующими матерями воспріятыхъ. Впослѣдствіи запрещеніе браковъ въ родствѣ духовномъ было доведено до тѣхъ же границъ, до которыхъ запрещенъ бракъ въ родствѣ по крови, а именно до седьмой степени включительно. — Въ Россіи, по дѣйствующему праву (указы 19 января 1910 г., 16 апрѣля 1874 г. и 31 октября 1875 г.), только остается въ силѣ запрещеніе воспріемнику мальчика вступать въ бракъ съ его овдовѣвшею матерью и воспріемницѣ дѣвочки — съ ея овдовѣвшимъ отцомъ¹⁾.

в) Родство по усыновленію.

Въ римскомъ правѣ родство по усыновленію служило препятствіемъ къ браку, такъ какъ усыновленіе разсматривалось, какъ аналогія физическаго рожденія. Когда же усыновленіе въ восточной церкви стало соединяться съ совершеніемъ особаго священнодѣйствія, то родство по усыновленію стало служить препятствіемъ къ браку въ такой же мѣрѣ, какъ и родство духовное, т. е. до седьмой степени. Обычай усыновленія съ соединеніемъ церковнаго благословенія существуетъ у грековъ и въ настоящее время и признается препятствіемъ къ браку до нѣстой степени по нисходящей линіи включительно.

1) Въ послѣднее время дозволяется вступать въ бракъ воспріемникамъ съ ихъ духовными (крестными) дѣтьми. (Ук. Св. Синода 1873 г. на имя подольскаго преосвященнаго по дѣлу Анны Гульдынской).

Что касается родства по усыновленію¹⁾, какъ препятствія къ браку съ Россіи, то Св. Синодъ разъяснилъ, что хотя гражданскія усыновленія или удочеренія не значатся въ числѣ извѣстныхъ родственныхъ отношеній, препятствующихъ вступленію въ бракъ, но, въ виду послѣдовавшаго, согласно закона 3 іюня 1902 г., разрѣшенія усыновлять дѣтей внѣбрачныхъ, слѣдуетъ придти къ выводу, что между усыновителемъ и усыновленнымъ должно быть признаваемо родство одинаковое съ дѣтьми, родившимся въ законномъ бракѣ²⁾.

9. Судебное запрещеніе вступать въ бракъ.

Такому запрещенію подвергается, по нашимъ церковнымъ и гражданскимъ законамъ, тотъ супругъ, по винѣ котораго бракъ расторгнутъ. Такимъ послѣдствіемъ сопровождается разводъ, совершенный: 1) по двоемужству или двоеженству; 2) по безвѣстному самоукрывательству одного

1) На основаніи 145 ст. Т. X. ч. I, усыновленіе дозволяется лицамъ всѣхъ состояній безъ различія пола, причемъ для лицъ привилегированныхъ сословій (145¹ ст.) въ томъ лишь случаѣ, если у нихъ нѣтъ собственныхъ или узаконенныхъ дѣтей. Усыновлять можно какъ малолѣтнихъ, такъ и взрослыхъ, въ первомъ случаѣ — съ согласія родителей или опекуновъ, а во второмъ — начиная съ 14 лѣтъ — и самого усыновляемаго. Усыновляющій долженъ имѣть не менѣе 30 лѣтъ, быть не менѣе, чѣмъ на 18 лѣтъ старше усыновленнаго и имѣть общую гражданскую правоспособность. — Въ случаяхъ усыновленія дѣвками своихъ внѣбрачныхъ дѣтей, передача фамиліи возможна не иначе, какъ съ согласія родителей дѣвицы, и для дворянъ — съ Высочайшаго разрѣшенія. Прошеніе объ усыновленіи подается въ окружный судъ съ приложеніемъ метрическаго свидѣтельства и подписокъ о согласіи на усыновленіе.

2) Разъясненіе это было дано по слѣдующему случаю. Одно лицо вступило въ бракъ съ удочеренною имъ дѣвушкой. Прокуроръ мѣстнаго окружнаго суда вошелъ по этому поводу въ переписку съ епархіальнымъ преосвященнымъ и потребовалъ чтобы бракъ былъ признанъ недействительнымъ. Епархіальный преосвященный обратился въ Св. Синодъ съ ходатайствомъ разъяснить, — устанавливается ли черезъ усыновленіе какое либо родство, препятствующее вступленію въ бракъ. Вслѣдствіе сего Св. Синодъ и далъ приведенное выше разъясненіе, постановивъ въ этомъ смыслѣ разослать всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ соотвѣтствующій циркуляръ.

изъ супруговъ въ теченіи пяти лѣтъ и болѣе; 3) по прелюбодѣянью, а именно: лицо, нарушившее святость брака прелюбодѣянiемъ, если оно состояло въ первомъ или второмъ бракѣ, можетъ вступить въ новый бракъ лишь послѣ отбытія церковной епитиміи; въ случаѣ же нарушенія прелюбодѣянiемъ святости и новаго брака, осуждается на всегдашнее безбрачіе; 4) по физической неспособности къ брачному сожитію.

В. *Impedimenta prohibentia.*

1) Время, запрещенное для совершенія брака.

Браки не могутъ быть совершаемы съ теченіи всѣхъ четырехъ постовъ (именно не позволяется вѣнчать браковъ: 1) отъ недѣли мясопустной до Фомина воскресенья т. е. до перваго воскресенія послѣ Пасхи; 2) во весь Петровъ постъ т. е. отъ перваго воскресенья послѣ Троицына дня до 29 іюня; 3) во весь Успенскій постъ, т. е. отъ 1 до 15 августа; 4) во весь Рождественскій постъ, со включеніемъ сюда дней праздника, т. е. съ 14 ноября по 6 января); кромѣ того — еженедѣльно, наканунѣ среды и пятницы, наканунѣ дней воскресныхъ и двенадцатыхъ праздниковъ, наканунѣ дней коронаціи и восшествія на престолъ Государя Императора. Нарушеніе этого запрещенія влечетъ за собою наказаніе для священника, но бракъ остается съ силъ ¹⁾.

2) Согласіе лицъ, имѣющихъ власть надъ брачующимися.

Согласіе отца на бракъ дѣтей было у римлянъ необходимымъ условіемъ законности брака (*Big. XXIII. 2, 2*). Согласіе придавало брачному сожитію законную силу, хотя бы послѣдовало спустя значительное время, но только съ

---

1) Примѣнительно къ ст. 25 „Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“, не дозволяется также вѣнчать наканунѣ праздниковъ: Покрова Пресвятой Богородицы, Казанской Божіей Матери 22 октября, Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи 29 августа, св. Іоанна Богослова 26 сентября и св. Николая Чудотворца 9 мая, а также наканунѣ храмовыхъ и другихъ чтимыхъ мѣстныхъ приходскихъ праздниковъ. См. П. Нечаевъ. Практическое руководство для священнослужителей. Изд. 6-ое. СПб. 1895, стр. 234.

момента его выраженія, такъ что дѣти, прижитыя до изъясненія родительскаго согласія, оставались незаконными. — У насъ, въ Россіи, отсутствіе согласія на бракъ родителей, опекуновъ и попечителей влечетъ за собою, по дѣйствующему русскому законодательству, для виновныхъ отвѣтственность по Улож. о нак. (стт. 1566 и 1567)¹⁾; но бракъ, заключенный, не смотря на существованіе этого пепятствія, остается въ силѣ. Требуемое закономъ согласіе родителей на бракъ дѣтей не ограничивается временемъ несовершеннолѣтія, такъ что и совершеннолѣтнія дѣти нуждаются въ согласіи родителей.

Отсутствіе дозволенія начальства на вступленіе въ бракъ, лицъ, состоящихъ на службѣ, влечетъ за собою строгій выговоръ, со внесеніемъ въ послужной списокъ (Улож. о нак. ст. 1565). Къ состоянію на службѣ могутъ быть приравняемы и нѣкоторыя другія состоянія, находящіяся въ которыхъ лица нуждаются въ спеціальному разрѣшеніи начальства (напр., лица учащіяся, отбывающія воинскую повинность и др.).

§ 61. Форма заключенія брака.

Чтобы имѣть значеніе дѣйствительнаго брака, необходимо, чтобы онъ получилъ общественное признаніе; для этого онъ долженъ быть заключенъ съ вѣдома и согласія заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ сторонъ, публично, съ соблюденіемъ формы, установленной въ законѣ, или принятой въ обычаѣ.

Заставши въ эпоху своего появленія уже готовыя формы заключенія брака, установленныя римскимъ правомъ и Моисеевымъ законодательствомъ, церковь признавала браки, согласныя съ предписаніями закона (*legitimum iustum, matri-*

1) Исключеніе изъ этого общаго правила допущено Высочайшимъ указомъ 28 октября 1842 г. по отношенію къ дѣтямъ раскольниковъ, если они, по обращеніи въ православіе, желаютъ вступить въ бракъ съ православными.

νόμιον), дѣйствительными. Но, въ видахъ огражденія чистоты и нерасторжимости брачнаго союза, между христіанами очень рано установился обычай заключать браки передъ лицомъ церкви, съ вѣдома и благословенія епископа¹⁾, хотя государственные законы долгое время не предписывали обязательнаго заключенія брака съ церковнымъ благословеніемъ. Только къ концу IX в. (въ 893 г.) былъ изданъ императоромъ Львомъ Мудрымъ законъ, повелѣвавшій считать законнымъ лишь бракъ, заключенный съ благословенія церкви. Еще позднѣе (въ 1095 г.) императоръ Алексѣй Комнинъ распространилъ церковное благословеніе браковъ и на низшій классъ народа, который раньше къ нему не допускался. Въ силу этихъ законовъ въ Византійской Имперіи установился такой общій порядокъ заключенія браковъ: желающіе вступить въ бракъ или ихъ родители заявляли о томъ епархіальному архіерею или, всего чаще, его хартофилаксу (дѣлопроизводителю) и, если встрѣчалось какое-нибудь неважное препятствіе къ браку, просили особаго разрѣшенія на его повѣнчаніе. Если бракъ оказывался безпрепятственнымъ, то просителю выдавалось предписаніе (*βούλλα*) на имя священника, имѣющаго вѣнчать бракъ, чтобы онъ совершилъ обрядъ браковѣнчанія, въ свою очередь, предварительно удостоившись, что законныхъ препятствій къ тому не имѣется.

Въ Россіи церковная форма совершенія брака тоже не вдругъ сдѣлалась общеобязательною. Свидѣтельства о бракахъ, заключенныхъ безъ церковнаго благословенія, встрѣчаются въ памятникахъ нашего церковнаго права отъ конца XI вѣка²⁾ до конца XVII вѣка.

1) Игнатій Богоносецъ, въ посланіи къ Поликарпу, говоритъ: „Женящимся и выходящимъ замужъ слѣдуетъ заключать союзъ съ вѣдома епископа, чтобы бракъ былъ о Господѣ, а не по страсти; ибо все должно быть въ честь Божію“ (Ad Polyc. cap. V). Тертуллианъ говоритъ: „союзы тайные, т. е. не заявленные прежде заключенія ихъ предъ церковью, считаются у насъ почти наравнѣ съ прелюбодѣяніемъ и блудомъ“. (De rubic. c. 4).

2) Въ каноническихъ отвѣтахъ митрополита Іоанна II.

Въ настоящее время церковная форма заключенія браковъ у насъ состоитъ изъ двухъ актовъ: 1) обыска, подъ которымъ подразумѣвается собственно обыскъ и оглашеніе, и 2) браковѣнчанія.

Обыскомъ въ общирномъ смыслѣ слова называется изслѣдованіе законности даннаго брака, съ цѣлью удостовѣриться въ томъ, что къ совершенію его нѣтъ никакихъ препятствій. Въ прежнее время желающій вступить въ бракъ долженъ былъ просить разрѣшенія у епархіальнаго архіерея¹⁾ и получить отъ него т. наз. „вѣчную память“ или „знамя“²⁾ (эти „вѣчныя памяти“ были отмѣнены указомъ 1765 г. императрицы Екатерины II); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Синодомъ было подтверждено священникамъ производить брачный обыскъ на прежнемъ основаніи (Поля. Собр. Зак. № 12433). — Въ настоящее время обыскъ состоитъ въ томъ, что священникъ требуетъ отъ лицъ, желающихъ вступить въ бракъ, надлежащіе документы³⁾ и изъ нихъ удостовѣряется въ

1) По порученію архіерея, дозволенія на бракъ выдавались десятильниками, поповскими старостами, архимандритами, соборнымъ причтомъ.

2) Цѣль, для которой заведены были вѣчныя памяти заключалась въ томъ, чтобы доставить епархіальному архіерею возможность наблюдать за исполненіемъ церковныхъ законовъ при заключеніи браковъ; кромѣ того вѣчная память предписывала священнику, который будетъ вѣнчать бракъ, обыскать на мѣстѣ о предполагаемомъ бракѣ, т. е. удостовѣриться въ томъ, что онъ отвѣчаетъ требованіямъ отъ законнаго брака; во исполненіе предписанія вѣчной памяти священникъ объявлялъ о предполагаемомъ бракѣ своимъ прихожанамъ и спрашивалъ ихъ, не знаютъ ли они какого препятствія къ совершенію его, и кто изъ нихъ можетъ прямо засвидѣтельствовать, что для совершенія его нѣтъ препятствій. Удостовереніе свидѣтелей въ безпрепятственности брака излагалось письменно.

3) На основаніи инструкціи благочиннымъ, Книги о должности пресвитерской и указа Св. Синода 14 августа 1906 г. № 7, отъ брачущихся требуется лишь заявленіе объ ихъ званіи, имени и фамиліи; предьявленіе паспорта можетъ быть замѣнено свидѣтельствомъ полиціи о неимѣнніи препятствій къ браку или письменнымъ, нотаріально засвидѣтельствованнымъ, удостовѣреніемъ двухъ благонадежныхъ свидѣтелей.

безпрепятственности брака, а также дѣлаетъ опросъ лицамъ, представленнымъ въ качествѣ свидѣтелей при бракѣ, нѣтъ ли законнаго препятствія къ совершенію предполагаемаго брака ¹⁾..

Кромѣ обыска, священникъ долженъ сдѣлать оглашеніе о предполагаемомъ бракѣ въ церкви въ первые три, одинъ за другимъ слѣдующіе, воскресные и праздничные дни, извѣщая по окончаніи литургіи при всемъ собраніи народа, что такой-то и такая-то желаютъ вступить въ законный бракъ между собою, посему, если кто изъ родителей, родственниковъ и свойственниковъ или изъ постороннихъ людей знаетъ о какомъ либо препятствіи къ браку, то не позже послѣдняго оглашенія далъ бы знать объ этомъ священнику на бумагѣ или словесно (Соб. Зак. № 14356); если невѣста другого прихода, то оглашеніе должно производиться и тамъ ²⁾. Это постановленіе церковной власти внесено и въ Сводъ дѣйствующихъ законовъ (Т. X. ч. 1, стт. 26, 27).

Послѣ оглашенія составляется актъ обыска; именно, всѣ обстоятельства даннаго брака записываются въ особую церковную обычную книгу, при чемъ обычная запись скрѣпляется собственноручными подписями причта, жениха, невѣсты и, по крайней мѣрѣ, двухъ или трехъ поручителей или „поѣзжанъ“.

Браковѣчаніе въ настоящее время состоитъ изъ двухъ нераздѣльныхъ, но совершенно различныхъ по своему происхожденію и внутреннему смыслу, актовъ — обрученія и вѣнчанія.

Обрученіе есть церковное благословеніе сговора, т. е. обѣщанія въ будущемъ вступить въ бракъ; разъ это обѣ-

1) Однообразная форма обыска составлена Синодомъ въ 1837 году; она помѣщена въ приложеніи къ 26-ой статьѣ 1 ч. X Т. Свода Законовъ.

2) Порядокъ оглашенія установленъ синодскимъ указомъ отъ 5 августа 1775 г.

щаніе дано при участіи церкви, то оно должно остаться неизмѣннымъ, такъ что вступленіе обрученнаго въ бракъ съ постороннимъ лицомъ церковныя правила приравнивають къ прелюбодѣянію (Трул. пр. 98). — Такую же силу имѣло обрученіе и у насъ до Петра В., который указомъ 3 апрѣля 1702 г., для устраниенія злоупотребленій, бывшихъ при совершеніи обрученія надъ малолѣтними, запретилъ заключать рядныя записи, т. е. договоры родителей о будущихъ бракахъ ихъ дѣтей, и предписалъ совершать церковное обрученіе не раньше, какъ за шесть недѣль до вѣнчанія брака; если же въ этотъ шестинедѣльный срокъ одинъ изъ обрученныхъ откажется отъ вступленія въ бракъ, то предоставитъ ему въ томъ полную свободу (Собр. Зак. № 1908). Такая свобода нарушенія брачнаго обрученія была несогласна съ понятіемъ объ немъ восточной церкви; поэтому императрица Елизавета Петровна возстановила прежнюю обязательную силу церковнаго обрученія (13 декабря 1744 г.), но изданный ею указъ не имѣлъ продолжительнаго дѣйствія и отмѣненъ нынѣ дѣйствующимъ указомъ Св. Синода 5 августа 1775 г., которымъ предписано совершать обрученіе и вѣнчаніе въ одно время совокупно¹⁾. (Собр. Зак. № 14356 п. 3). Такимъ образомъ устранены всѣ коллизіи относительно значенія церковнаго обрученія и приведена къ осуществленію мысль церкви о равносильности церковнаго обрученія съ бракомъ.

Браки должны быть повѣнчаны въ своихъ приходскихъ церквахъ и своими приходскими священниками. Обрядъ браковѣнчанія долженъ быть совершенъ непременно въ личномъ присутствіи жениха и невѣсты (Т. X. ч. 1, ст.

1) Это постановленіе вошло въ Сводъ Законовъ, а именно въ 31 ст. 1 ч. X т. говорится: „Законный бракъ между частными лицами (православнаго исповѣданія) совершается совокупно съ обрученіемъ“. Только относительно браковъ лицъ Императорскаго Дома дѣйствуетъ прежній порядокъ, по которому „обрученіе предшествуетъ браковѣнчанію“. Т. I. Осн. Зак., изд. 1906 г., ст. 186 примѣч.

31); исключеніе допускается только для особъ Царской фамиліи, которыя могутъ заключать браки и чрезъ повѣренныхъ (Указъ 9 сентября 1796 г.). Браковѣчаніе должно быть совершено въ церкви. Вѣчаніе брака внѣ церкви (въ молитвенныхъ домахъ и часовняхъ) допускается въ тѣхъ только мѣстностяхъ, гдѣ, по обстоятельствамъ, совершеніе браковѣчанія въ церкви невозможно (напримѣръ, въ Сибири), при чемъ на каждый отдѣльный случай должно быть испрошено архіерейское разрѣшеніе (Т. X. ч. 1, ст. 31). Браки не могутъ быть совершаемы въ запрещенное для совершенія брака время. Нарушеніе этого запрещенія влечетъ за собою наказаніе для священника, но бракъ остается въ силѣ. — О совершеніи брака, кромѣ записи въ метрической книгѣ, дѣлается помѣтка и на актахъ (изъ которыхъ заимствованы въ церковные документы свѣдѣнія о личности лѣтахъ жениха и невѣсты и о безпрепятственности къ ихъ бракосочетанію, какъ-то: на метрическихъ свидѣтельствахъ, послужныхъ спискахъ, паспортахъ, на билетахъ военныхъ чиновъ) — о томъ, когда, гдѣ, съ кѣмъ былъ повѣчанъ владѣлецъ документа. (Ук. Св. Синода 8 апр. 1871; Высочайше утвержд. мнѣніе Гос. Совѣта 25 декабря 1870; Инструк. благочин. 41).

§ 62. Вытекающія изъ брака взаимныя личныя отношенія супруговъ.

Гдѣ мужъ, тамъ и жена — вотъ основное начало взаимныхъ личныхъ отношеній супруговъ, по русскому законодательству. Мужъ сообщаетъ жепѣ своей, если она по роду принадлежитъ къ состоянію низшему, всѣ права и преимущества, соединенныя съ его состояніемъ чиномъ или званіемъ (за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда жена лишена по суду всѣхъ правъ состоянія, или всѣхъ особенно, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ), а также свою фамилію (Св. Зак. Т. IX. Зак. о сост., ст. 3; Т. X. ч. I., ст. 100). Она не теряетъ

правъ состоянія и званія мужа даже и въ томъ случаѣ, если онъ за преступленіе будетъ лишенъ правъ своего состоянія (Т. X. Ч. 1, ст. 101; Улож. о наказ., ст. 24). Наоборотъ, жена не сообщаетъ мужу своего высшаго званія, но и не лишается своихъ правъ по рожденію чрезъ бракъ съ лицомъ низшаго состоянія (Т. IX. Зак. о сост., ст. 3). Супруги обязаны жить вмѣстѣ, при чемъ жена слѣдуетъ мѣсту жительства мужа, такъ что, при переселеніи, при переводѣ по службѣ или при иной перемѣнѣ постоянного жительства мужа, жена обязана слѣдовать за нимъ (Т. X. ч. I, ст. 103). Въ нашемъ законодательствѣ правило о совокупномъ жительствѣ супруговъ выражено безусловно, т. е. въ одинаковой силѣ для мужа и жены¹⁾.

1) 12 марта 1914 года Высочайше утвержденъ одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою законъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ дѣйствующихъ узаконеній о личныхъ и имущественныхъ правахъ замужнихъ женщинъ и объ отношеніяхъ супруговъ между собою и къ дѣтямъ.

Содержаніе этого закона, въ главнѣйшихъ чертахъ, слѣдующее:

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, не исключая особыхъ законовъ, дѣйствующихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, Прибалтійскихъ и Бессарабской, постановить:

1. Замужнія женщины, хотя бы и несовершеннолѣтнія, проживающія отдѣльно отъ мужей, при наймѣ на работы, а равно при поступленіи на частную, общественную и правительственную службу, а также въ учебныя заведенія, не обязаны на то испрашивать согласіе своихъ мужей.

2. Въ губерніяхъ Царства Польскаго по искамъ, проистекающимъ изъ указанныхъ въ предыдущей (1) статьѣ договорныхъ отношеній, замужнія женщины могутъ являться въ судъ безъ дозволенія мужей.

3. Въ губерніяхъ Царства Польскаго все приобрѣтенное стараніемъ и трудами жены, проживающей отдѣльно отъ мужа, составляетъ исключительную ея собственность, на которую не распространяется сила статей 192 и 193 Гражданскаго Уложенія.

II. Въ Сводѣ Законовъ Гражданскихъ (Св. Зак., Т. X, ч. 1, изд. 1900 г.) произвести нижеслѣдующія измѣненія:

1. Отдѣленіе первое главы четвертой раздѣла перваго и отдѣленіе первое главы второй раздѣла второго книги первой пополнить статьями 103¹⁾, 106¹⁾, и 164¹⁾ слѣдующаго содержанія:

103¹⁾. Требованіе супруга о восстановленіи совмѣстной жизни

§ 63. Прекращеніе брака.

Бракъ прекращается или физически — смертью одного изъ супруговъ, или юридически — актомъ компетентной власти, состоящимъ или въ признаніи брака ничтожнымъ

можетъ быть отклонено другимъ супругомъ, если совмѣстная жизнь представляется для него невыносимою.

Совмѣстная жизнь можетъ быть признана для супруга невыносимою, въ случаѣ жестокаго съ нимъ или съ его дѣтьми обращенія другого супруга, нанесенія тяжкихъ оскорбленій и вообще явнаго нарушенія другимъ супругомъ основанныхъ на бракѣ обязанностей, либо явнаго злоупотребленія принадлежащими ему въ силу брака правами, либо безчестнаго или порочнаго его поведенія, а также въ случаѣ, если одинъ изъ супруговъ одержимъ тяжкою душевною болѣзнью, либо такою прилипчивою и отвратительною болѣзнью, которая представляетъ опасность для жизни либо здоровья другого супруга или ихъ потомства. Сверхъ сего, совмѣстная жизнь можетъ быть признана невыносимою для жены, если она одержима такою болѣзнью, при которой продолженіе супружескаго сожитія представляется опаснымъ для ея жизни или здоровья.

106¹. Уклоненіе супруговъ отъ совмѣстнаго жительства въ тѣхъ случаяхъ, когда совмѣстная супружеская жизнь представляется невыносимою для жены по винѣ или вслѣдствіе болѣзни жены (ст. 103¹), не освобождаетъ мужа отъ обязанности доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе (ст. 106), если она въ томъ нуждается. Но мужъ освобождается отъ обязанности содержать жену, если совмѣстная ихъ жизнь оказалась для него невыносимою по винѣ жены (ст. 103¹).

164¹. Къ дѣтямъ супруговъ, уклонившихся отъ совмѣстнаго жительства, примѣняются правила, изложенныя въ статьяхъ 131² (ч. 1 и 3, по прод. 1912 г.) и 131³—131⁶ (по прод. 1912 г.), съ слѣдующими изъятіями: 1) въ случаѣ раздѣльнаго жительства супруговъ по винѣ одного изъ нихъ, невиновному супругу принадлежитъ право требовать оставленія у него всѣхъ дѣтей; 2) въ случаѣ отсутствія соглашенія родителей, либо необходимости отступленія отъ установленныхъ въ настоящей статьѣ, а равно въ статьѣ 131², правилъ, судъ опредѣляетъ, у кого изъ родителей должны оставаться несовершеннолѣтнія дѣти и 3) судъ, постановляющій рѣшеніе по дѣлу о томъ, у кого изъ родителей должны оставаться несовершеннолѣтнія дѣти, можетъ, по обстоятельствамъ дѣла и ради блага дѣтей, воспретить супругу свиданіе съ дѣтьми, оставленными у другого супруга. Если вопросъ о воспрещеніи свиданія возникаетъ впервые по окончаніи дѣла, то онъ разрѣшается мѣстнымъ мировымъ либо городскимъ судьей или земскимъ начальникомъ.

2. Статью 2202 изложить слѣдующимъ образомъ:

2202. Не могутъ заниматься дѣти несовершеннолѣтнія безъ

и вѣдѣйствительнымъ съ самаго момента его заключенія, или же въ расторженіи брака дѣйствительнаго, законнаго. Первый случай называется отмѣною брака (*annullatio matri-*

позволенія родителей или опекуновъ, а жены, при совмѣстномъ жительствѣ съ мужьями, безъ согласія мужей.

III. Въ измѣненіе Устава о векселяхъ (Св. Зак., Т. XI, ч. 2, изд. 1903 г.) постановить :

Замужнія женщины могутъ давать на себя векселя, а равно принимать по онѣмъ отвѣтственность, и безъ согласія своихъ мужей, хотя бы онѣ не производили торговли отъ собственнаго своего имени.

При примѣненіи сего правила въ губерніяхъ Прибалтійскихъ и Бессарабской, соблюдаются содержащіяся въ особыхъ, дѣйствующихъ въ означенныхъ губерніяхъ, гражданскихъ законахъ постановленія объ отвѣтственности по обязательствамъ жены имущества ея, либо общаго имущества супруговъ.

IV. Въ измѣненіе Устава о паспортахъ (Св. Зак., Т. XIV, изд. 1903 г.) постановить :

1. Замужнія женщины, независимо отъ возраста ихъ, имѣютъ право получать отдѣльные виды на жительство, не испрашивая на то согласія своихъ мужей.

2. Замужнимъ женщинамъ, проживающимъ отдѣльно отъ своихъ мужей, отдѣльные виды на жительство могутъ быть выдаваемы не только установленіями указанными, въ статьяхъ 41 и 45 Устава о паспортахъ, но и отъ полиціи, въ мѣстѣ временнаго ихъ пребыванія, притомъ безъ предьявленія общаго вида (Уст. пасп., ст. 11, прим.).

Ошибочнымъ было бы утвержденіе, что новый законъ 12 марта 1914 года, именуемый нѣкоторыми „закономъ о раздѣльномъ жительство супруговъ“ на самомъ дѣлѣ устанавливаетъ разрѣшеніе на раздѣльное жительство. Какъ не позволялъ законъ послѣдняго ранѣе, такъ не позволяетъ его онъ и теперь. Нашему законодательству, и при наличіи закона 12 марта 1914 г., не извѣстенъ самостоятельный институтъ раздѣльнаго жительства или разлученія супруговъ, безъ развода, въ томъ смыслѣ, какъ онъ извѣстенъ законодательству почти всѣхъ западно-европейскихъ государствъ.

Попрежнему, остается на своемъ мѣстѣ въ X томѣ нашихъ законовъ гражданскихъ статья 103, гласящая: „Супруги обязаны жить вмѣстѣ; посему: 1) строго воспрещаются всякіе акты, клонящіеся къ самовольному разлученію супруговъ; 2) при переселеніи, при поступленіи на службу или при иной перемѣнѣ постояннаго жительства мужа, жена должна слѣдовать за нимъ“. По новому закону, супруги, уже установившіе самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства суда, раздѣльное свое жительство, лишь могутъ обращаться къ суду, если между ними не послѣдовало полковнаго согласія, для разрѣшенія ихъ взаимныхъ имущественныхъ отношеній и судьбы дѣтей.

попѣ), второй — разводомъ (divortium). Отмѣнѣ подлежатъ браки, заключенные съ нарушеніемъ условій необходимыхъ для ихъ дѣйствительности.

Р а з в о д ъ.

У евреевъ и римлянъ, среди которыхъ прежде всего распространилось ученіе Христово, существовала полная свобода развода ¹⁾.

Въ бракоразводномъ правѣ евреевъ мы встрѣчаемъ лишь слѣдующія ограниченія: 1) не дозволялся разводъ безъ написанія и врученія мужемъ женѣ разводнаго письма и высылки ея изъ дома мужа и 2) воспрещалось возобновленіе брака съ разведенною женой, если она, выйдя замужъ за другого, вслѣдствіе новаго развода со вторымъ мужемъ, или смерти его, станетъ свободною. — Въ римскомъ правѣ, кромѣ введенной со времени императора Августа формальности — заявить о разводѣ въ присутствіи семи взрослыхъ Римлянъ, не считая въ томъ числѣ вольноотпущенника, чрезъ котораго лицо, расторгающее бракъ, дѣлало свое объявленіе о разводѣ, — тоже не существовало никакихъ иныхъ ограниченій развода, основаніемъ котораго могла служить не только законная причина (divortium ex rationabili causa), но и простое взаимное соглашеніе супруговъ (divortium ex consensu). Понятно, что, при распушенности нравовъ Римлянъ конца республики и первыхъ временъ Имперіи, такая свобода разводовъ вела къ полному разложенію семейной жизни.

1) Въ древности, говоритъ знаменитый толкователь каноническаго кодекса восточной церкви Іоаннъ Зонара (см. толков. на 87-е пр. Трулльск. соб.), и законами древними, и долговременнымъ обычаемъ дано было людямъ право расторгать брачныя сожителства, даже безъ причины, и позволялось какъ мужу, такъ и женѣ, говорить сожителствующему лицу: „дѣлай что хочешь“ и расторгать бракъ. Это было узаконено и у евреевъ. Ибо мужьямъ было предоставлено право посылать своимъ женамъ распутную книгу (Мѣ. XIX, 7) и прекращать сожителство съ ними.

Даже лучшие римляне перестали дорожить чистотою семейныхъ добродѣтелей и крѣпостію брачныхъ узъ. Цезарь, знаменитый въ другихъ отношеніяхъ, но въ семейной жизни не отличавшійся безупречною, развелся со своей женой изъ-за одного лишь подозрѣнія ея въ невѣрности, подъ благовиднымъ предлогомъ что жены цезаря не должно касаться даже подозрѣніе. Цицеронъ отвергъ свою жену Теренцію, надѣясь приданымъ второй жены уплатить свои долги. Павелъ Эмилий, на вопросъ о причинѣ его развода съ умною и благородною Папиріей, отвѣчалъ: „башмаки мои — новы, прекрасно сдѣланы, и однако я долженъ премѣнить ихъ; никто не знаетъ гдѣ они мнѣ жмутъ“. Нѣкоторые мужья мѣняли женъ по нѣскольку разъ въ годъ: другъ Августа Меценать прославился тѣмъ, что онъ по нѣскольку разъ въ годъ женился и разводился. Мѣна женъ сдѣлалась явленіемъ настолькоъ обычнымъ, что во времена Имперіи стали воздавать похвалу мужьямъ, которые, подобно Германику, прожили всю жизнь въ одномъ бракѣ. — Съ другой стороны, жены, видя примѣръ мужей, не отстаютъ отъ нихъ въ произвольномъ расторженіи браковъ. Изъ словъ Сенеки видно, что знатныя римскія дамы считали свои лѣта не по числу консуловъ, а по числу своихъ мужей; онѣ разводились для того, чтобы снова выйти замужъ и выходили замужъ для того, чтобы снова развестись. Св. Иеронимъ рассказываетъ о томъ, что онъ лично присутствовалъ въ Римѣ на похоронахъ одной женщины, которая имѣла 22 мужа. Одномужницы сдѣлались настолькоъ рѣдкимъ явленіемъ, что въ надгробныхъ надписяхъ начинаютъ ставить въ особую заслугу умершей то, что она имѣла только одного мужа.

При такой свободѣ развода, бракъ рѣдко прекращался естественнымъ путемъ, то-есть, смертію одного изъ супруговъ; обыкновеннымъ способомъ его прекращенія сдѣлался разводъ.

Совершенно иначе смотрѣла на разводъ христіанская церковь. Слѣдуя словамъ Св. Писанія: „что Богъ сочеталъ,

того челоуѣкъ да не разлучаетъ“ (Матѣ. XIX, 6), она объявила бракъ, при жизни супруговъ, нерасторжимымъ, исключая вины прелюбодѣянiя¹⁾. — Когда христіанство сдѣлалось господствующею религіею въ Римской Имперіи, римскіе императоры, благодаря настояніямъ церкви, стараются ограничить произволъ въ дѣлѣ развода; но рѣшительное запрещеніе столь широко распространенныхъ въ Римской Имперіи разводовъ по обоюдному согласію, противъ которыхъ особенно возставали учителя церкви, первый разъ встрѣчается въ законодательствѣ имп. Юстиніана. Этотъ императоръ предписалъ не допускать до второго брака разведшихся безъ основанiя по одному лишь взаимному согласію и виновныхъ въ томъ женщинъ заключать пожизненно въ монастырь, а мужей подвергать нѣкоторымъ имущественнымъ взысканіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ были точно опредѣлены и законныя основанiя для развода, который, смотря по тому, сопровождался ли онъ невыгодными послѣдствіями для кого-либо изъ супруговъ, или нѣтъ, раздѣлялся на — *divortium cum damno* и *divortium sine damno* (*bona gratia*).

А. Основаніями развода *cum damno* для мужа были призваны слѣдующія причины:

1. Государственное преступленіе жены, состоящее въ томъ, что она, зная о существованіи злого умысла противъ императора, не довела этого до свѣдѣнiя своего мужа.

2. Прелюбодѣянiе жены.

Подъ прелюбодѣянiемъ, по римскому праву, подразумѣвалась половая связь жены съ постороннимъ мужчиною не только во время супружества, но и до вступленiя въ него. Поэтому, если бы мужъ, послѣ вступленiя въ бракъ, получилъ вѣрныя доказательства того, что его жена жила съ постороннимъ мужчиною до брака, на примѣръ, если бы онъ

1) Кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣянiе и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ; и женившійся на разведенной прелюбодѣйствуетъ. Матѣ. XIX, 9.

нашелъ ее беременною, въ такомъ случаѣ онъ могъ искать развода съ нею. Но при этомъ требовались слѣдующія условія: а) незнаніе со стороны мужа до брака о томъ, что жена его состояла въ незаконной добрачной связи; въ противномъ случаѣ жалоба мужа не принималась; б) узнавъ о потерѣ женою невинности до брака, мужъ долженъ былъ тотчасъ же прекратить съ нею сожитіе и заявить о томъ родственникамъ; если же онъ этого не сдѣлалъ, а продолжалъ жить съ нею, въ такомъ случаѣ терялъ право на разводъ.

3. Проступки жены, по которымъ съ вѣроятностію можно судить объ ея супружеской невѣрности, именно: а) если она, противъ воли своего мужа, участвовала въ пиршествахъ съ посторонними мужчинами или мылась съ ними въ банѣ; б) если она, противъ воли или безъ вѣдома мужа, безъ уважительной причины, отлучилась на ночь изъ дома, ночевала въ чужомъ домѣ, кромѣ только дома родительскаго; в) если она, безъ вѣдома и согласія мужа, ходила смотрѣть на конскія скачки, театральныя представленія и бой звѣрей, такъ какъ посѣщеніе этихъ зрѣлищъ, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, считалось для цѣломудренной женщины неприличнымъ.

Здѣсь надо замѣтить, что къ супружеской вѣрности обязывалась одна только жена; для мужа, даже долгое время послѣ утвержденія христіанства, требующаго такого же цѣломудрія отъ мужа, какъ и отъ жены, супружеская вѣрность не считалась обязательною. Должно было пройти не мало времени, пока это христіанское ученіе о равноправности супруговъ получило осуществленіе въ жизни и въ законодательствѣ.

4. Покушеніе жены на жизнь мужа, а также тотъ случай, когда жена, зная о существованіи злого умысла противъ мужа у другихъ лицъ, не довела этого до его свѣдѣнія.

5. Вытравленіе женою плода.

Объ этомъ поводѣ къ разводу упоминается въ кодексѣ

Юстиніана и повторяется въ 22-й новеллѣ его. Законодатель замѣчаетъ при этомъ, что жена, вытравляющая плодъ, обличаетъ въ себѣ крайнюю испорченность и глубоко оскорбляетъ мужа тѣмъ, что лишаетъ его потомства. Въ 117 новеллѣ Юстиніана, въ которой перечислены поводы къ разводу, объ этомъ основаніи не упоминается. Но императоръ Левъ Философъ (886—911), въ 31-й новеллѣ, подтвердилъ прежнее постановленіе Юстиніана.

Б. Основаніями развода *cum damno* для жены служили слѣдующія причины :

1. Точно такъ же государственное преступленіе, состоящее въ томъ, что мужъ составлялъ злой умыселъ противъ императора или, зная объ умыслѣ другихъ, не доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія властей.

2. Покушеніе мужа на жизнь жены, или тотъ случай, когда мужъ, зная о существованіи злаго умысла противъ жены у другихъ лицъ, не поставлялъ въ извѣстность объ этомъ ее или законную власть.

3. Посягательство на цѣломудріе жены отдачей ея третьимъ лицамъ на прелюбодѣяніе.

4. Обвиненіе мужемъ своей жены въ прелюбодѣянніи, когда оно, вслѣдствіе неосновательности, осталось недоказаннымъ.

5. Содержаніе мужемъ въ одномъ домѣ или въ одномъ городѣ, вмѣстѣ съ женою, постоянной любовницы.

Къ основаніямъ *divortium cum damno* относилось также воспріятіе отцомъ или матерью собственнаго ихъ ребенка отъ купели крещевія, въ виду 53 пр. Трул. соб., которое ставитъ духовное родство выше плотскаго. Это основаніе служило источникомъ частыхъ злоупотребленій : многіе отцы и матери дѣлались нарочно воспріемниками своихъ дѣтей, чтобы имѣть законный поводъ къ разводу. Въ предупрежденіе этихъ злоупотребленій, императоры Левъ IV и Константинъ VI (776—780) издали новеллу, въ которой они налагаютъ стро-

гое наказаніе на супруга, виновнаго въ разводѣ по этой причинѣ, именно, значительный денежный штрафъ, семилѣтнее изгнаніе и запрещеніе вступленія въ новый бракъ; въ случаѣ несостоятельности виновнаго къ уплатѣ денежнаго штрафа, онъ подвергался тѣлесному наказанію.

Разводъ безъ невыгодныхъ послѣдствій для разведенныхъ супруговъ — *divortium bona gratia* —, по законодательству Юстиніана, допускался въ слѣдующихъ случаяхъ:

1. Въ случаѣ неспособности къ супружескому сожитію.

Этотъ поводъ къ разводу, по конституціи императора Юстиніана (отъ 528 г.), наступаетъ въ томъ случаѣ, если неспособность супруга къ брачному сожитію продолжалась два года со времени заключенія брака. Но такъ какъ, послѣ издашя этой конституціи, обнаружилось, что мужья, которые въ теченіе двухъ лѣтъ не могли исполнить своего супружескаго долга, впослѣдствіи оказывались способными къ дѣторожденію, то, на основаніи 22-й новеллы императора Юстиніана (536 г.), двухлѣтній срокъ былъ увеличенъ до трехъ лѣтъ, такъ что съ этого времени жена могла искать развода только въ томъ случаѣ, если мужъ въ теченіе трехъ лѣтъ отъ совершенія брака не окажется способнымъ къ брачному сожитію. Если неспособность къ супружескому сожитію произошла во время брака, случайно, или вслѣдствіе болѣзни, то супруги обязаны переносить ее сообща.

2. Въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія или плѣненія въ теченіе опредѣленнаго времени лица принадлежащаго къ воинскому званію.

По древнѣйшему римскому праву, жена воина попавшаго въ плѣнъ или пропавшаго безъ вѣсти могла вступить въ новый бракъ по истеченіи 5-ти лѣтъ со времени исчезновенія мужа. При Константинѣ Великомъ этотъ срокъ былъ сокращенъ до 4-хъ лѣтъ. Но императоръ Юстиніанъ нашелъ этотъ законъ слишкомъ тяжелымъ для мужей-солдатъ

и постановилъ, что солдатка можетъ вступить въ новый бракъ лишь по истеченіи 10-ти лѣтъ и послѣ того, какъ мужъ, несмотря на неоднократныя приглашенія жены возвратиться къ ней, или откажется отъ брачнаго сожитія съ нею, или отвѣтитъ на ея просьбы молчаніемъ. Въ такомъ случаѣ жена-солдатка должна была заявить о нежеланіи мужа жить съ нею его военному начальнику, а затѣмъ — подать императору просьбу о дозволеніи вступить въ новый бракъ (нов. 22, гл. 14). Въ 117-й новеллѣ Юстиніанъ отмѣнилъ и это постановленіе и запретилъ солдаткамъ вступленіе въ новый бракъ до полученія вѣрныхъ свѣдѣній о смерти мужа. Только по полученіи такихъ свѣдѣній, онѣ могли вступить въ новый бракъ, и то спустя годъ. Согласно съ этимъ, позднѣе императоръ Левъ Философъ, въ своей 33-й новеллѣ, постановилъ, чтобы, въ случаѣ плѣненія одного изъ супруговъ, другой не вступалъ въ новый бракъ, но ждалъ возвращенія супруга, сколько бы времени ему ни пришлось ждать, даже и въ томъ случаѣ, если онъ не получалъ отъ плѣнника ни устныхъ, ни письменныхъ извѣстій.

3. Въ случаѣ принятія однимъ изъ супруговъ монашества.

Принятіе монашества должно быть добровольнымъ, такъ что если бы супругъ былъ насильно постриженъ въ монашество, то въ этомъ случаѣ другой супругъ не имѣлъ права вступить въ новый бракъ. Съ произнесеніемъ монашескихъ обѣтовъ однимъ изъ супруговъ бракъ прекращался самъ собою безъ всякихъ формальностей.

4. Въ случаѣ выбора мужа во епископы.

По 48-му пр. Тул. соб., когда избирается во епископы человекъ женатый, то избраніе можетъ состояться только тогда, когда жена согласится развестись съ нимъ и, послѣ рукоположенія его во епископа, поступить въ монастырь отдаленный отъ мѣста нахождения епископской кathedры. Во избѣжаніе нарушенія этого обѣщанія со стороны жены избраннаго во епископы, императоръ Исаакъ II Ангелъ (но-

веллой 22 сент. 1187 г.) постановилъ, чтобы избранный во епископы посвящался только послѣ того какъ оба супруга дадутъ письменное обязательство разойтись и жена будетъ принята въ монастырь. Послѣ принятія епископской хиротопіи, бракъ прекращался самъ собою.

Б. По законодательству императора Льва Философа, основаніемъ для развода *bona gratia* могло служить также и сумашествіе одного изъ супруговъ. Согласно 111-й новеллѣ этого императора, мужъ сошедшей съ ума жены три года долженъ сносить это несчастіе, а по истеченіи трехъ лѣтъ, если сумашествіе жены не прекратилось, могъ развестись съ нею. Въ 112-й новеллѣ Левъ Философъ далъ то же право женѣ, но только по истеченіи 5 лѣтъ отъ начала проявленія сумашествія мужа.

Послѣ того какъ свобода разводовъ была запрещена законодательствомъ императора Юстиніана, расторженіе брака въ большей части случаевъ стало производиться по рѣшенію суда; но судъ удостовѣрялъ только наступленіе событія, отъ котораго зависѣла законность развода, а не давалъ позволенія или разрѣшенія на разводъ. Бракъ считался расторгнутымъ даже въ томъ случаѣ, когда супруги развелись по причинѣ, необозначенной въ законѣ (правда, въ такомъ случаѣ они подлежали извѣстному наказанію). Разводъ, по случаю поступленія одного изъ супруговъ въ монастырь или посвященія мужа во епископскій санъ, производился безъ судебного рѣшенія, посредствомъ самаго факта произнесенія монашескаго обѣта или епископскаго посвященія.

Разводъ сопровождался извѣстными послѣдствіями для разведенныхъ супруговъ. Они освобождались отъ всякихъ личныхъ отношеній другъ къ другу, при чемъ мужъ тотчасъ послѣ развода могъ вступить въ новый бракъ какъ въ томъ случаѣ, когда онъ объявилъ разводъ, такъ и въ томъ, когда разводъ былъ ему объявленъ, а жена, объявившая

разводъ мужу, могла вступить въ новый бракъ только по истеченіи года послѣ совершенія развода (въ предупрежденіе спора о рожденныхъ послѣ развода дѣтяхъ); виновная же жена, которой мужъ по законной причинѣ объявилъ разводъ, въ теченіе пяти лѣтъ не могла вступить въ новый бракъ, а за предлюбодѣяніе отдавалась въ монастырь, и если бы мужъ не взялъ ее оттуда въ теченіе двухъ лѣтъ или въ теченіе этого времени умеръ, не взявъ ее изъ монастыря, постригалась въ монашество¹⁾. Далѣе, въ случаѣ развода по преступленію одного изъ супруговъ, виновный супругъ подвергался извѣстнымъ имущественнымъ потерямъ въ пользу невиннаго. Наконецъ, если одинъ супругъ объявилъ другому разводъ не по законной причинѣ, или оба они развелись между собою по обоюдному согласію, но не для поступленія въ монашество (въ такомъ случаѣ разводы по взаимному согласію, какъ мы знаемъ, были возможны), то въ первомъ случаѣ супругъ, неосновательно объявившій разводъ, а во второмъ — оба супруга подвергались денежному штрафу и постригались въ монашество.

Но супругамъ не запрещалось примириться между собою и возобновить брачный союзъ — былъ ли разводъ *cum dampno*, или *bona gratia*. Виновной сторонѣ даже рекомендовалось стараться о примиреніи и о возобновленіи добрыхъ отношеній съ прежнимъ супругомъ, а невинной давался совѣтъ — оказать виновной сторонѣ великодушіе и снисходительность. Особенно епископы должны были стараться о примиреніи разведшихся супруговъ и возобновленіи ихъ союза.

Если разведшіеся супруги рѣшались на возобновленіе брачнаго союза, въ такомъ случаѣ снова требовалось для

---

1) Виновныя въ нарушеніи супружеской вѣрности жены въ монастырѣ жили отдѣльно, въ монастырскихъ зданіяхъ или въ особо устроенныхъ исправительныхъ заведеніяхъ, существованіе которыхъ восходитъ къ VI вѣку по Р. Х., и носили особую одежду послушницъ.

дѣйствительности брака соблюденіе всѣхъ условій, которыя необходимы были и при первоначальномъ вступленіи въ бракъ: требовалось, на примѣръ, новое согласіе родителей, новое благословеніе брака и проч.

Съ принятіемъ у насъ христіанства изъ Византіи, всѣ постановленія византійскаго законодательства о разводѣ, вмѣстѣ съ принесенными изъ Византіи номоканоны, т. е. церковно-гражданскими законодательными сборниками, перешли и къ намъ въ Россію, хотя изложенныя въ этихъ сборникахъ нормы византійскаго права о разводѣ, подъ вліяніемъ особенностей быта и условій русской жизни, должны были претерпѣть нѣкоторыя измѣненія.

Дѣйствительно, мы видимъ, что разводъ на Руси дозволялся въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не было такого дозволенія въ Юстиніановомъ законодательствѣ и, наоборотъ, нѣкоторыя изъ основаній развода, указанныя въ новеллахъ этого императора, не могли имѣть примѣненія у насъ, въ Россіи.

Такъ, на примѣръ, по Юстиніанову законодательству, какъ мы видѣли, мужъ могъ требовать развода, когда жена его, противъ его воли, пиrowала съ посторонними мужчинами, или мылась въ банѣ съ ними, а также когда она, безъ вѣдома мужа, посѣщала конскія скачки, театральныя представленія и бой звѣрей. Эти основанія къ разводу имѣвшія смыслъ и значеніе въ Византіи, въ виду особенностей тамошней жизни, не могли быть примѣнимы у насъ на Руси. Въ древнѣйшее время (до развитія терема) русская женщина пользовалась сравнительною свободой, и пиrowаніе въ обществѣ мужчинъ не было такимъ важнымъ порокомъ, который могъ бы служить поводомъ къ разводу; мыться въ банѣ съ мужчинами въ то время тоже не считалось зазорнымъ или преступнымъ; у насъ было въ обычаѣ мыться въ одной банѣ не только мужчинамъ и женщинамъ мірянамъ, но даже монахи и монахини мылись и парились вмѣстѣ. Театровъ и другихъ зрѣлищъ, о которыхъ упоминается въ Юстиці-

ановомъ законодательствѣ, въ то время не было; національныя же русскія игрища, начиная съ знаменитыхъ игръ „межи-сель“ и продолжая разными другими, составляли необходимую принадлежность русской старины; странно поэтому было бы, если бы мужъ сталъ возражать противъ посѣщенія его женою, напримѣръ, праздника Ивана Купалы, хотя на праздникахъ тѣхъ, по выраженію обличителей, которыми являлись первые наши іерархи, и было „хребтомъ вилянiе, ногами скаканіе и топтаніе“. — Государственная измѣна мужа у насъ тоже не могла служить поводомъ къ разводу, такъ какъ, по русскимъ законамъ, въ случаѣ уголовнаго преступленія, совершеннаго мужемъ, невинная жена обязана была раздѣлять участь преступника мужа (въ Русской Правдѣ, напримѣръ, читаемъ: „боудеть ли стоялъ на разбои . . . выдабудуть¹⁾ самого всего и съ женою и съ дѣтми на потокъ и на разграбленіе“) ¹⁾). Между тѣмъ, мужъ участі преступницы жены не раздѣлялъ, въ одномъ изъ дѣлъ XVII в. читаемъ: „по указу Великихъ Государей, которые люди за воровство доведутся ссылки мужеска пола, и тѣхъ воровъ посылають съ женами ихъ; а за женино воровство мужей въ ссылку не ссылають“.

Съ другой стороны, въ Россіи, какъ мы сказали, дозволялся разводъ по такимъ причинамъ, по которымъ онъ не допускался въ Византіи, какъ-то: вслѣдствіе крайней бѣдности, при которой мужъ не въ состояніи прокормить жены и семьи, а также вслѣдствіе расхищенія мужемъ женинаго состоянія (свидѣтельства этому мы находимъ въ вопрошаніи Кирика къ новгородскому епископу Нифонту, въ XII вѣкѣ: „Оже ли велми зло боудеть, яки не мочи моужю държати жены, или жена моужа или долгъ многъ у моужа застанеть; а порты ея грабити начнетъ или пропиваетъ, или ино зло“); допускался на Руси разводъ также вслѣдствіе совершенной женою у мужа кражи (въ сдѣланной къ одному изъ списковъ Устава

1) Т. е. выдадутъ.

Ярослава припискѣ указанъ этотъ поводъ къ разводу: „А тѣми винами разлучи мужа съ женою . . . 5 вина: аще ведеть жона мужа своего покрасти клѣтъ или товаръ“). — Дозволялся разводъ и вслѣдствіе хронической болѣзни (больная жена въ такихъ случаяхъ обыкновенно шла въ монастырь); такъ, въ 1205 г. жена Суздальскаго князя Всеволода III Марія, будучи восемь лѣтъ больною, постриглась отъ живаго мужа въ монашество. — Возможенъ былъ также разводъ вслѣдствіе жестокаго обращенія мужа съ женою, подъ которымъ, при грубости нравовъ тогдашняго общества, подразумѣвались лишь систематическіе, почти смертельные, побои или, какъ тогда говорили, „изгонка мужнина“. О существованіи у насъ этого повода къ разводу говоритъ Котошихинъ: „И будетъ которая жена бываетъ противна, побои его и мученія не терпитъ, жалуетца сродичамъ своимъ, что онъ съ нею живетъ не въ совѣтѣ, и бьетъ, и мучитъ, и тѣ сродичи на того челоуѣка бьютъ челомъ патріарху или большимъ властямъ, и по тому челоуѣку власти велятъ сыскать дворовыми людьми и сосѣдами, по душамъ ихъ: и будетъ тому есть правда, и того челоуѣка сошлютъ въ смиреніе, въ монастырь на полгода или на годъ, а жена его останется въ дому, а какъ урочные мѣсяцы въ монастырѣ отсидитъ, или до того времени жена о немъ начнетъ бить челомъ, чтобъ былъ свобожень, и его свободятъ и велятъ ему съ нею жить по закону; и будетъ и того не послушаетъ, и ихъ разведутъ, и животы ихъ имъ раздѣлятъ пополамъ“. — Не рѣдки были у насъ разводы и по бесплодію жены, которое, по понятіямъ того времени, считалось, да и теперь у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ считается великимъ несчастіемъ ¹⁾. На этомъ основаніи на-

1) Между прочимъ, у словаковъ, немногочисленнаго славянскаго племени, живущаго среди венгерцевъ, и, несмотря на всѣ стѣсненія австро-венгерскаго правительства, сохранившаго неизмѣнными свой языкъ и древніе обычаи до настоящаго времени, бесплодіе жены и теперь служитъ поводомъ къ разводу.

сильно была пострижена въ монастырь супруга великаго князя Василя Ивановича Соломошя Сабурова. На этомъ же основаніи царь Іоаннъ Грозный постригъ свою третью жену Анну. Два иностранные писателя, Олеарій и Коллинсъ, тоже согласно показываютъ, что безплодіе жены было обычнымъ поводомъ къ разводу у русскихъ людей ихъ эпохи. Послѣдній писатель говоритъ: „Когда мужъ считаетъ жену свою безплодною, тогда уговариваетъ ее постричься, а самъ женится на другой; если жена на это не соглашается, то онъ прогоняетъ ее въ монастырь насильно“.

Вообще, надо замѣтить, что строгая регламентація развода, которую мы находимъ въ Юстиніановомъ законодательствѣ, долго была не примѣнима къ нашему отечеству. Фактически въ древней Руси браки расторгались легко: особенно часто совершались разводы подъ видомъ желанія одного изъ супруговъ вступить въ монашество. Къ этому способу обыкновенно прибѣгали мужья, желая избавиться отъ нелюбимыхъ ими женъ, и всякими средствами принуждали ихъ соприсчислиться къ „ангельскому чину“. Даже въ среднемъ и низшемъ кругу были распространены самовольные разводы, подъ предлогомъ поступленія въ монашество, или принужденіе нелюбимой супруги къ постриженію, чтобы отдѣлаться отъ нея. До насъ дошли весьма интересныя разводныя записи по случаю постриженія женъ въ монахини; въ этихъ грамотахъ говорится, что жена постригается добровольно, своею охотою, а не отъ мужней изгонки, по упрошенію и по совѣту съ мужемъ своимъ, для своей немощи и скорбости, чтобы ему повольно было жениться на иной женѣ законнымъ бракомъ, а мнѣ не бить челомъ о приданомъ (Акты Юрид. № 326 и № 404). — Продолжаютъ по-прежнему, въ разрѣзъ съ Юстиніановымъ законодательствомъ, практиковаться и разводы по обоюдному согласію супруговъ, при чемъ въ юго-западной Россіи взаимные договоры объ этомъ предъявлялись въ

городской магистратъ и вносились въ городскія книги, а въ сѣверо-восточной Руси они облакались въ форму разводныхъ или „ропустныхъ“ писемъ, писавшихся священно-и церковно-служителями, противъ чего даже въ XVIII вѣкѣ не разъ издавались запретительные указы Св. Синода.

Съ Петра Великаго, обратившаго особенное вниманіе на наше семейственное право, наступаетъ новая стадія въ исторіи бракоразводнаго института, характеризующаяся стремленіемъ къ органиченію развода.

На дальнѣйшее развитіе законодательныхъ мѣръ въ указанномъ направленіи вліяло какъ желаніе правительства искоренить злоупотребленія, существовавшія въ бракѣ и разводѣ, такъ и нѣкоторыя совершенно побочныя и временныя явленія, какимъ является, на примѣръ, увлеченіе всѣхъ правительствъ XVIII в., а въ томъ числѣ нашего, популяціонистическою теоріею народонаселенія, т. е. стремленіемъ покровительствовать размноженію послѣдняго. Въ виду этого наше правительство, съ одной стороны, старалось облегчить вступленіе въ бракъ, съ другой — въ тѣхъ же видахъ — стало затруднять разводъ. Впрочемъ, строгой опредѣленности и послѣдовательности въ законодательствѣ о разводѣ въ этомъ періодѣ мы не находимъ, такъ какъ многое здѣсь зависѣло отъ личной воли носителя свѣтской власти, которая съ Петра Великаго начинаетъ имѣть большое вліяніе какъ на брачное право вообще, такъ и на бракоразводный институтъ въ частности. Общею же тенденціею законодательныхъ мѣръ о разводѣ въ разсматриваемомъ періодѣ является желаніе правительства сдѣлать разводъ учрежденіемъ, „кое съ великими предосторожностями и въ однихъ только нетерпимыхъ, ясно доказанныхъ, случаяхъ дозволяется“ (законъ 1 янв. 1805 г.).

Число поводовъ къ разводу, поэтому, постепенно уменьшается. На примѣръ, тяжкая болѣзнь одного изъ супруговъ перестаетъ быть основаніемъ къ разводу для другого су-

пруга; въ одномъ изъ синодскихъ рѣшеній начала XVIII в., по поводу просьбы о разводѣ, поданной въ Синодъ мужемъ вслѣдствіе официально констатированной неизлѣчимой венерической болѣзни его жены, читаемъ: „хотя врачебною управою и засвидѣтельствовано, что венерическая болѣзнь въ крестьянкѣ N неизлѣчима и она къ супружескому сожитію неспособна, но какъ болѣзнь сія случилась ей не отъ нарушенія ею чистоты супружескаго ложа, а отъ неизвѣстнаго ей случая, каковое показаніе, въ разсужденіи прилипчиваго свойства той болѣзни, и заслуживаетъ вѣроятія, и какъ таинство брака, по Ев. Матѣ. XIX, 9, разрушается токмо за прелюбодѣяніе, то брака не расторгать.“ — Разводы вслѣдствіе психической болѣзни еще бывали въ судебной практикѣ; такъ, въ 1725 г. 18 дек., Моск. дух. консисторію „по челобитію жены“, что „со времени вѣнчанія 15 лѣтъ мужъ ея находится въ безумствѣ“, велѣно было произвести слѣдствіе духовныхъ дѣлъ управителю; при слѣдствіи родители мужа, духовный отецъ и посторонніе свидѣтели подтвердили слова жены; бракъ былъ расторгнутъ, и женѣ дозволено было вступить въ новый бракъ. — Разводъ на основаніи желанія одного изъ супруговъ принять монашество, столь распространенный въ до-петровской Руси, въ настоящемъ періодѣ имѣетъ уже гораздо менѣе примѣненія. Въ прибавленіи къ Духовному Регламенту Петра Великаго было постановлено: „не принимать въ монастырь мужа отъ живой жены“. „Обычаемъ водится, читаемъ мы здѣсь, — что мужъ съ женою по обоюдному согласію расторгаютъ бракъ съ тѣмъ, чтобы мужу постричься въ монахи, а женѣ быть свободной и выдти замужъ. Такой разводъ простымъ людямъ кажется правильнымъ, но слову Божьему онъ вполнѣ противорѣчитъ, если онъ дѣлается только на этомъ основаніи. Но если бы даже существовала и достаточная причина къ разводу, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ мужу самовольно разводиться со своею женою, а просить объ этомъ своего (епархіальнаго) епископа который,

обстоятельно изслѣдовавши дѣло, долженъ писать объ этомъ въ Св. Синодѣ, для разсмотрѣнія этого дѣла и постановленія опредѣленія, и безъ рѣшенія Синода разводовъ не производить. Если бы мужъ и жена, по взаимному согласенію, пожелали принять санъ монашескій, то тогда, кромѣ другихъ обстоятельствъ, обращать вниманіе на возрастъ жены, достигла ли она 50-ти или 60-ти лѣтъ, и есть ли дѣти у этихъ супруговъ, и въ какомъ положеніи они ихъ оставляютъ“. — Насильственные постриженія женъ мужьями, съ цѣлію разорвать такимъ образомъ бракъ для заключенія новаго, столь часто практиковавшіяся въ прежнее время, считаются теперь Св. Синодомъ не дѣйствительными, а самые браки, вновь заключенные, когда объ этомъ дѣлалось извѣстнымъ Синоду, расторгаются какъ незаконные¹⁾.

Нѣкоторые изъ другихъ поводовъ къ разводу, которые знала до-петровская Русь — покушеніе на жизнь супруга, жестокое обращеніе мужа съ женой — не упоминаются въ разсматриваемомъ періодѣ, вѣроятно, потому, что въ XVIII вѣкѣ появляется новый поводъ къ разводу — присужденіе одного изъ супруговъ къ ссылкѣ. Такимъ образомъ, по мнѣнію извѣстнаго ученаго Неволіна, сдѣлалось ненужнымъ при разводѣ обращать вниманіе на тѣ или другія преступныя дѣйствія супруга: или вина преступнаго супруга еще не такова, чтобы она заслуживала осужденія въ вѣчную ссылку — въ такомъ случаѣ нѣтъ основательной причины расторгать бракъ, или за свою вину преступникъ осуждается на вѣчную ссылку — въ такомъ случаѣ бракъ съ нимъ расторгается на основаніи общихъ законовъ о послѣдствіяхъ ссылки. — Кромѣ ссылки, новымъ (сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ) поводомъ къ разводу въ XVIII вѣкѣ является тотъ случай, когда одинъ изъ супруговъ обратился изъ раскола въ православіе, а другой не желаетъ послѣдо-

1) Впрочемъ, самъ Петръ В. постригъ свою жену Евдокію Лопухину въ монашество незадолго до изданія этого закона.

вать его примѣру; въ этихъ случаяхъ лицу, принявшему православіе, дозволялось вступить въ новый бракъ, для чего ему выдавался „отверстый указъ“.

По нынѣ дѣйствующему законодательству, бракъ можетъ быть расторгнутъ только формальнымъ церковнымъ судомъ. Самовольное расторженіе брака безъ суда, по одному взаимнаго согласію супруговъ, ни въ какомъ случаѣ не допускается. Равно не допускаются никакія между супругами обязательства или иные акты, заключающіе въ себѣ условіе жить имъ въ разлученіи, или же какіе нибудь другіе, клонящіеся съ разрыву супружескаго союза (Т. X. ч. I, ст. 46).

Изъ поводовъ къ разводу по просьбѣ одного изъ супруговъ наше дѣйствующее законодательство знаетъ слѣдующіе:

1. Прелюбодѣяніе, подъ которымъ законъ подразумѣваетъ фактъ половой связи того или другого супруга съ лицомъ постороннимъ, все равно состоящимъ въ бракѣ, или свободномъ отъ него, будетъ ли такая связь продолжительною или единичнымъ фактомъ. Въ случаѣ развода по прелюбодѣянію, виновное лицо въ настоящее время, если оно было въ первомъ или второмъ бракѣ, можетъ вступить въ новый бракъ лишь по выполненіи церковной епитиміи, по усмотрѣнію духовнаго суда, согласно церковнымъ правиламъ¹⁾; въ случаѣ же нарушенія прелюбодѣяніемъ

1) Согласно 87 пр. Трулльскаго собора, 20 пр. Анкирскаго собора и 77 пр. св. Василя Вел., виновный въ прелюбодѣяніи супругъ долженъ быть подвергнутъ семилѣтней епитиміи, при чемъ этотъ срокъ, на основаніи 102 пр. Трулльскаго собора, можетъ быть сокращаемъ епархіальнымъ архіереемъ, по тщательномъ испытаніи духовникомъ совѣсти епитимійца и удостовѣреніи имъ степени его раскаянія и исправленія, съ тѣмъ однако, чтобы общій срокъ, подлежащій выполненію епитиміи, былъ не менѣе двухъ лѣтъ. (Опр. Св. Синода 16 мар.—30 апр. 1904. № 1599. Выс. утв. 28 мая 1904 г. Цер. Вѣд. 1904. № 44. Прибав., стр. 1744—1751. Законъ объ отмѣнѣ осужденія на всегданнее безбрачіе).

святости и новаго брака, осуждается на всегдашнее безбрачіе и подвергается церковной епитиміи. Въ избѣжаніе злоупотребленій при разрѣшеніи вступленія въ бракъ разведенному по причинѣ прелюбодѣянія, послѣдній, при подачѣ прошенія о дозволеніи ему вступить въ бракъ долженъ представить удостовѣреніе своего духовнаго отца объ исполненіи епитиміи, засвидѣтельствованное мѣстнымъ благочиннымъ или консисторіею, а въ случаѣ сокращенія ему срока епитиміи, удостовѣреніе и объ этомъ обстоятельстве; онъ долженъ также представить при прошеніи копію опредѣленія или указа Св. Синода о расторженіи прежняго его брака. (Опред. Св. Синода 23—30 іюня 1904 г. № 3258) ¹⁾.

Двоебрачіе, по дѣйствующему законодательству, составляетъ тоже поводъ къ разводу, если первый законный супругъ лица двоебрачнаго не пожелаетъ жить съ нимъ. Послѣдствіемъ такого развода является осужденіе на всегдашнее безбрачіе двоебрачника и дозволеніе второго брака супругу невиновному. Но если оба супруга будутъ виновны въ двоебрачіи, то, по уничтоженіи вторыхъ браковъ ихъ, восстанавливается первый и, въ случаѣ прекращенія этого брака смертію кого-либо изъ супруговъ, оставшемуся въ живыхъ воспрещается навсегда вступленіе въ новый бракъ (Уст. дух. конс., стт. 214 и 216).

2. Физическая неспособность къ брачному сожитію служитъ поводомъ къ разводу при наличности слѣдующихъ двухъ условій: а) если она есть прирожденная и вообще добрачная, и б) если со дня заключенія брака прошло не менѣе трехъ лѣтъ (Т. X. ч. 1, стт. 48 и 49; Уст. дух. конс. ст. 242). Такимъ образомъ, если даже удостовѣрено, что существуетъ неспособность природная и начавшаяся до брака, то все-таки супругъ, имѣющій право иска о разводѣ

1) До изданія этого закона виновный въ прелюбодѣянніи супругъ, въ случаѣ развода, во всякомъ случаѣ осуждался на всегдашнее безбрачіе и, кромѣ того, подвергался епитиміи. Уст. дух. конс., ст. 253.

долженъ ожидать истеченія трехлѣтняго срока. Послѣдствіемъ развода вслѣдствіе признанія супруга неспособнымъ къ брачному сожитію является воспрещеніе ему новаго брака навсегда.

3. Безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ въ продолженіи пяти лѣтъ или болѣе, при чемъ лицо, оставившее супруга или супругу и болѣе пяти лѣтъ скрывающееся въ неизвѣстности, въ случаѣ расторженія брака по этой причинѣ, осуждается на всегдашнее безбрачіе. Когда одинъ изъ супруговъ, отлучившись по какому-либо случаю изъ мѣста своего жительства, будетъ въ продолженіе пяти или болѣе лѣтъ находиться въ совершенно безвѣстномъ отсутствіи, то оставшемуся супругу дозволяется просить епархіальное начальство о расторженіи брака и о дозволеніи вступить въ новое супружество (Т. X. ч. I, ст. 54; Уст. дух. конс., ст. 230). Равнымъ образомъ солдатскимъ женамъ, мужья коихъ пропали безъ вѣсти на войнѣ или взяты въ плѣнъ непріателемъ, дозволяется вступать въ новое супружество не прежде, какъ по прошествіи пяти лѣтъ съ того времени, какъ мужья ихъ пропали безъ вѣсти или взяты въ плѣнъ непріателемъ (Т. X. ч. I, ст. 56; Уст. дух. кон. ст. 231) ¹⁾. Если-бы солдатъ, считавшійся пропавшимъ безъ вѣсти, впослѣдствіи оказался въ живыхъ и возвратился на родину, то имѣетъ право вступить въ новое супружество, если прежняя его супруга уже успѣла выйти за другого. Напротивъ, лицо, оставившее своего супруга или супругу и болѣе пяти лѣтъ скрывавшееся въ неизвѣстности (предполагается злонамѣренно), въ случаѣ возвращенія на родину послѣ расторженія его прежняго брака по просьбѣ оставленнаго супруга, осуждается на всегдашнее безбрачіе (Т. X. ч. I, ст. 41).

1) Высочайше утвержденнымъ 19-го сентября 1907 г. мнѣніемъ Совѣта министровъ указанный пятилѣтній срокъ сокращенъ до двухъ лѣтъ при расторженіи браковъ пропавшихъ безъ вѣсти на войнѣ военнослужащихъ.

4. Присужденіе одного изъ супруговъ къ наказанію, соединенному съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоящія¹⁾).

Если одинъ изъ супруговъ будетъ лишенъ всѣхъ правъ состоящія или сосланъ въ Сибирь на житье съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, то другому супругу, въ случаѣ его нежеланія послѣдовать за осужденнымъ на мѣсто его ссылки, предоставляется право просить духовное начальство о расторженіи брака и дозволеніи вступить въ новый бракъ. (Св. Зак. Т. X. ч. I, ст. 50; Улож. о нак. ст. 27 п. 1; Уст. дух. конс., ст. 225). — По закону 14 декабря 1892 г., дано право и самимъ преступникамъ, осужденнымъ на каторгу или поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоящія, просить о расторженіи ихъ браковъ съ невиновными супругами, оставшимися на мѣстѣ своего жительства и не желающими со своей стороны просить объ уничтоженіи браковъ съ лицами сосланными, и о дозволеніи вступить въ новые браки — ссыльно-каторжнымъ, спустя извѣстные сроки по поступленіи ихъ въ разрядъ исправляющихся, а ссыльно-поселенцамъ, спустя два года со дня вступленія въ силу судебного о нихъ приговора. (Т. XIV, Уст. о ссылн., изд. 1909 г., по продолж. 1910 г., ст. 181 и слѣд.)

1) В ы с о ч а й ш е утвержденнымъ 14-го декабря 1892 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта расторженіе брака допущено также вслѣдствіе ссылки на житье въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, если супругъ не послѣдовалъ за осужденнымъ на мѣсто ссылки, при чемъ просить о расторженіи брака предоставлено не одному супругу осужденнаго, но и самому осужденному. Уст. дух. конс., ст. 225. Срав. Т. X. ч. I, ст. 50. — Жены возвращенныхъ, по В ы с о ч а й ш е м у милосердію или новому приговору суда, изъ ссылки, если бракъ ихъ еще не расторгнутъ, или онѣ о расторженіи его не просили, имѣютъ оставаться въ прежнемъ съ ними брачномъ союзѣ неразлучными. Тоже разумѣется и о мужьяхъ, коихъ жены по судебному рѣшенію подвергнуты ссылкѣ. Уст. дух. конс., ст. 228. Срав. Т. X. ч. I, ст. 53.

Такъ какъ Именнымъ указомъ Правительствующему Сенату 12 іюня 1900 г. ссылка на житье отмѣнена, ссылка на поселеніе сохранена лишь для нѣкоторыхъ, особо перечисленныхъ, преступныхъ дѣяній, а ссылка на водвореніе на островъ Сахалинъ пред-

Кромѣ указанныхъ поводовъ къ разводу, есть еще случай расторженія брака вслѣдствіе обоюдного согласія супруговъ вступить въ монашество (такое желаніе, какъ мы видѣли, признавалось за поводъ къ разводу и Духовнымъ Регламентомъ). Въ 413 ст. Т. IX. ч. 1. Св. Зак. (о состояніяхъ) читаемъ: „Запрещается принимать въ монашество мужа при живой женѣ, законно съ нимъ не разведенной; когда же пожелаютъ постричься оба супруга по взаимному согласію то надлежитъ принимать въ уваженіе, не имѣютъ ли они дѣтей малолѣтнихъ и требующихъ родительскаго призрѣнія, а по принятіи въ монастырь, къ самому постриженію допускаются не иначе, какъ по достиженіи обоими просящими постриженія супругами узаконенныхъ для того лѣтъ“ (не менѣе 50-ти лѣтъ). Но въ настоящемъ случаѣ мы видимъ собственно прекращеніе брачнаго союза супруговъ безъ права ихъ вступить въ новый бракъ, а не разводъ, такъ какъ послѣдній сопровождается для невинной стороны правомъ вступленія въ новый бракъ.

§ 64. Проекты реформы бракоразводнаго права.

Въ послѣднее время составлено свѣтскою и духовною властью нѣсколько проектовъ, имѣющихъ цѣлью улучшеніе нашего бракоразводнаго права.

1. Проектъ новаго Гражданскаго Уложенія о разводѣ¹⁾.

Характерными особенностями новаго Гражданскаго Уложенія о разводѣ являются:

1. Увеличеніе числа поводовъ къ разводу, а именно, къ прежнимъ четыремъ поводамъ къ разводу для лицъ православнаго исповѣданія — прелюбодѣянію, неспособности

назначена исключительно для бродягъ, то большая часть видовъ ссылки замѣнена отдачею въ исправительныя арестантскія отдѣленія.

1) Проектъ напечатанъ въ 1902 году.

къ брачному сожитію, безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ и присужденію одного изъ супруговъ къ наказанію, соединенному съ лишеніемъ правъ состоянія — проектъ Гражданскаго Уложенія прибавляетъ пятый поводъ къ разводу — посягательство одного супруга на жизнь другого или жестокое, опасное для жизни, здоровья, обращеніе одного супруга съ другимъ, если виновность супруга-отвѣтчика признана вонедшимъ въ законную силу приговоромъ уголовного суда (ст. 172).

2. Характерною особенностью проекта новаго Гражданскаго Уложенія является введеніе неизвѣстнаго у насъ до сихъ поръ для лицъ православнаго исповѣданія раздѣльнаго жительства или разлученія супруговъ, по просьбѣ одного изъ нихъ, даже безъ согласія другого, и при томъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, а именно, если совмѣстная супружеская жизнь представляется для просителя невыносимою вслѣдствіе жестокаго съ нимъ или дѣтьми обращенія другого супруга, нанесенія тяжкихъ оскорбленій, прилипчивой болѣзни другого супруга, развратной или позорной его жизни, постояннаго пьянства или безразсуднаго и разорительнаго для семьи мотовства, а равно въ случаѣ такой болѣзни жены, при которой продолженіе супружескаго сожитія представляется опаснымъ для ея жизни или здоровья (ст. 141). Раздѣльное жительство супруговъ можетъ быть разрѣшено вслѣдствіе злонамѣреннаго оставленія просителя другимъ супругомъ, если оно продолжалось не менѣе года и если супружеская жизнь не была восстановлена по винѣ отвѣтчика въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ обращенія къ нему просителемъ требованія о восстановленіи совмѣстной жизни (ст. 142). Далѣе, женѣ, по ея ходатайству, можетъ быть разрѣшено отдѣльное жительство отъ мужа, когда онъ не имѣетъ осѣдлости, отказываетъ просительницѣ и дѣтямъ въ необходимомъ содержаніи или, при недостаточности доставляемыхъ имъ средствъ, препятствуетъ женѣ снискивать средства къ жизни собственнымъ трудомъ (ст. 143).

Раздѣльное жительство супруговъ разрѣшается на срокъ отъ одного года до трехъ лѣтъ или на неопредѣленное время. Назначенный срокъ можетъ быть въ послѣдствіи продолженъ вновь до трехъ лѣтъ или замѣненъ разрѣшеніемъ раздѣльнаго жительства на неопредѣленное время (ст. 144). Отъ соглашенія супруговъ зависитъ опредѣлить, у кого изъ нихъ, въ случаѣ разрѣшенія имъ раздѣльнаго жительства, должны оставаться несовершеннолѣтнія лѣти. При отсутствіи такого соглашенія, сыновья остаются у отца, дочери у матери. Невинновный супругъ въ правѣ требовать оставленія у него всѣхъ дѣтей (ст. 148).

8. Характерною особенностью новаго Гражданскаго Уложенія о разводѣ является та черта, что въ то время какъ, по нынѣ дѣйствующимъ законамъ, „всѣ дѣла, объ удостовѣреніи событія браковъ, о признаніи ихъ законными или незаконными и о расторженіи браковъ“ подлежатъ вѣдомству судовъ духовныхъ, по проекту новаго Гражданскаго Уложенія, рѣшающее значеніе въ дѣлахъ о разводѣ приобретаетъ судъ свѣтскій, такъ какъ онъ разсматриваетъ дѣло по существу и предоставляетъ суду духовному, такъ сказать, второстепенную, исполнительную роль — дѣлать распоряженіе о расторженіи брака на основаніи его рѣшенія, т. е. рѣшенія гражданскаго суда. Что же касается раздѣльнаго жительства или разлученія супруговъ, то, по проекту Гражданскаго Уложенія, эти дѣла всецѣло подчинены вѣдѣнію свѣтскаго суда, именно разсматриваются въ окружныхъ судахъ, въ качествѣ первой инстанціи.

2. Проектъ, составленный III отдѣломъ Предсоборнаго Присутствія.

Въ засѣданіи 13 декабря 1906 года III отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія пришелъ къ заключенію, что поводами къ разводу могутъ быть:

- 1, прелюбодѣяніе одного или обоихъ супруговъ;
- 2, неспособность къ брачному сожитію (по мнѣнію нѣ-

которыхъ членовъ отдѣла, безъ опредѣленія срока на предъявленіе иска);

3, болѣзненное состояніе, устраняющее возможность супружескаго сожитія вредно отражающееся на потомствѣ (проказа, сифились, сумашествіе послѣ-брачное и т. п.);

4, безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ или злонамѣренное оставленіе однимъ супругомъ другого въ теченіи не менѣе 5-ти лѣтъ;

5, ссылка по суду или административная — удаляемыхъ обществомъ за порочное поведеніе изъ своей среды;

6, жестокое обращеніе съ супругомъ — при установленіи виновности судомъ.

3. Проектъ Совѣщанія Св. Синода 1907 года.

За недостаткомъ времени, выработанныя III-мъ отдѣломъ положенія о поводахъ къ разводу не были обсуждаемы въ общемъ собраніи Предсоборнаго Присутствія.

Посему, опредѣленіемъ Св. Синода отъ 28 февраля 1907 г., было образовано, подъ предсѣдательствомъ члена Св. Синода, высокопреосвященнаго митрополита Кіевскаго Флавіана, а позднѣе, преосвященнаго епископа Тамбовскаго Иннокентія, особое при Св. Синодѣ Совѣщаніе для обсуждения и выработки проекта положенія о поводахъ къ разводу, согласно указаніямъ бывшаго Предсоборнаго Присутствія, съ цѣлью представленія этого проекта на законодательное разсмотрѣніе параллельно съ реформой бракоразводнаго процесса. Въ виду того, что нѣкоторые поводы къ разводу могутъ найти надлежащую оцѣнку только въ медицинской наукѣ, въ составъ Совѣщанія были приглашены также представители медицинскаго совѣта.

Особое Совѣщаніе имѣло восемь засѣданій (въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ 1907 года) и признало нужнымъ внести въ дѣйствующія нынѣ въ русской православной церкви положенія о поводахъ къ разводу отчасти измѣненія, отчасти дополненія. Результатъ дѣятельности особаго Совѣщанія

выразился въ выработанномъ имъ для доклада Св. Синоду проектѣ о поводахъ къ разводу.

Основныя положенія этого проекта сводятся къ ниже-слѣдующему.

По дѣйствующимъ законамъ, бракъ можетъ быть расторгнутъ въ случаѣ: 1) прелюбодѣянiя одного изъ супруговъ, 2) неспособности къ брачному сожитiю, 3) безвѣстнаго отсутствiя, продолжающагося не менѣе пяти лѣтъ, и 4) присужденiя къ лишенiю всѣхъ правъ состоянiя со ссылкой. По проекту Совѣщанiя, 1-ое положенiе дополняется указанiемъ на то, что и обоюдное прелюбодѣянiе супруговъ служить достаточнымъ основанiемъ къ расторженiю брака, причемъ оба супруга должны подвергаться церковной епитимiи.

Остальныя положенiя формулированы Совѣщанiемъ слѣдующимъ образомъ:

Бракъ можетъ быть расторгнутъ вслѣдствiе неспособности одного изъ супруговъ къ половому сожитiю или къ дѣторожденiю, независимо отъ времени появленiя этой неспособности — до брака или послѣ брака, за исключенiемъ тѣхъ случаевъ, когда неспособность супруга обуславливается его возрастомъ. Просьба о разводѣ по неспособности можетъ быть принесена тѣмъ или другимъ супругомъ, по свободной его волѣ, но не раньше, какъ черезъ три года со времени совершенiя брака. Указанный срокъ, впрочемъ, не обязателенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда неспособность супруга органическая, и притомъ безспорна и несомнѣнна. Супругъ, по неспособности коего бракъ расторгнутъ, можетъ вступить въ новый бракъ не иначе, какъ съ разрѣшенiя духовнаго суда, на основанiи представленнаго суду удостовѣренiя подлежащаго медицинскаго учрежденiя о прекращенiи неспособности.

Поводомъ къ расторженiю брака служить и безвѣстное отсутствiе одного изъ супруговъ, продолжающееся не менѣе трехъ лѣтъ. Женамъ воинскихъ чиновъ, пропавшихъ безъ вѣсти на войнѣ, представляется просить о разводѣ по истеченiи двухъ лѣтъ со времени обнаруженiя безвѣстнаго отсутствiя супруга.

Въ случаѣ присужденія уголовнымъ судомъ одного изъ супруговъ къ наказанію, влекущему за собою ссылку съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, невинному супругу, если онъ не пожелаетъ слѣдовать за присужденнымъ въ мѣсто ссылки, предоставляется право просить о расторженіи брака.

Кромѣ нынѣ дѣйствующихъ поводовъ къ расторженію брака, особое Совѣщаніе признало нужнымъ включить въ число бракорасторгающихъ основанийъ также и слѣдующія условія: 1) душевную болѣзнь одного изъ супруговъ, при чемъ супругъ, возбуждающій искъ, долженъ представить удостовѣреніе объ обезпеченіи средствъ существованія больного супруга, 2) заболѣваніе супруга сифилисомъ, при чемъ супругъ, по болѣзненному состоянію котораго бракъ расторгнутъ, можетъ вступить въ новый бракъ не иначе, какъ съ разрѣшенія духовнаго суда, на основаніи представленнаго суду удостовѣренія подлежащаго учрежденія о прекращеніи болѣзненнаго состоянія; 3) дурное или жестокое обращеніе между супругами, причиняющее такіа физическія и нравственныя страданія, которыя, представляя собою вредъ для здоровья или опасность для жизни, устраняютъ возможность супружескаго сожитія; 4) намѣренное оставленіе одного супруга другимъ и 5) уклоненіе одного изъ супруговъ отъ православія, если оно сопровождается: а) отказомъ уклонившагося изъ православія супруга продолжать брачное сожитіе съ православнымъ супругомъ, не желающимъ уклониться изъ православія, или б) насиліемъ уклонившагося супруга надъ религіозною совѣстью оставшейся вѣрною православію стороны или ея дѣтей.

Право иска о разводѣ принадлежитъ — по прелюбодѣянію одного изъ супруговъ супругу невинному, — по сумашествію или болѣзненному состоянію супругу здоровому, — по злонамѣренному оставленію и безвѣстному отсутствію супругу оставленному и — по жестокому обращенію супругу пострадавшему.

Проектъ этотъ вызвалъ рѣзкую критику со стороны вы-

дающихся русских канонистовъ и не получилъ дальнѣйшаго движенія.

Въ настоящее время Св. Синодъ снова занятъ вопросомъ о разводѣ.

Глава VIII.

§ 65. Метрическія книги.

Случаи рожденія и крещенія, брака и смерти вносятся въ, особыя приходскія книги, называемыя метрическими (*matricula*). Постановленіе о заведеніи метрикъ встрѣчается еще на Большомъ Московскомъ соборѣ 1666—67 г. и впоследствии подтверждено было имп. Петромъ Вел. Однообразная форма ихъ **В ы с о ч а й ш е** утверждена 22 ноября 1837 г. и разослана при указѣ Св. Синода 18 декабря того же года.

Метрическія книги имѣютъ весьма важное значеніе въ гражданскомъ отношеніи, такъ какъ служатъ актами, удостоверяющими состояніе каждаго лица безъ различій сословій. (Т. IX, стт. 858, 859).

По своему содержанію метрическія книги раздѣляются на три части: 1) о родившихся¹⁾; 2) о бракосочетавшихся и въ 3) объ умершихъ. Въ каждой церкви метрическія книги ведутся въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ, по истеченіи года, представляется въ духовную консисторію, а другою хранится въ церкви. Исправное и вѣрное вѣдѣніе ихъ лежитъ на общей отвѣтственности членовъ причта. Всякія

1) По возбужденному вопросу о преподаніи разъясненія о томъ, какъ долженъ именоваться по отчеству внѣбрачный ребенокъ, коему не было присвоено, при совершеніи метрической записи о рожденіи и крещеніи, особаго отчества, и какую онъ долженъ носить фамилію, Святѣйшій Синодъ разъяснилъ: 1) что, согласно ст. 132² Т. X. ч. 1., внѣбрачный ребенокъ, если ему не было присвоено отчество при совершеніи метрической объ его рожденіи и крещеніи записи, именуется по отчеству сообразно имени своего воспріемника, и 2) что, согласно той же 132³ ст., внѣбрачный ребенокъ именуется фамилією, одинаковою съ отчествомъ; но, съ согласія матери и ея отца, если онъ находится въ живыхъ, можетъ именоваться фамилією матери, принадлежащею ей по рожденію.

подчистки въ метрическихъ книгахъ воспрещаются. По окончаніи каждаго мѣсяца метрическія книги свидѣтельствуются и подписываются членами причта.

Изъ доставленныхъ въ консисторію отъ всѣхъ церквей епархіи метрическихъ книгъ ежегодно составляется вѣдомость о числѣ родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ за данный годъ въ епархіи. Эти вѣдомости, представляемая въ Св. Синодъ при годичномъ отчетѣ архіерея о состояніи епархіи, составляютъ цѣнный матеріалъ для статистики православнаго народонаселенія въ Россіи.

Метрическія свидѣтельства, т. е. выписи слово въ слово той или другой статьи изъ метрическихъ книгъ, могутъ быть выдаваемы по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ и отъ приходскаго причта, и отъ духовной консисторіи; но актами законъ признаетъ только тѣ метрическія свидѣтельства, которыя выдаются консисторіями. Метрическія свидѣтельства выдаются безпрепятственно всѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ въ нихъ надобность, а именно: 1) каждому — о времени его рожденія и крещенія; 2) родителямъ — о рожденіи, крещеніи и кончинѣ дѣтей; 3) опекунамъ — о рожденіи и крещеніи дѣтей, не имѣющихъ родителей и состоящихъ подъ ихъ опекой. Постороннее же лицо, просящее метрическое свидѣтельство о другомъ, обязано представить законную отъ него довѣренность. Новое метрическое свидѣтельство о лицѣ, о которомъ выдано уже таковое, выдается не иначе, какъ по представленіи законныхъ доказательствъ объ утратѣ прежняго. (Т. IX, стт. 859—879; Уст. дух. конс., стт. 270—274). О выдачѣ метрическаго свидѣтельства можно просить и не лично, а чрезъ какое-нибудь правительственное, городское, земское или сословное учрежденіе. Метрическія свидѣтельства подлежатъ гербовому сбору¹⁾.

Проф. М. Красноженъ.

1) Св. Синодъ разъяснилъ, что метрическія выписи или справки, выдаваемые причтами церквей (но не изъ духовныхъ консисторій) для поступленія малолѣтнихъ несовершеннолѣтнихъ на заводы, фабрики и мануфактуры, освобождаются отъ уплаты гербоваго сбора.

Къ исторіи одного сюжета въ повѣстяхъ Льва Толстого.

„Посмертныя художественныя произведешя“ Л. Н. Толстого, опубликованныя въ трехъ большихъ томахъ подъ редакціею В. Г. Черткова, представляютъ для изслѣдователя чрезвычайно много интереснаго матеріала. Мы не собираемся использовать его цѣликомъ, но ограничимся лишь однимъ вопросомъ. Между прочимъ изъ „Посмертныхъ произведеній“ (ниже мы будемъ ссылаться вездѣ на это первое подлинное изданіе Черткова) мы узнаёмъ, что въ послѣдніе годы своей жизни гениальный писатель долго и упорно занимался психологіею монашества, — тема, недавно затронутая, какъ извѣстно, и Максимомъ Горькимъ. Въ трехъ томахъ указаннаго изданія на тему о монахахъ имѣется рассказъ „Отецъ Сергій“ и начало недописаннаго рассказа „Иеромонахъ Исидоръ“; монаховъ же касается Левъ Николаевичъ и въ „Фальшивомъ Купонѣ“. Къ сожалѣнію, редакторъ изданія, располагавшій всѣми рукописями почившаго, не установилъ и даже не подмѣтилъ ни малѣйшей связи между этими тремя рассказами. Не замѣтили ничего и другіе писавшіе о посмертныхъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого.

Задачею нашихъ слѣдующихъ ниже разсужденій является показать, что сюжетъ — „психологія монаха“ — за-

нималь воображеніе Толстого приблизительно около двадцати лѣтъ, и что поименованныя три беллетристическихъ очерка (въ такой хронологической послѣдовательности: „Отець Сергій“, „Фальшивый Купонъ“, „Иеромонахъ Исидоръ“) составляютъ изъ себя единую цѣпь и даютъ постепенную эволюцію одного и того же сюжета о монашествѣ — въ умѣ Толстого. Сюжетъ развивался, разрабатывался то въ одну, то въ другую сторону, но въ окончательную форму не вылился; постоянно мѣнялось отношеніе автора къ самому явленію и его пониманіе этого учрежденія, смысла его и идеальныхъ его задачъ. Этою неустановленностію отношенія Толстого къ монашеству, этими его колебаніями, вѣроятно, и объясняется то — на первый взглядъ — мало понятное обстоятельство, что „Отець Сергій“, обработанный уже въ общемъ довольно хорошо, однако, при жизни самого автора, не увидѣлъ свѣта, тогда какъ Л. Н. рѣшилъ, напр., напечатать даже залежавшагося „Холстомѣра“, начало работы надъ которымъ относилось къ 1861 г. (на сюжетъ, данный М. А. Стаховичемъ), — напечатать, правда, послѣ несомнѣнной радикальной переработки въ духѣ позднѣйшихъ своихъ возрѣшій.

Хронологія трехъ рассказовъ, которые мы хотимъ разобрать, слѣдующая (Ш т., стр. 223):

1) „Отець Сергій“ (II, 3—48) относится къ 1890, 1891, 1898 годамъ;

2) „Фальшивый Купонъ“ (I, 55—116) — къ 1903—1904 годамъ;

3) „Иеромонахъ Исидоръ“ (III, 177—181) къ 1909-му году; такимъ образомъ мы и получаемъ почти два десятилѣтія 1890—1909, — время, въ теченіе котораго сюжетъ о монахѣ занималъ воображеніе Л. Н. Толстого¹⁾.

1) Совершенно нельзя угадать принципа, руководствуясь которымъ, редакторъ изданія разбросалъ произведенія по томамъ,

Въ 1890 г., по сообщенію П. Буланже, въ одно изъ посѣщеній Льва Николаевича В. Г. Чертковымъ Толстой началъ ему рассказывать волновавшій его сюжетъ: „описаніе жизни одного монаха“. Чертковъ (II, 232) всегда радовался художественной работѣ Толстого — и, зная по прежде бывшимъ примѣрамъ, что потребность писать у его друга ослабѣваетъ, если только онъ кому-либо уже успѣетъ рассказать свой замыслъ устно, на этотъ разъ употребилъ въ дѣло хитрость: а именно онъ упросилъ Толстого вовсе не рассказывать ему про монаха, но лучше прямо изложить этотъ свой новый сюжетъ въ первомъ же письмѣ къ нему, Черткову. Эту просьбу пріятеля Левъ Николаевичъ исполнилъ — и дѣйствительно, въ первомъ къ нему письмѣ далъ набросокъ будущаго разсказа (про отца Сергія). Чертковъ самъ переписалъ весь набросокъ и возвратилъ его автору. Л. Н. снова заинтересовался своимъ сюжетомъ и полагалъ (II, 234), что можетъ де выйти очень интересно (11-го іюня 1890 г.). Другія его работы — не художественныя — отвлекали его отъ писанія разсказа „Отецъ Сергіи“; 17 февраля 1891 года онъ писалъ В. Г. Черткову, что „на дорогѣ стоитъ статья о наукѣ и искусствѣ и о непротивленіи злу. О „Сергіи“ не смѣю думать. А кое-какъ не хочется; я его и отложилъ оттого, что онъ очень мнѣ дорогъ“. Левъ Николаевичъ продолжалъ обдумывать „Отца Сергія“ и его вынашивать¹⁾. Вѣроятно, объ „Отцѣ

вопреки хронологіи. Мы не знаемъ, чѣмъ онъ руководствовался при распредѣленіи матеріала по томамъ, но полагаемъ, что для изслѣдователей всего бы удобнѣе былъ хронологическій порядокъ . . . „Отецъ Сергіи“ 90-хъ годовъ попалъ во II томъ, а произведенія 60-хъ годовъ помѣщены сюда.

1) Впрочемъ, Л. Н. Толстой, совѣтуя Н. Н. Страхову (Толстовскій Музей, т. II, стр. 413, письмо № 238 отъ 3 сентября 1890 г.) писать „самое, самое задушевное“, говорить, что это — „то, про что никому не рассказываешь, во 2) то, что всегда откладываешь“. А 4 февраля того же года (№ 231, стр. 398) Л. Н. писалъ ему же, что „работа моя очень утомляетъ меня. Я все передѣлываю, не измѣняю, а поправляю съ начала и боюсь, что много пишу лишняго“.

Сергія“ Л. Н. писалъ Н. Н. Страхову (№ 249, стр. 428) 26 марта того же 1891 года: „А мнѣ охъ! какъ много хочется писать — и какъ мало силъ! Такую повѣсть! я хотѣлъ бы очень писать — да некогда!“ Только лѣтомъ 1891 года Толстой опять получилъ возможность приняться за писаніе этого разсказа, расширяя и дополняя первоначальный Чертковскій списокъ. Остаётся неизвѣстнымъ, почему онъ и на этотъ разъ опять-таки „Сергія“ не докончилъ; вспомнилъ же онъ про него лишь черезъ 7 лѣтъ, въ 1898 г. и по чисто-внѣшнему поводу. Желалъ онъ помочь духоборамъ и что-нибудь для нихъ заработать; сталъ онъ перебирать старые запасы своихъ рукописей, обдумывая, чтó бы можно изъ нихъ извлечь, обработать и пустить въ свѣтъ; напалъ на „Отца Сергія“ и принялся за него въ пользу духоборамъ; въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ сталъ было кончать „Сергія“. Подъ 12-мъ іюня 1898 г. онъ пишетъ въ своемъ „Дневникѣ“: „нынче совсѣмъ неожиданно сталъ доканчивать „Сергія“. Цѣлый мѣсяць послѣ того Л. Н. былъ напряженно занятъ поправками и окончаніемъ „Отца Сергія“, о чемъ свидѣлствуютъ его дневники и записныя книжки. 14 іюня: „оба дня писалъ „Отца Сергія“. Недурно уясняется“. 28 іюня: „Нынче писалъ „Отца Сергія“. Недурно“. 30 іюня: „Эти дни писалъ „Сергія“. Нехорошо“. Послѣдняя запись въ этихъ дневникахъ, касающаяся работъ надъ повѣстью „Отецъ Сергій“, имѣется 17 іюня 1898 г.: „Рѣшилъ отдать свои повѣсти „Воскресеніе“ и „Отца Сергія“ въ печать для духоборовъ“. Намѣренію этому, однако, не суждено было осуществиться, и духоборы, переселявшіеся съ Кавказа въ Канаду при помощи англійскихъ квекеровъ и русскихъ друзей, не получили гонорара за „Отца Сергія“. Напечаталъ тогда Левъ Николаевичъ — въ „Нивѣ“ — только романъ „Воскресеніе“, а „Отецъ Сергій“ остался втунѣ. Слѣдовъ дальнѣйшей работы надъ нимъ въ „Дневникѣ“ нѣтъ; нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы Л. Н. продолжалъ отшлифовывать

„Сергія“. Только въ 1902 г., т. е. черезъ 4 года, попадаетъ (II, 233) одно мимолетное упоминаніе о немъ: Л. Н. отмѣчаетъ, что де разсказъ „Хаджи-Муратъ“ онъ довелъ до того же, до чего уже доведенъ „Отець Сергія“ и другіе, т. е. что изложено „связно и послѣдовательно, но хочется отдѣлывать“ . . . .

На нашъ взглядъ, дѣло было не въ томъ, якобы „Отець Сергія“ былъ ещё недостаточно отдѣланъ. Не попалъ онъ въ печать потому, что сюжетъ эволюціонировалъ; авторъ сталъ иначе понимать свою задачу и искалъ для своего измѣнившагося замысла уже иной формы; эта иная форма сюжета, правда, въ случайномъ и недостаточно самостоятельномъ проявленіи, и была вставлена въ разсказъ „Фальшивый Купонъ“ . . .

Нельзя не указать, что въ герои своего разсказа „Отець Сергія“ беретъ Левъ Николаевичъ не обычнаго монаха — родомъ изъ духовнаго сословія, либо изъ крестьянъ или купцовъ. „Отець Сергія“ Толстого — богатый офицеръ-гвардеецъ, аристократъ, красавецъ-собой, покидающій міръ изъ-за разочарованія въ своей невѣстѣ, оказавшейся нецѣломудренною¹⁾. Монахъ нашъ тщательно проходитъ суровую аскетическую школу. Но на самомъ-то дѣлѣ, внутренно — его обуреваютъ страсть, половой голодь. Не смотря на то, по внѣшности онъ святъ и даже успѣваетъ прослыть цѣлителемъ немощныхъ и недугующихъ. Дѣло кончается тѣмъ, что монахъ все-таки не устоялъ — но палъ, побѣжденный плотскою похотью. По первоначальной редакціи, монахъ убиваетъ женщину, соблазвившую его, и самъ, усумнившись въ бытіи Бога, топится; по позднѣйшей же редакціи искушеній два; противъ одного-то²⁾ Сергія

1) Содержаніе всѣхъ трехъ разсказовъ въ ихъ деталяхъ мы вездѣ предполагаемъ извѣстнымъ для читателя.

2) До пріѣзда первой искусительницы (II, 230) былъ доведенъ первоначальный набросокъ въ письмѣ къ Черткову 1890-го года.

еще устоялъ, отрубивъ себѣ топоромъ палець на рукѣ, а палець лишь на второмъ соблазнѣ; послѣ чего приводитъ въ исполненіе свой давнишній планъ, возникшій у него въ минуты сомнѣній и разочарованія въ людской славѣ¹⁾. Онъ выстригаетъ себя, переодѣвается мужикомъ-странникомъ и уходитъ бродяжить, отвергая и монашество, и духовный санъ вообще. Сосланный, какъ бродяга, за безписьменность въ Сибирь, бывший отецъ Сергій и бывший офицеръ-гвардеецъ теперь учитъ бесплатно ребятишекъ и ходитъ за больными, т. е. всецѣло посвящаетъ себя дѣламъ практическаго благотворенія, но безо всякой религіозной основы и повидимому, радикально порывая съ Церковью. Имѣлъ ли Л. Н. Толстой для своего Сергія оригиналомъ или моделью какое-либо дѣйствительное, живое лицо, мы совершенно не знаемъ. Когда то намъ попадались такія газетныя извѣстія, якобы въ „Отецъ Сергій“ Толстой замышлялъ изобразить о. Іоанна Кронштадскаго. Намъ эти сообщенія кажутся простою сплетнею. Отецъ Іоаннъ Сергіевъ былъ не монахъ, а бѣлый священникъ, сана не покидалъ, въ военной службѣ не служилъ, родомъ былъ не аристократъ, а изъ духовныхъ Архангельской епархіи.

Хотя Толстой и самъ указываетъ, собственно, на двѣ страсти, которыя обуреваютъ его героя-монаха, — женолюбіе и славолубіе, но въ „Отцѣ Сергій“ превалируетъ женщина, а не славолубіе, катастрофа же — въ первой редакціи — убійство и самоубійство съ предварительнымъ богоотступничествомъ и впадшемъ въ атеизмъ, — въ второй редакціи — бѣгство и обмѣршеніе — происходитъ съ монахомъ Сергіемъ не чрезъ иное что, а именно черезъ женщину. Что мотивъ женщины-прелестницы, соблазнительницы и фатальной искусительницы, мотивъ нравственной пагубности полового голода у монаха, но вмѣстѣ съ тѣмъ

1) Уходъ изъ келіи (II, 232) появляется лишь въ редакціи 1891-го года.

и его неотвязчивости былъ тогда какъ разъ близокъ творчеству Толстого, видно изъ того, что въ то же почти время (годомъ раньше, въ 1889 г., I, 237) онъ залпомъ написалъ повѣсть „Дьяволъ“. Въ ней Иртенъевъ (имя, знакомое намъ еще по „Дѣтству и Отрочеству“), не будучи въ состояніи развязаться съ гулящею бабою, лишаетъ себя жизни, но въ вариантѣ окончанія этой повѣсти, приписанномъ уже позднѣе (стр. 51—53), Иртенъевъ, подобно Сергію, убиваетъ именно бабу, а не себя самого.

Въ записной книжкѣ Льва Николаевича подъ 5 августомъ 1890 г. (II, 234) имѣется, по сообщенію П. Буланже, такая запись къ „Отцу Сергію“: „Она ушла, и онъ въ отчаяніи (sic) за свою плохоту. Она ждетъ величественнаго — и вдругъ простецъ, конфузится, перебираетъ бороду, — но глаза. . . Это то и разжигаетъ ее“. Стало быть, все движеніе сюжета совершается пока еще на обычной при трактованіи монаха въ профанной литературѣ, скажемъ прямо, — на пошлой — на сексуальной почвѣ. Но отъ 17 сентября того же года, т. е. чрезъ почти полтора мѣсяца Л. Н. пишетъ уже Черткову, что де „Сергія“ онъ началъ писать и онъ ему очень понравился, т. е. разросся сюжетъ (маркировка наша!) и хотѣлось „выразить то, что я думалъ о немъ. Не берусь же за него потому, что на дорогѣ стоитъ все заключеніе къ „Провозглашенію“ Гаррисона и „Катехизису“ Балу“.

А какъ „разростался“ сюжетъ, и въ какомъ направленіи именно, можно отчасти судить по письму Льва Николаевича къ Черткову же отъ 17 февраля 1891 г. (II, 235). Борьба съ плотскою похотью тутъ эпизодъ, или скорѣе, одна ступень; главная борьба — съ другимъ — славой людскою. Да не хочу такъ рассказывать“.

Итакъ, оказывается, — уже черезъ полгода — дѣло перемѣнилось радикально: главная борьба теперь не съ половою похотью, а „съ другимъ“: со славолубіемъ.

Сдѣлаемъ попутный вопросъ, невольно возникающій

при чтеніи приведеннаго у насъ выше отрывка: почему Л. Н. такъ дорожилъ сюжетомъ про монаха? Одинъ ли внутренній, психологическій интересъ сюжета привлекалъ его? Или въ разработкѣ его онъ видѣлъ еще одно изъ боевыхъ средствъ борьбы съ Церковью, надѣясь путемъ психологическаго анализа показать естественное саморазложене монашества, какъ института церковно-христіанскаго? . . . Чтобы рѣшить этотъ вопросъ окончательно, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достаточнаго матеріала . . .

Итакъ, при разростаніи сюжета у автора получилось противорѣчіе въ мотивировкѣ поступковъ героя, измѣнилась доминирующая въ немъ страсть: плотская похоть, какъ низменная и пошлая, замѣняется славолюбіемъ. Этого противорѣчія Л. Н., однако, такъ и не успѣлъ удалить изъ дошедшаго до насъ текста „Отца Сергія“; послѣдній все еще остался рассказомъ о плотскомъ искушеніи и паденіи монаха, хотя теоретически Л. Н. уже понималъ, что выдвинуть славолюбіе на мѣсто женолюбія будетъ тоньше и удачнѣе. Любопытно относительно непримиренности психологическихъ противорѣчій въ „Отцѣ Сергіи“ такое мѣсто (гл. V, стр. 20): „Отецъ Сергіи жилъ шестой годъ въ затворѣ. Ему было сорокъ девять лѣтъ. Жизнь его была трудная, — не трудами поста и молитвы — это были не труды! — а в н у т р е н н е ю б о р ь б о й, которой онъ никакъ не ожидалъ. Источниковъ борьбы было два: сомнѣніе и плотская похоть — и оба врага всегда подымались вмѣстѣ. Ему казалось, что это были два разные врага, тогда какъ это былъ одинъ и тотъ же. Какъ только уничтожалось сомнѣніе, такъ уничтожалась и похоть. Но онъ думалъ, что это два разные дьявола, и боролся съ ними порознь“. Здѣсь вмѣсто славолюбія подставлено сомнѣніе и Л. Н. прямо указываетъ, что де психологически сомнѣніе и женолюбіе на самомъ дѣлѣ одно и то же, но самъ утверждаетъ тутъ же, что возможно было (для Сергія) понимать ихъ и порознь, какъ двухъ дьяволовъ; почему

обѣ страсти, оба дьявола — одно и то же, остается вполнѣ невыясненнымъ, немотивированнымъ: вѣдь одновременность, коинцидентность ихъ появленія на полѣ сознанія не есть доказательство ихъ психической идентичности.

Но для насъ важно въ данномъ случаѣ только то, что Толстой уже ослабляетъ (пока въ теоріи) мотивъ похоти, а желаетъ отдать предпочтеніе славолюбію. Послѣ работъ надъ „Отцомъ Сергіемъ“ (последнихъ уже!) въ 1898 г. онъ подъ 17 іюля записываетъ: „Къ „Отцу Сергію“: 1) одинъ хорошъ, съ людьми падаетъ; 2) нѣтъ успокоенія ни тому, кто живетъ для мірскихъ цѣлей среди людей, ни тому, который живетъ для духовныхъ цѣлей одинъ (полное отрицаніе Толстымъ самой идеи монашества!). Успокоеніе только тогда, когда человѣкъ живетъ для служенія Богу среди людей“. Ясно, куда движется эволюція сюжета. Плотская похоть Сергія должна повемногу сойти на нѣтъ, исчезнуть, а на первый планъ будетъ выдвигаться совершенно, по Толстому, неудовлетворимая въ монастырѣ потребность служить во имя Бога людямъ практически; такъ служить имъ можно только, живя среди нихъ самихъ, т. е. въ міру. Стало быть, отцу Сергію отнынѣ придется во что бы то ни стало и какъ бы то ни было бросать затворъ и монастырь свой вообще и идти къ людямъ въ міръ. Катастрофа придетъ не отъ бабьяго соблазна, а отъ сознанія невозможности угодить Богу въ узкихъ рамкахъ затвора и монашества. . .

А такъ какъ уже написанный рассказъ „Отецъ Сергій“ былъ, согласно первичному замыслу, построенъ преимущественно и почти исключительно на неудовлетворенности монаха въ сексуальномъ отношеніи, то онъ, понятно, уже пересталъ удовлетворять автора, кромѣ одного лишь заключенія (и то позднѣйшаго варианта, т. е. уже не самоубійства, а пребыванія въ Сибири въ качествѣ ссыльнаго за безписьменность и бродяжничество). Приходилось либо писать новый совсѣмъ рассказъ (какимъ, мы увидимъ ниже

и долженъ бы былъ стать „Иеромонахъ Исидоръ“), либо передѣлывать „Отца Сергія“ заново. Но до такой передѣлки руки у Толстого, что говорится, не дошли: онъ „Отца Сергія“ не напечаталъ, но оставилъ лежать въ портфель, какъ первый, неудачный эскизъ задуманнаго произведешя.

Пробужденный же разъ ходъ мыслей, эволюція сюжета не прекращались — и они нашли себѣ — пока еще — случайное и частичное выраженіе въ „Фальшивомъ Купонѣ“, тоже, какъ извѣстно, оставшемся ненапечатаннымъ.

Повѣсть „Фальшивый Купонъ“, самое неудачное и самое слабое среди всѣхъ „посмертныхъ“ твореній нашего національнаго генія, — гдѣ первоначально на каждой страницѣ фигурировали черти, по мѣрѣ накопленія зла разбухавшіе и то превращавшіеся во многихъ малыхъ чертенятъ, то опять сраставшіеся въ одного большого пухлаго дьявола, писана черезъ пять лѣтъ послѣ того, какъ Толстой окончательно забросилъ своего „Отца Сергія“, — а именно въ 1903—1904 годахъ.

Въ „Купонѣ“ дѣйствующихъ лицъ ужасно много, крупныхъ индивидуальныхъ особенностей не зарисовано почти ни у кого, всѣ дѣйствующія лица съ непостижимою быстротой — по щучьему и автора велѣшю — въ одинъ моментъ ломаютъ свои жизненные пути и свершаютъ нравственное и религіозное обращеніе и преображеніе. Все это смахиваетъ на лубочную каррикатуру и въ пользу большого литературнаго такта автора говорить именно то обстоятельство, что онъ не рѣшился опубликовать этого разсказа при жизни своей.

Интересующій насъ монахъ выступаетъ въ „Фальшивомъ Купонѣ“ во II-й части, въ главкахъ XII, XIV и XVШ.

Къ старцу-монаху обращается нѣкая барышня, Л и з а Е р о п к и н а, желающая покаяться; но не онъ ее, а она его наводитъ на умъ и спасенье. Лиза у Толстого изобра-

жається христiанскою соціалiсткою, она не хочеть быть богатою и желаетъ отъ имущества своего освободиться (I, 209). Неподалеку отъ города, гдѣ она находилась, былъ монастырь, въ которомъ жилъ одинъ старецъ, прославившійся своею жизнью святой, поученіями, даже предсказаніями и исцѣлешіями, какія ему, по объясненію Толстого, приписывались глупцами. На самомъ же дѣлѣ за старцемъ не было ничего особеннаго.

Этотъ пресловутый старецъ, и м е н и котораго мы пока умышленно не назовемъ, и есть второй фазисъ развитія типа монаха „Отца Сергія“. Сексуальный элементъ здѣсь уже исключенъ начисто и безповоротно. Слабость этого второго толстовскаго монаха не бабы, а нѣчто другое — славолюбіе, т. е. то, чѣмъ Толстой въ „Сергіи“ хотѣлъ замѣнить женолюбіе. Новый старецъ жаждетъ только популярности и славы, похвалы себѣ отъ людей.

Лиза хотѣла упросить этого старца взять себѣ ея деньги и распорядиться ими такъ, какъ онъ самъ сочтетъ за лучшее. По желанію отца Лизы старецъ сталъ-было ее увѣщевать, отговаривая ее отъ ея намѣреній и безстрастно внушая ей умѣренность, покорность и удовольствованіе существующими условіями соціальной жизни. Лиза молчала, краснѣла, потѣла, но, когда онъ кончилъ, она со слезами на глазахъ я начала говорить сама, сначала робко — о томъ, что Христосъ сказалъ: „оставь отца и мать и иди за Мною!“ (старецъ хотѣлъ вернуть ее въ послушаніе отцу), — потомъ, все больше и больше одушевляясь, высказала все свое представленіе о томъ, какъ де она (!) понимаетъ Христа. Старецъ на ея слова сначала чуть улыбался и возражалъ ей обычными церковными поученіями, а потомъ замолчалъ предъ нею и сталъ только вздыхать, повторяя „о Господи!“ отъ завѣдывапія же имуществомъ ея отказался.

И что же вышло! Однимъ разговоромъ своимъ барышня Лиза вышибла старца изо всего міросозерцанія и

изо всей его жизненной колеи. Это внезапное обращеніе старца рисуется у Толстого съ непростительной для него легкомысленной мотиваціею такъ.

Чистота, полная преданность волѣ Бога и горячность этой дѣвушки поразили старца. Онъ давно уже „хотѣлъ отречься отъ міра“, говоритъ Толстой (NB а когда онъ постригался, развѣ онъ тогда не отрекся уже отъ него?), но монастырь требовалъ отъ него дѣятельности. Эта дѣятельность давала средства монастырю. И онъ соглашался, хотя смутно чувствовалъ всю будто бы неправду своего положенія. Его дѣлали святымъ, чудотворцемъ, а онъ былъ слабый, увлеченный успѣхомъ человѣкъ. И открывшаяся ему душа этой дѣвушки открыла ему и его собственную душу. И онъ увидалъ, какъ онъ былъ далекъ отъ того, чѣмъ онъ хотѣлъ быть, и къ чему его влекло его сердце.

Исторія этого обращенія показываетъ, какъ недостаточно Толстой зналъ среду духовенства вообще и русскаго монашества въ частности, какъ мало онъ постигалъ его нравы, мотивы его поступковъ, движущія силы этихъ людей и ихъ психологію. Въ противномъ случаѣ онъ бы зналъ, что никакого у насъ стараго монаха получасовая болтовня съ глупенькою молоденькой барышнею, неопытною и не знающей ни жизни, ни богословія, не пройметъ и не можетъ отвратить пути всей жизни: всѣ могущіе быть совращенными отъ такихъ случаевъ не досиживаютъ въ монастырѣ до старости, а сбѣгаютъ ранѣе и не дожидаются прихода въ дни ихъ дряхлости вдохновенныхъ Лизъ. Впрочемъ, въ „Фальшивомъ Купонѣ“ и всѣ нравственныя просвѣтленія и обращенія фальшивы и мотивированы столь же легковѣсно. Хорошо былъ бы старый монахъ, котораго могла бы вышибить изъ колеи дѣвченка однимъ разговоромъ, однимъ рассказомъ, хотя бы и искреннымъ, о собственномъ ея (!) пониманіи христіанства, — собственномъ пониманіи, вѣроятно, нахватанномъ изъ агитаціон-

ныхъ книжекъ и рѣчей знакомыхъ студентовъ, пониманіи, конечно, для монаха-священника, давно знакомомъ и не дававшемъ ему ничего новаго, — хорошъ монахъ, котораго за полчаса, сразу, въ одинъ присѣсть можно бы отвести отъ церкви, отъ православія, отъ священнаго и иноческаго чина, отъ монастыря! . . .

Да и гдѣ Толстой видѣлъ у насъ на Руси такого обращеннаго монаха, гдѣ онъ слышалъ про подобныя обращенія въ социалисты старцевъ-иноковъ молоденькими барышнями? Такихъ случаевъ не было да они и немислимы! Это — голая выдумка автора — и выдумка неудачная. Неудачу эту сознавалъ и самъ Левъ Николаевичъ, ибо не напечаталъ этого, а въ слѣдующей редакціи, въ слѣдующемъ фазисѣ развитія типа монаха онъ такое неумное обращеніе откидываетъ, замѣняетъ его совсѣмъ другимъ обстоятельствомъ, тоже уводящимъ монаха изъ монастыря.

Но Толстой въ „Фальшивомъ Купонѣ“ ухватывается за убѣжденіе монаха барышнею, какъ за мотивъ, пока замѣняющій ему отброшенный уже, первый мотивъ, — мотивъ плотскаго соблазна, и въ угоду своему выше приведенному тезису, что де нельзя успокоиться въ одиночествѣ, ища цѣлей духовныхъ; поэтому де монахъ и долженъ бросить монастырь и пойти къ людямъ, въ міръ.

И такъ, и въ „Отцѣ Сергіи“, и въ „Фальшивомъ Купонѣ“ виновницею переворота въ душѣ монаха является женщина, — но тамъ въ качествѣ прелестницы-искусительницы, здѣсь же въ видѣ проповѣдницы и пробудительницы ко благу.

Дальнѣйшая судьба старца изъ „Фальшиваго Купона“ такова.

Вскорѣ послѣ посѣщенія Лизы онъ заперся въ затворъ и только черезъ три недѣли вышелъ въ церковь, служилъ и послѣ служенія сказалъ проповѣдь, въ которой каялъ себя, уличалъ міръ во грѣхѣхъ и призывалъ присутствующихъ къ покаянію.

И каждая двѣ недѣли сталъ онъ сказывать проповѣди. На эти его проповѣди съѣзжалось все больше и больше народу. И слава его, какъ проповѣдника, разглашалась все больше и шире. Было что-то особенное, смѣлое, искренное въ его проповѣдяхъ; отъ этого онъ такъ сильно и дѣйствовалъ на людей. Въ чемъ же именно эта сила сказывалась, кромѣ, какъ указашемъ на то, что де „съѣзжались“, Толстой и словомъ не обмолвился.

Какихъ дѣловъ еще далѣе этотъ бѣдовой старецъ натворилъ, мы не знаемъ, ибо глава XIV, какъ и XV-я, въ печати пропущены и замѣнены пунктиромъ. Какъ можно догадываться изъ послѣдующаго, старцу, повидимому, пришлось объясняться съ высшими князьями Церкви и чинами Св. Синода. Сказано, что послѣ бесѣды съ митрополитомъ и оберъ-прокуроромъ „старичка“ (уже не „старца!“) тотчасъ же отправили въ монастырь, но не въ свой, а въ Спасо-Евфиміевскій въ Суздалѣ (I, 111). Въ тамошней тюрьмѣ (I, 114, гл. XVIII) содержалось уже четырнадцать духовныхъ лицъ — всѣ, преимущественно, за отступничество отъ православія. Мисаилъ, отецъ-комендантъ монастыря-тюрьмы, принялъ нашего новоявленнаго демагога — по бумагѣ, и не разговаривая съ нимъ, велѣлъ помѣстить его въ отдѣльной камерѣ, какъ великаго преступника. На третьей недѣлѣ пребыванія нашего старичка въ тюрьмѣ комендантъ обходилъ содержащихся у него колодниковъ. Вошелъ онъ и къ нашему старцу и спросилъ его, не надо ли ему чего. Старичекъ, обращенный Лизою Еропкиной, задумываетъ, очевидно, обратить въ социализмъ и самого коменданта, а потому испрашиваетъ у него свиданія съ нимъ наединѣ. Тотъ, понявши изъ взгляда арестанта, что ему за себя бояться нечего, велитъ привести его къ себѣ въ келью. Оставшись со своимъ тюремщикомъ съ глазу на глазъ, демагогъ упалъ предъ нимъ на колѣни, назвалъ его братомъ и просилъ его пожалѣть самого себя: „вѣдь хуже тебя нѣтъ злодѣя“, говорилъ онъ,

„ты поругалъ все святое“. Такъ какъ въ этомъ разсказѣ Толстого нравственные и религіозные переломы свершаются въ людяхъ съ быстротою электричества, то дѣтскимъ лепетомъ Лизина крестника и тоже съ одного разу проялся и комендантъ — и вотъ погибъ въ его лицѣ еще одинъ монахъ! Не далѣе, какъ чрезъ мѣсяць архимандритъ-комендантъ уже подалъ заявленіе о необходимости освободить, какъ раскаявшихся, или воссоединившихся съ православіемъ (т. е. допуская явную и сознательную служебную и священническую ложь!), не только нашего героя, но и еще семерыхъ другихъ. Эту ложь Толстой, очевидно, считаетъ въ своей наивности важнымъ признакомъ благотворнаго перелома и возрожденія въ душѣ суздальскаго архимандрита. Налгавши вдосталь своему начальству, комендантъ самъ просится на покой. А что было съ виновникомъ его просвѣтленія, не сказано далѣе.

Редакція изданія не примѣтила прямой и неразрывной связи между „Отцомъ Сергіемъ“ и „Фальшивымъ Купономъ“ и не установила связности эволюционирующаго, но цѣлокупнаго и одинаго сюжета про монаха.

Во второй фазѣ развитія этого сюжета монахъ — уже не главное и не центральное лицо разсказа, а лишь одно изъ эпизодическихъ. Половой соблазнъ устраненъ въ „Фальшивомъ Купонѣ“ совсѣмъ, какъ предполагалъ и самъ Толстой въ записи своей относительно „Сергія“; сексуальность замѣнена славолубіемъ. Старца, мнимаго чудотворца, и очень слабаго въ убѣжденіяхъ человѣка, монахи де эксплуатировали въ собственную пользу, а онъ утѣшался своею славой и радовался ей. Это и было его искушеніемъ; отъ служенія своему любочестію воззываетъ его восторженная барышня, но не плотью своею, а экстазомъ и социалистическимъ толкованіемъ Св. Евангелія. Старецъ съ одной бесѣды подаётся, бросаетъ, подобно „Отцу Сергію“, монастырь, становится социалистическимъ, не религіознымъ демагогомъ-проповѣдникомъ. Если Сергій по собственной волѣ

— за умолчаніе своего званія — претерпѣваетъ ссылку въ Сибирь, то второй старецъ уже не довольствуется этимъ. Онъ вступаетъ въ объясненія съ высшими чинами Церкви и подпадаетъ болѣе суровой карѣ — заточенію въ ужасной памяти Суздаль-монастырь.

Такъ эволюционировалъ „Отецъ Сергій“. Но и на этомъ не остановился Л. Н. въ эволюціи своего пониманія монашества и его задачъ. И этого ему все еще мало. Монахъ, по его представленію, въ концѣ концовъ долженъ стать прямымъ революціонеромъ, практикомъ не только соціального, но и политическаго перелома, — и притомъ переворота насильственнаго. Этому долженъ былъ быть посвященъ третій очеркъ монаха — „Іеромонахъ Исидоръ“.

„Іеромонахъ Исидоръ“ есть только набросокъ начала разсказа и заключаетъ въ себѣ всего 2½ страницы. Но за то сохранился и напечатанъ въ высшей степени любопытный конспектъ всего разсказа, извлеченный изъ черновыхъ бумагъ (Ш, 219—220).

Въ „Фальшивомъ Купонѣ“ Толстой пожертвовалъ особымъ разсказомъ про монаха и сюжетъ превращенія монаха въ демагога умѣстилъ въ нѣсколько главокъ, въ летучій эпизодъ. Теперь — замѣтимъ! — послѣ революціонныхъ годовъ, уже въ 1909 г., т. е. пять лѣтъ спустя послѣ писанія „Фальшиваго Купона“ Левъ Николаевичъ опять принялся за монаха, желая его жизнь обработать опять въ видѣ отдѣльнаго разсказа, т. е. строго говоря, взялся за написаніе, согласно новаго замысла, новаго „Отца Сергія“, который, не соответствуя болѣе идеямъ автора, все продолжалъ лежать въ портфель безъ напечатанія. Но и „Іеромонаха Исидора“ Толстой не дописалъ.

Редакція опять-таки не досмотрѣла того, что „Іеромонахъ Исидоръ“ и есть начатая вторая редакція уже написаннаго „Отца Сергія“, что Сергій и Исидоръ есть одно и то же лицо, одинъ и тотъ же монахъ, только съ устрани-

ніемъ сексуальнаго мотива, что „Іеромонахъ Исидоръ“ есть уже третья фаза развитія типа монаха.

Но, если редакція не усмотрѣла и не установила въ своихъ примѣчашяхъ тождества Сергія съ Исидоромъ, то еще болѣе изумительно, что она просмотрѣла одно обстоятельство, которое уже само бросается въ глаза, и о которомъ, какъ сказано выше, мы до сихъ поръ умышленно молчали. Редакція не видѣла внутренней сцѣпленности между „Іеромонахомъ Исидоромъ“ и „Фальшивымъ Купономъ“. А вѣдь старецъ „Фальшиваго Купона“ даже и прозывается-то не какъ-либо иначе, а именно Исидоромъ же: это уже одно, чисто-внѣшнее обстоятельство, тождество имени обоихъ монаховъ давало бы вѣдь редакціи нить къ постиженію такъ же и внутренней, дѣйствительно существующей связи обоихъ рассказовъ.

Итакъ, отрѣшивши своего Сергія отъ полового соблазна, Толстой сейчасъ же и переименовываетъ его во второй фазѣ развитія типа въ Исидора. Съ этимъ же самымъ именемъ Исидора переходитъ монахъ уже и въ третью фазу своей эволюціи: „Отецъ Сергій“, заглавіе перваго рассказа, при вторичной попыткѣ написанія этого же рассказа, замѣняется заглавіемъ „Іеромонахъ Исидоръ“. Возможно предположеніе, что, если бы Л. Н. удалось написать „Исидора“, замѣняющаго собой рассказъ „Отецъ Сергій“ то онъ окончательно уничтожилъ бы уцѣлѣвшаго теперь „Сергія“. . .

„Іеромонахъ Исидоръ“ начинается тяжелымъ раздумьемъ героя рассказа во время совершенія имъ литургіи въ скитской церкви, въ моментъ передъ самымъ Причащеніемъ его Пресвятыми Тѣломъ и Кровію Христа-Бога.

Мы сразу узнаемъ въ Исидорѣ нашего стараго знакома — отца Сергія. Только теперь онъ не князь Касатскій, а князь Тверской, не командиръ лейбъ-эскадрона кирасиръ, а просто гвардіи полковникъ. Далѣе слѣдуетъ взятый изъ „Отца Сергія“ но съ сокращеніемъ — рассказъ о первоначальной удовлетворенности инока монашескимъ образомъ

жизни за первые три года. Потомъ, какъ и у Сергія, такъ и у Исидора стали повторяться часы и дни упадка духа, слабости и унынія. Старець-руководитель приказываетъ бывшему гвардейцу Исидору бороться съ этимъ уныніемъ: служить въ церкви по очереди съ братією и принимать приходящихъ. Приходящіе прямо осаждаютъ Исидора. На первыхъ порахъ и усталость при исполненіи обязанностей, и сознаніе послушанія своему старцу, и пользы, приносимой людямъ, избавляли его отъ унынія. Потомъ и это все перестало помогать.

Вопросъ о причинахъ ухода Исидора въ монастырь (неудачное сватовство у Сергія) во второмъ разсказѣ совсѣмъ обойденъ молчаніемъ. Половое искушеніе у обоихъ Исидоровъ уже удалено. Но безъ женщины и у второго Исидора тоже не обходится, какъ и у перваго въ „Фальшивомъ Купонѣ“. У перваго Исидора (изъ „Фальшиваго Купока“) была своя вдохновительница, барышня Лиза Еропкина. Теперь, во время литургіанія, нашъ (второй) Исидоръ припоминаетъ разговоръ съ одною изъ своихъ пофитительницъ, тоже исновѣдницею, какъ Лиза у перваго Исидора.

Старая дѣва, классная дама изъ института, тоже восторженная, какъ и Лиза, говорила Исидору о томъ великомъ добрѣ, какое онъ приноситъ людямъ самою своею жизнью и своими поученіями; напр., ее самое онъ де спасъ отъ невѣрія, а стало быть, и отъ гибели души. Вспоминающая эти признанія преданной ему дѣвицы, нашъ іеромонахъ ужасается тому, какъ эти слова ему польстили, какъ они порадовали его; Исидоръ попялъ, насколько эта похвала, насколько вообще слава людская важна еще, дорога ему.

Итакъ, и у этого Исидора искушеніе состоитъ въ славолюбіи, въ любочестіи, какъ и у перваго. А поскольку восторженная классная дама Исидору второму замѣняетъ восторженную же Лизу перваго Исидора, то, очевидно, что

и здѣсь женщина же подаетъ толчокъ, но не ко злу, а во благо (какъ и въ „Фальшивомъ Купонѣ“); и здѣсь — женщина, но уже не губить монаха, а наводитъ его на путь истины, вышибая его, какъ и Сергія, какъ и перваго Исидора, изъ привычной, хотя уже и прискучившей ему житейской колеи. Какъ въ первомъ фазисѣ переломъ произошелъ отъ женщины, такъ и въ прочихъ фазисахъ Толстой не могъ отдѣлаться отъ женщины, какъ виновницы перелома, хотя уже и въ иномъ смыслѣ.

Продолжая свои воспоминація, Исидоръ вспомнилъ и про льстивыя слова отца-казначея и про удовольствіе отъ словъ своего наставника и духовнаго отца, руководителя-старца, который въ немъ видѣлъ своего будущаго замѣстителя. Вспомнилъ онъ разъ за разомъ случаи, когда, забывая душу свою и Бога, онъ весь отдавался славѣ людской. И ужаснулся онъ, и сталъ молиться, прося у Бога помощи противъ соблазна. Облегченія себѣ онъ ждалъ отъ литургіи, но и она не помогла ему. Окружающіе приписывали его волненію особому, сверхъестественному религиозному настроенію. Поклонницы толпились у келіи его; но никого онъ не принялъ и заперся, какъ и первый Исидоръ послѣ бесѣды съ Лизою. Побывавъ у своего старца, Исидоръ безвыходно просидѣлъ у себя двѣнадцать дней и ничего не вкушалъ, кромѣ просфоръ. Келейникъ, поѣдая его обѣды и ужины, слышалъ его вздохи, его плачъ и громкую молитву.

На изображеніи этого момента душевнаго кризиса и обрывается „Иеромонахъ Исидоръ“.

Перейдѣмъ теперь къ упомянутому выше конспекту, по которому Толстой собирался писать этотъ рассказъ. Мы увидимъ, что выполнить онъ успѣлъ одинъ лишь первый пунктъ конспекта.

Конспектъ въ общемъ позволяетъ довольно точно представить себѣ дальнѣйшее теченіе рассказа, особенно когда мы уже установили эволюцію сюжета о монахѣ, прослѣ-

дили двѣ фазы этого развитія и знаемъ то дальнѣйшее направленіе, въ какомъ двигалась фантазія рассказчика.

Вотъ самый конспектъ.

§ 1. Служба обѣдни. Сомнѣнія. § 2. Бесѣда со старцами. Сознаніе недостаточности для себя — достаточнаго для нихъ. § 3. Опять уединеніе. Дневникъ. § 4. Мужики живутъ (sic?). Появляется Иванъ. Его хватаютъ. § 5. Тюрма, политическіе. Проповѣдь. Сестра выкупаеъ. § 6. У сестры обличаетъ. § 7. Къ революціонерамъ. § 8. Къ товарищу-начальнику. § 9. Заграницу. § 10. Къ Государю. § 11. Беретъ на себя. § 12. Казнь съ двумя разбойниками.

§ 1, какъ мы сказали, уже написанъ. §§ 2 и 3 не требуютъ дальнѣйшихъ поясненій. Интересенъ былъ бы „Дневникъ“ монаха. Очевидно, Л. Н. хотѣлъ въ этомъ „Дневникѣ“ сомнѣвающагося монаха болѣе подробно изобразить психическія его переживанія и моральную борьбу. Вызываетъ недоумѣніе § 4, особенно же фраза „Мужики живутъ“. Что это такое, и какъ понять? Не слѣдуетъ ли тутъ добавить ироническую хохлацкую фразу Екатерининскаго вѣка: „мовчатъ, бо благоденствуютъ!“ Мужики живутъ себѣ, не замѣчая всѣхъ тягостей своего матеріальнаго и нравственнаго положенія. И вотъ къ нимъ является нѣкій Иванъ и начинаетъ имъ проповѣдывать. Что это за Иванъ, откуда же онъ взялся? Читателю разсказа надлежитъ помнить, что іеромонахъ Исидоръ въ міру былъ княземъ Иваномъ Тверскимъ. Называя его здѣсь уже его мірскимъ именемъ Ивана, Толстой хочетъ дать понять, что бывшій князь уже сложилъ съ себя санъ и иноческій чинъ, ушѣлъ изъ монастыря, возвратился въ первобытное состояніе и сталъ опять прежнимъ Иваномъ. За бесѣды съ мужиками, ведущія къ пробужденію въ нихъ горькаго сознанія недовольства, Ивана хватаетъ полиція и, какъ видно изъ

§ 5, его сажаютъ въ тюрьму за политическое преступленіе. Первый Исидоръ за свои проповѣди тоже попалъ въ тюрьму, но не въ обыкновенную, а въ духовную, изъ которой освободился, обративъ въ свою вѣру отца архимандрита-коменданта. Второй Исидоръ сидитъ не въ духовной, а въ свѣтской тюрьмѣ, въ отдѣленіи политическихъ преступниковъ. Въ третьей фазѣ эволюціи сюжета о монахѣ дѣло зашло много дальше. Сидя въ одной тюрьмѣ съ политическими арестантами, Исидоръ-Иванъ, съ одной стороны, ближе знакомится съ фактическими борцами противъ существующаго строя, а съ другой — и въ узилищѣ не унимается со своими проповѣдями. Изъ тюрьмы освобождается онъ не такъ, какъ первый Исидоръ, легальнымъ путемъ, благодаря лживому удостовѣренію коменданта о мнимомъ его раскаяніи, а благодаря сестрѣ своей, которая его „выкупаетъ“, т. е. доставляетъ ему возможность выйти изъ острога, либо подкупивъ кого то изъ стражей и тюремныхъ начальниковъ, либо внеся за него залогъ и поручительство въ явкѣ его къ суду. Но, выйдя на свободу, Иванъ-Исидоръ не успокаивается (§ 6): онъ пристаётъ съ обличеніями къ тѣмъ аристократамъ, которыхъ онъ встрѣчаетъ у сестры, и которые, на его взглядъ, живутъ неправедно, — наконецъ порываетъ со всѣми, переходитъ на нелегальное положеніе и уходитъ прямо къ революціонерамъ (§ 7). Проникнувъ въ тайну ихъ организаціи, и желая выяснить себѣ существо и задачи дѣятельности революціонеровъ, Иванъ добивается свиданія съ „начальникомъ“, т. е. съ главнымъ воротилою тайнаго противуправительственнаго заговора (§ 8), окончательно имъ убѣждается и даже эмигрируетъ за границу (§ 9). Возвратясь на родину, онъ что-то пишетъ самому Государю (§ 10), и повидимому, либо самъ предаётъ себя, либо, помимо своей воли, опять попадаетъ въ руки правосудія. Тогда онъ добровольно беретъ на себя (§ 11) вину въ какомъ то важномъ политическомъ преступленіи, выгораживая тѣмъ его истинныхъ

виновниковъ, и предается смертной казни (§ 12) вмѣстѣ съ двумя разбойниками. Почему же именно съ разбойниками — и притомъ именно съ двумя! Кто поручится, что у Толстого, когда онъ набрасывалъ этотъ конспектъ, не промелькнуло кощунственной параллели? Какъ бы то ни было, Исидора казнятъ промежду двухъ разбойниковъ...

Такъ страшно закончилъ свою жизненную дорогу второй Исидоръ (Иванъ). Вотъ третья, окончательная фаза развитія сюжета о монахѣ, задуманнаго почти за двадцать лѣтъ передъ этимъ и завершеннаго не безъ вліянія событія 1905-го и послѣдующихъ годовъ, отчасти, быть можетъ, и не безъ наблюденій надъ судьбой пресловутаго монаха-демагога, печальной памяти Иліодора, нынѣ разстриги и бродяги Сергѣя Труфанова, нищенствующаго гдѣ-то въ Швеціи, кажется....

Толстому не удалось написать цѣликомъ „Іеромонаха Исидора“, хотя бы въ такомъ видѣ, какъ была обработана первая редакція того же сюжета, т. е. „Отецъ Сергій“. Читателю, не знающему разобраннаго нами конспекта и хронологіи рукописей, обрывокъ начала „Іеромонаха Исидора“ можетъ показаться просто на просто черновымъ наброскомъ къ „Отцу Сергію“: до того они сходны между собою — и однако, ихъ раздѣляетъ промежутокъ почти въ два десятка лѣтъ. „Іеромонахъ Исидоръ“ и долженъ бы былъ быть окончательною и радикальною (хотя съ дословными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повтореніями) переработкою „Отца Сергія“, но уже безъ сексуальнаго элемента и съ рѣзкимъ подчеркиваніемъ политическаго характера дѣятельности бывшаго монаха, отступника и отъ монашества, и отъ священства, и отъ Церкви, и отъ православія да, кажется, уже и отъ религіи вообще, „служащаго людямъ“ уже не обученіемъ ребятъ и не уходомъ за больными, но бомбометаніемъ . . . . .

Уцѣлѣлъ для насъ одинъ лишь „Отець Сергій“, оставленный безъ печатанія, какъ уже совершенно неудовлетворявшій самого автора и требовавшій передѣлки въ соотвѣтствіи съ полнымъ измѣненіемъ замысла. Промежуточнымъ звеномъ между Сергіемъ и Исидоромъ служить, какъ мы доказали, Исидоръ изъ „Фальшиваго Купона“, промежуточнымъ и по существу, какъ средняя фаза эволюціи сюжета, и конечно, хронологически, по времени.

Редакція изданія отмѣчаетъ, что дальнѣйшихъ работъ надъ „Отцемъ Сергіемъ“ не было. Да, конечно, не было! и не могло ихъ уже быть, ибо „дальнѣйшая эта работа“ и есть вѣдь „Иеромонахъ Исидоръ“, вторая редакція. Что Толстой не забылъ про монаха и не переставалъ его обдумывать, не переставалъ развивать сюжетъ, не переставалъ работать надъ Сергіемъ, переименовавъ его въ Исидора, — тому порукою „Фальшивый Купонъ“.

Въ видѣ заключительнаго резюме нашихъ изслѣдованій сопоставимъ теперь всѣ три фазы развитія типа монаха разомъ.

Первая фаза это „Отець Сергій“. Онъ почти всецѣло построенъ на обычномъ и банальномъ представленіи о монахѣ, какъ существѣ, непрестанно томимомъ половымъ голоданіемъ и угрожаемомъ паденіемъ со стороны женскаго соблазна. Герою взято такое лицо, котораго психологія могла быть наиболѣе близкою самому автору по его классовому и кастовому положенію, — офицеръ и баринъ, аристократъ. Указана причина, побудившая его бросить міръ, — тоже отчасти сексуальнаго характера: разочарованіе въ любимомъ существѣ и невозможность жениться такъ, какъ хотѣлось, на *virgo intacta*. Въ первой версіи дѣло Сергія кончалось паденіемъ его съ барынькою, умысленно искушавшею затворника, послѣдующимъ ея убіеніемъ и самоубійствомъ монаха, впадшаго въ атеизмъ.

Вторая, нынѣ читаемая, редакція „Отца Сергія“ рисуетъ первоначальную твердость затворника, ради преодоленія плоти отрубившаго себѣ палець и тѣмъ востор-

жествовавшего надъ соблазномъ; но тотъ же самый монахъ совершенно неожиданно и нелѣпо падаетъ съ чувственною идиоткой, купеческою дочерью, которую издалека привезли къ нему на исцѣленіе. Тогда, оставляя монастырь и Церковь, Сергій малодушно убѣгаетъ бродяжить, терпитъ, какъ безпаспортный, ссылку въ Сибирь, гдѣ приноситъ пользу ближнимъ, обучая дѣтвору и ухаживая за больными.

По мѣрѣ писанія сюжетъ разрастался и углублялся; авторъ сталъ понимать, что плотское озлобленіе и сексуальное паденіе есть нѣчто низшее, сравнительно къ другимъ соблазнами, грозящими монаху, напр., сравнительно съ сомнѣніями въ вѣрѣ или сравнительно съ желаніемъ славы отъ людей, отъ которыхъ самъ уже было отрекся при постригѣ. Толстой перестраиваетъ весь свой первоначальный замысль — и со своей новой точки зрѣнія считая уже написанный рассказъ неудовлетворяющимъ замыслу въ новой фазѣ его развитія, оставляетъ его безъ опубликованія — навсегда, — правда, послѣ неудавшейся попытки эксплуатировать рассказъ въ пользу духоборовъ, переселявшихся изъ Россіи на чужбину — въ Америку. Мотивъ тѣлеснаго соблазна оставленъ — даже самый герой переименованъ въ Исидора.

Съ точки зрѣнія читательской, однако, нельзя не пожалѣть о такой чрезмѣрной строгости Толстого къ своему собственному дѣтищу. „Отецъ Сергій“ вполне заслуживалъ печатанія — безотносительно къ эволюціи сюжета о монахѣ. Это — достаточно хорошее произведеніе и въ общемъ, и въ частностяхъ; есть много превосходныхъ мѣстъ и сценъ. „Отецъ Сергій“ замѣчательнъ, во-первыхъ, какъ превосходный историческій рассказъ, — въ началѣ, — изображающій состояніе петроградскаго общества Николаевскихъ временъ; замѣчательно обрисованы: тогдашнее увлеченіе самою личностію Николая Павловича; потомъ, напр., идеализація офицерами дѣвушекъ своей касты наряду со скотскимъ отношеніемъ къ дѣвушкамъ - крестьянкамъ и

пр. Во вторыхъ, „Отець Сергій“ хорошо рисуеть и нравы современнаго общества и даетъ психологическій анализъ, начертанный рукою гения. Наконецъ и самый типъ Сергія жизненнѣе, нежели оба Исидора.

„Отець Сергій“ разонравился самому автору и былъ имъ заброшенъ. Чутьемъ художника Толстой понималъ, что рассказъ отлился во что-то такое цѣлое и связаное, что, не губя его, нельзя было бы и переработать его. Но онъ не хотѣлъ его и уничтожить, потому что понималъ высокую художественную цѣну рассказа — и такъ, какъ онъ есть. Уничтожилъ бы рукопись Толстой развѣ лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ написалъ новый рассказъ на ту же тему, но онъ не написалъ его — и къ нашему удовольствію — „Отець Сергій“ уцѣлѣлъ и мы можемъ читать его.

Итакъ, приходилось писать про монаха заново. До этого, до писанія новаго рассказа „Іеромонахъ Исидоръ“ дѣло дошло только чрезъ 11 лѣтъ, въ 1909 г. Но сюжетъ все продолжалъ волновать фантазію автора — и вотъ вторая фаза развитія нашла себѣ выраженіе, хотя и частичное, хотя и мимолетное, въ Исидорѣ первомъ, эпизодически появляющемся во второй части „Фальшиваго Купона“. Здѣсь о происхожденіи героя и о мотивахъ поступленія его въ монастырь ничего не сказано, нѣтъ и ничего сексуальнаго. Исидоръ — слабый человѣкъ, увлекающійся людскою славой и почетомъ за свою мнимую святость, — и ловко эксплуатируемый, на взглядъ Толстого, жадными собратіями. Сомнѣніе въ правотѣ своихъ поступковъ уже давно тревожить Исидора I-го. Появленіе барышни Лизы съ социалистическимъ толкованіемъ Св. Евангелія, каковое толкованіе, по мнѣнію Толстого, должно было составлять для малообразованнаго старца новинку, дало ему послѣдній толчокъ. Старецъ начинаетъ проповѣдывать на манеръ маленькаго Савонаролы и возбуждающе дѣйствуетъ на паству. Если первый Исидоръ еще и не обращается лично къ самому Государю, какъ сдѣлалъ второй Исидоръ-Иванъ, то и онъ

имѣть объясненія съ высшими чинами церковной администраціи, послѣ чего терпитъ наказаніе, болѣе серьезное, нежели „Отець Сергій“, но все еще меньшее, нежели Исидоръ-Иванъ; его не ссылаютъ на поселеніе въ Сибирь, но и не вѣшаютъ еще: онъ попадаетъ въ заключеніе въ монастырь-крѣпость, Петропавловку духовнаго вѣдомства. Женщина (собственно, дѣвочка — Лиза Еропкина) есть, но она дѣйствуетъ на старца, хотя и лично, но не чарами плоти, а содержаніемъ своего ученія и горячностію, пылкію, искренностію изложенія своей вѣры.

Наконецъ Толстой почувствовалъ влеченіе опять заняться сюжетомъ о монахѣ въ видѣ особаго разсказа, но по новому уже замыслу — и онъ принялся за „Иеромонаха Исидора“. Чѣмъ можно, онъ пользуется при этомъ изъ перваго разсказа — изъ „Отца Сергія“. Происхожденіе монаха опять указано — и то же самое: аристократъ, офицеръ. О мотивахъ его поступленія въ иноки нѣтъ упоминанія; но не сказано ничего и о плотскихъ искушеніяхъ. Женщина есть, но она уже не играетъ прямой роли въ обращеніи на новый путь. Это — классная дама, дѣвица, благодарящая инока за ту пользу, которую онъ приноситъ всеѣмъ людямъ и ей въ особенности. Въ ней нѣтъ ничего къ Исидору, кромѣ восторженной привязанности къ своему духовному отцу и врачу ея совѣсти, прямого вліянія на Исидора она не имѣетъ, онъ только по поводу ея рѣчей вспоминаетъ о другихъ. Иного способа перелома въ монахѣ, безъ женщины, Толстой не придумалъ. Въ этомъ разсказѣ главное мѣсто отводится внутреннему духовному процессу самообличенія и раскаянія, для чего предполагалось приложить „Дневникъ“ Исидора. Сомнѣнія втораго Исидора, сначала ведутъ его, какъ и перваго Исидора, къ проповѣди, но Исидоръ второй идетъ дальне и обращается прямо въ возмутителя народа, въ опаснаго для правительства демагога, за что его запираютъ уже, не какъ еретика, въ духовную, а прямо въ политическую тюрьму. Кое-какъ изъ нея

высвободившись, Исидоръ второй обличаетъ свѣтское общество и обращается въ настоящаго революціонера и эмигранта, продѣлывая дорогу, приведшую его, хотя и за чужую вину, но на висѣлицу между двухъ разбойниковъ. . .

Выше мы уже привели двѣ записи Толстого къ „Отцу Сергію“ : 1) одинъ хорошъ, съ людьми падаетъ, т. е., другими словами, труднѣе сохранить высоту нравственности въ міру, нежели въ уединеніи (а, стало быть, монашество, какъ бѣгство отъ міра, не имѣетъ особенной цѣны) и 2) . . . (опускаемъ начало) успокоеніе только, когда человѣкъ живётъ для служенія Богу среди людей (опять-таки монашество безцѣльно!).

Для „Отца Сергія“ въ 1898 г. это житье для Бога среди людей (не по примѣру ли таинственнаго старца Θεодора Кузьмича?!) выразилось въ обученіи дѣтвора и уходѣ за больными въ Сибири; для „Іеромонаха Исидора“ — черезъ 11 лѣтъ, въ 1909 г. послѣ годовъ русской смуты служеніе Богу между людей выразилось въ уходѣ къ революціонерамъ! Это перепѣвъ старой Некрасовской темы: „отъ ликующихъ, праздно болтающихъ, омывающихъ руки въ крови — уведи меня въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви!“.

Обработка сюжета о монахѣ связывалась, повидимому, у Льва Николаевича съ разрѣшеніемъ теоретической задачи о значеніи монашества, какъ христіански-религіознаго института. Отрицательному его взгляду на монашество удивляться нельзя, если вспомнимъ его „записи“, выражающія постепенно выработавшееся въ немъ убѣжденіе, что монашество не разрѣшаетъ задачи о служеніи Богу и людямъ. Побораніе монашества въ разказахъ „Отецъ Сергій“ и „Іеромонахъ Исидоръ“, показывающихъ разочарованіе въ монашескомъ дѣланіи, быть можетъ, составляло въ Толстомъ одинъ изъ элементовъ его общаго похода на православную Церковь.

Изъ приведеннаго рѣшенія проблемы о монашествѣ явствуетъ, что Толстому, не смотря на несомнѣнно прису-щія его собственному характеру нѣкоторыя аскетическія струны, въ общемъ остались чужды тѣ настроенія и тѣ переживанія, которыя влекли людей въ пустыню и въ иноческій санъ. Вѣдь не неудачное же сватовство вело въ монахи и отшельники Святыхъ Сергія Радонежскаго и Іоанна Дамаскина ¹⁾ . . .

Притомъ Левъ Николаевичъ, конечно, и не былъ бы въ правѣ дѣлать изъ взятаго имъ примѣра какія бы то ни было обобщенія. Этотъ примѣръ близокъ душѣ автора, но онъ черезчуръ исключителенъ: гвардейскіе — офицеры-князья не каждый день становятся монахами, такіе случаи бываютъ одинъ на двадцать тысячъ офицеровъ, а пожалуй, и на большее ихъ число. Что же такой примѣръ можетъ доказывать противъ монашества вообще? Но и въ этой узкой сферѣ монашества, какъ пути удаленія изъ міра гвардейскихъ офицеровъ, рецептъ Толстого воистину ужасенъ. Болѣе жизненъ и, скажемъ, естественъ былъ бы уже тотъ исходъ, къ какому прибѣгнулъ „Отецъ Сергіи“. Не вслѣдствіе ли сознанія исключительности случая и его малой доказательности и остался „Іеромонахъ Исидоръ“ недописаннымъ, оборвавшись на третьей страницѣ? Не это ли сознаніе, не смотря на двадцать лѣтъ размышленія, помѣшало Толстому выполнить столь интересовавшую его задачу?

Въ общемъ нельзя не признать, что Толстой не совладалъ съ сюжетомъ о монашествѣ, хотя попытка, имъ самимъ забракованная, была еще наиболѣе удачною („Отецъ Сергіи“).

По отношенію къ монашеству возможны были два пути: стать либо простымъ его бытописателемъ, либо изобразите-

---

1) Другой Толстой, Алексѣй Константиновичъ, повидимому, понималъ это лучше.

лемъ его идеальныхъ задачъ. Стать бытописателемъ русскаго монашества (какъ отчасти сдѣлалъ Лѣсковъ въ книгѣ „Мелочи архіерейской жизни“) Толстой не могъ, ибо со-всѣмъ не зналъ русскихъ монаховъ да и никакихъ вообще, слишкомъ поздно заинтересовался ихъ бытомъ, не имѣлъ средствъ и возможности изучать эту жизнь и органически не понималъ тѣхъ мотивовъ, каіе влекли и донынѣ еще влекутъ нѣкоторыхъ людей въ иночество. Онъ сдѣлалъ, однако, попытку бытописанія монашеской жизни, конечно, съ тенденціозною цѣлью показать при этомъ и нераціональность иночества. Чтобы извернуться, въ виду незнапія монашеской жизни и монашеской психологіи, Толстой беретъ монаха не рядового, не простого, а такого, который былъ бы ему самому наиболѣе близокъ и понятенъ, монаха изъ офицеровъ. Пока Толстой стоялъ на фактахъ ему извѣстныхъ, пока онъ вращался въ чувствахъ, ему знакомыхъ или, по крайней мѣрѣ, доступныхъ, онъ могъ съ помощью своего могучаго таланта изобрѣтать ситуаціи реальныя, жизненныя, или хоть правдоподобныя; такъ онъ со-здалъ „Отца Сергія“.

Все, чѣмъ хорошъ „Отець Сергіи“, описываетъ не монастырь и не монаховъ. Психологія монаха здѣсь упрощенная: случайно Сергіи попалъ въ монастырь, не по серьезному нравственному побужденію и влеченію, а съ досады и разочарованности; случайно же онъ и бросаетъ монастырь; не подвергшись искустельницы, онъ бы продолжалъ монашествовать; неудовлетворенность его — изменная, на сексуальной почвѣ съ позднѣ присоединяющимися мотивами сомнѣпія и любочестія.

Создавъ „Отца Сергія“, Толстой понялъ его недоказательность въ смыслѣ неудовлетворительности монашества вообще, какъ служенія Богу. Уничтожить „Отца Сергія“, какъ нѣчто цѣлое и въ своемъ родѣ удачное (хотя и не въ томъ родѣ, въ какомъ хотѣлъ авторъ), было жаль и Л. Н. подумывалъ его напечатать, хотя и не рѣшился. Но

назначенія своего „Отецъ Сергій“ не выполнилъ, и надо было писать снова да забирать сюжетъ и психологію героев поглубже. Надо было дать болѣе серьёзное и широкое описаніе монастырскаго быта (что, вѣроятно и предполагалось дать въ „Дневникъ“ Исидора); съ другой стороны, Толстой уразумѣлъ, что монахи падаютъ не только въ объятіяхъ прелестницъ, что такое паденіе ихъ банально и доказываетъ нѣчто не противъ монашества вообще, а только противъ самаго падшаго монаха, какъ недостойно взявшаго на себя чинъ и санъ. Приходилось затрогивать болѣе глубокія струны человѣческой души. Передъ обѣими задачами, о которыхъ мы говорили, Толстой сплеховалъ. Изобразить день за день монашескую жизнь со всѣми ея мелочами, какъ это нужно было бы для „Дневника“, у него не хватало матеріала. Изобразить психологію монаха, приводящую его въ ряды революціонеровъ, тоже не удалось; реальнаго матеріала не было и быть его не можетъ, писать голую выдумку было бы смѣхотворно — и великое чутье гениальнаго беллетриста не позволяло ему этого. Уже первое затрудненіе пришлось ему обойти просто молчаніемъ, а именно вопросъ о причинахъ, приведшихъ Исидора-Ивана въ монахи. А вѣдь этотъ вопросъ до извѣстной времени уже предрѣшаетъ вопросъ о причинахъ неудовлетворенности (не нанли того, чего искали), а отчасти вопросъ о причинахъ ухода изъ монаховъ; и вотъ на первый же вопросъ — у Толстого отвѣтъ: молчаніе. Развязка — повѣшеніе монаха, какъ политическаго убійцы или бомбометателя (вѣшаютъ лишь за самыя тяжкія преступленія противъ личности и собственности), тоже была кричащею и не заключала въ себѣ никакихъ элементовъ реальности. Въ концѣ концовъ пришлось сложить оружіе и оставить сюжетъ о монашествѣ въ покоѣ. И гевій имѣетъ свои предѣлы!

Б. А. Бобровъ.

Содержаніе XVIII—XXII томовъ
Сборника Учено-Литературнаго Общества
 при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ.

Томъ XVIII (1911).

	Стр.
Отчетъ о дѣятельности Общества за 1909—1910 г.	VII—XVIII
1. Н. К. Грунскій. О трудахъ А. А. Потебни по русскому синтаксису	1
2. В. В. Богачевъ. Игра природы и творческая сила земли	81
3. Проф. Е. А. Вобровъ. Изъ исторіи новой педагогикѣ	139—218
Приложеніе. Изъ университетской лѣтописи 1910—1911 г.	1—32

Томъ XIX (1912).

Протоколь открытаго засѣданія Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ 8 ноября 1911 г., по случаю 200-лѣтія со дня рожденія М. В. Ломоносова. (Съ портретомъ М. В. Ломоносова):

Слово дѣйствительнаго члена Общества протоіерея профессора А. С. Царевского . . . . . I—IV

Сообщеніе дѣйствительнаго члена Общества В. В. Богачева: Ломоносовъ — первый русскій геологъ . . . . . V—XXVIII

1. П. Г. Рудкій. Ревнитель просвѣщенія Петръ Яковлевичъ Шамаевъ. (Съ его портретомъ)	1
2. Г. Г. Сумаковъ. Новая Земля и ея обитатели	29
3. Проф. Е. А. Вобровъ. Генетическая логика	61
4. Проф. М. Красноженъ. Общія основы церковнаго права, его источники и ихъ исторія	81
5. Проф. Е. А. Вобровъ. Педагогическіе этюды	147—212
Приложеніе. Изъ университетской лѣтописи 1911 г.	1—35

Томъ XX (1913).

Отчетъ о дѣятельности Общества за 1910—1911 г.	VII—XIV
за 1911—1912 г.	XV—XXIV

	Стр.
1. Проф. Н. К. Грунскій. Педагогическіе взгляды Л. Н. Толстого	1
2. Проф. М. Красноженъ. Библиографическія замѣтки . . .	42
3. С. П. Сахаровъ. О Предсоборномъ Присутствіи. Труды второго и третьяго отдѣловъ	77
4. Проф. М. Е. Красноженъ. Церковное устройство и управ- леніе. I. Устройство православной церкви	147—188
1. Н. К. Грунскій. Русскій языкъ	1—53
2. Изъ университетской лѣтописи 1911—1912 г.	1—40
1912—1913 г.	1—36

Томъ XXI (1915).

1. Проф. М. Е. Красноженъ. Судьбы Македоніи	1
2. Проф. В. Г. Алексѣевъ. Къ вопросу объ образовательномъ значеніи курса теории вѣроятностей для средне-учебныхъ заведеній	5
3. Проф. Н. К. Грунскій. Изъ области новѣйшихъ теченій въ русской педагогической литературѣ	9
4. Проф. М. Е. Красноженъ. Церковное устройство и управ- леніе. I. Устройство православной церкви	85
5. С. П. Сахаровъ. О Предсоборномъ Присутствіи. Труды четвертаго отдѣла Предсоборнаго Присутствія	157
6. Проф. Н. К. Грунскій. Изъ области дидактическихъ опытовъ Приложенія.	197—238
1. Проф. Н. К. Грунскій. Указатель педагогической лите- ратуры	I—LVIII
2. Изъ университетской лѣтописи 1913—1914 г.	1—40
1914—1915 г.	1—44
3. Стихотворенія М. А. Поздравленіе съ юбилеемъ. Къ назна- ченію въ Вильно	

Томъ XXII (1916).

Отчетъ о дѣятельности Общества за 1913—1914 г.	VII—XII
за 1914—1915 г.	XIII—XXII
1. Проф. Н. К. Грунскій. Характеръ нашихъ руководствъ по педагогикѣ и желательныя измѣненія въ этихъ руко- водствахъ	1
2. Проф. Е. А. Бобровъ. Изъ исторіи французской педаго- гики (Рабле, Монтань, Руссо)	19
3. Проф. М. Е. Красноженъ. Церковное управленіе	67
4. Проф. Е. А. Бобровъ. Къ исторіи одного сюжета въ по- вѣстяхъ гр. Льва Толстого	149—178
Приложеніе. Изъ университетской лѣтописи 1915—1916 г.	1—34

Изъ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЛѢТОПИСИ.

1915—1916.

СОДЕРЖАНІЕ.

Пріемъ Государемъ Императоромъ профессоровъ русской исторіи и русскаго права.

Всеподаннѣйшій адресъ профессоровъ русской исторіи и русскаго права. Пустующія кафедры.

Правительственныя распоряженія.

Проектъ новаго университетскаго устава.

Университетская Лѣтопись.

Учебное дѣло.

Юбилей: 1. А. С. Лаппо-Данилевскаго. 2. А. П. Рождественскаго. 3. В. Г. Рождественскаго. 4. В. Н. Сиротинина. 5. Г. И. Челпанова. 6. П. П. Граве.

Некрологи: М. Н. Никифоровъ †. М. О. Хандриковъ †. В. А. Тихомировъ †. И. И. Кауфманъ †. С. И. Чирьевъ †. В. К. Ротъ †. А. В. Григорьевъ †. А. И. Воейковъ †. Е. И. Павловъ †.

Пріемъ Государемъ Императоромъ профессоровъ русской исторіи.

24 мая 1915 года въ Царскомъ Селѣ Его Императорскому Величеству имѣли счастье представляться профессоры русской исторіи и русскаго права Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ, собиравшіеся въ Москвѣ для обсужденія вопросовъ объ устройствѣ періодическихъ съѣздовъ русскихъ историковъ. Во время представленія присутствовалъ Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Игнатъевъ. Профессоръ Любавскій, обратившись къ Его Императорскому Величеству, прочелъ всеподаннѣйшій адресъ съ выраженіемъ вѣрноподанническихъ чувствъ любви и преданности. Адресъ заканчивался всеподаннѣйшимъ ходатайствомъ о всемилостивѣйшемъ разрѣшеніи связать съ Высочайшимъ Его Величества Именемъ возникновеніе въ Россіи новаго установленія — періодическихъ съѣздовъ русскихъ историковъ. Государь Императоръ изволилъ отвѣтить въ слѣдующихъ милостивыхъ выраженіяхъ:

„Сердечно благодарю васъ, господа, за вниманіе, которое вы Мнѣ оказали, и съ особымъ удовольствіемъ изъявляю Свое согласіе на присвоеніе періодическимъ

историческимъ съѣздамъ Моего Имени. Вѣрю вмѣстѣ съ вами, что послѣ великой, грозной и тяжелой войны Россія еще болѣе окрѣпнетъ и что, съ развитіемъ ея внутренней жизни, и дорогая Намъ съ вами наука русской исторіи и русскаго права пойдетъ впередъ вѣрными и бодрыми шагами. Еще разъ благодарю васъ, господа“.

Затѣмъ Государь Императоръ продолжительное время изволилъ бесѣдовать съ русскими профессорами и отбылъ во внутренніе покои.

Всеподданнѣйшій адресъ профессоровъ русской исторіи и русскаго права.

Всемиловѣннѣйшій Государь! Волею Господнею русской народъ въ царствованіе Вашего Императорскаго Величества поднялся на высоту своего историческаго призванія. По зову своего Монарха, какъ одинъ человѣкъ, возсталъ онъ за освобожденіе отъ тевтонскаго ярма своихъ братьевъ-славянъ, на защиту собственнаго достоинства и чести и возстановленіе поруганныхъ началъ права и справедливости въ международныхъ отношеніяхъ. Близятся къ разрѣшенію очередныя великія задачи Россіи, постановленныя ей исторіей, исполняются завѣты ея прошлаго и открываются перспективы свѣтлаго будущаго.

Въ эти знаменательные историческіе дни мы, профессора русской исторіи и русскаго права въ Россійскихъ Университетахъ, слѣдившіе за внѣшними судьбами нашего отечества и за ходомъ его внутренняго государственнаго и гражданскаго развитія, съ особой силой почувствовали и съ особой ясностью сознали великое значеніе совершившагося доселѣ національнаго воспитанія русскаго народа. Усиліями многихъ вѣковъ, многихъ поколѣній государственныхъ, общественныхъ, литературныхъ и научныхъ дѣятелей совершалось это національное воспитаніе, прояснялось народное самосознаніе, развивалось чувство національнаго достоинства и укрѣплялась стихійная любовь къ отечеству.

При обозрѣніи этихъ силъ наши взоры съ глубокимъ умиленіемъ останавливаются на Вашей дѣятельности, Великой Государь. Призвавъ Свой народъ, въ лицѣ выборныхъ представителей, къ участию въ государственномъ домостроительствѣ, Ваше Императорское Величество тѣмъ самымъ сообщили новую дѣйственную силу русскому національному чувству и сознанию. Эта дѣйственная сила ярко выразилась нынѣ въ заявленіяхъ и постановленіяхъ законодательныхъ учреждений, въ заявленіяхъ и дѣятельности многообразныхъ государственныхъ и общественныхъ организацій, въ патріотическомъ одушевленіи и готовности къ жертвамъ широкихъ народныхъ массъ. Чувство, сознание и воля русскаго народа слились нынѣ воедино и въ тѣсномъ, неразрывномъ соединеніи съ чувствомъ, сознаниемъ и волею Монарха направились нынѣ къ совершенію великихъ дѣлъ, великаго историческаго подвига.

Раздѣляя со всѣмъ русскимъ обществомъ, со всѣмъ русскимъ народомъ благодарное признаніе этого великаго дѣянія Вашего Императорскаго Величества, мы, русскіе ученые, работающіе въ области русской исторіи вообще и исторіи русскаго права — въ частности, испытываемъ нынѣ душевную, сердечную потребность благодарно засвидѣтельствовать и о той сторонѣ Вашего мощнаго содѣйствія дѣлу русскаго національнаго воспитанія, которая близко соприкасается съ нашею спеціальною научною дѣятельностью. Среди своихъ многочисленныхъ царственныхъ заботъ и трудовъ Ваше Императорское Величество всегда удѣляли любовное вниманіе отечественной исторіи, лицамъ, дѣяніямъ и памятникамъ мннувшихъ временъ. Въ лицѣ Вашего Императорскаго Величества наука русской исторіи имѣетъ Высокаго Покровителя, неустанно пекущагося о сохраненіи ея памятниковъ и разработкѣ ихъ, а русскіе историки имѣютъ своего Царственнаго духовнаго Вождя, подающаго имъ высокій примѣръ глубокаго уваженія ко всѣмъ памятникамъ русской исторической жизни, ко всѣмъ проявленіямъ русскаго національнаго гения въ словѣ, образахъ и дѣйствіи, Своимъ живымъ интересомъ, одобреніемъ и содѣйствіемъ ведущаго ихъ на усердную и дружную работу на полѣ отечественной исторіи.

Великій Государь! Дерзаемъ думать, что ничѣмъ другимъ мы не сможемъ отвѣтить на всѣ эти щедроты Вашего любвеобильнаго духа, какъ только усиленіемъ нашей научной дѣятельности. Въ прошедшемъ 1914 году, по указанію Вашего Императорскаго Величества, собирався съѣздъ представителей губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій для выясненія ихъ нуждъ, очередныхъ задачъ и объединенія ихъ дѣятельности. Въ этомъ съѣздѣ мы увидали предуканіе Вашего Императорскаго Величества, что надо дѣлать и намъ, профессорамъ и преподавателямъ учебныхъ заведеній и членамъ ученыхъ историческихъ Обществъ. Собравшись въ стѣнахъ старѣйшаго въ Россіи Московскаго Университета, мы, профессора русской исторіи и исторіи русскаго права, пришли къ мысли связать со славнымъ Именемъ Вашего Императорскаго Величества возникновеніе въ Россіи новаго установленія — періодическихъ съѣздовъ русскихъ историковъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, имѣющихъ созываться черезъ каждыя пять лѣтъ въ университетскихъ городахъ по очереди, и въ обмѣнѣ изысканіями и мнѣніями объединять всѣхъ ученыхъ, работающихъ въ разныхъ отрасляхъ русской исторіи и соприкасающихся съ нею дисциплинъ.

Повергая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства безпредѣльной любви и преданности, всеподданнѣйше просимъ Васъ, Всемиловивѣйшій Государь, благословить и утвердить это наше начинаніе и тѣмъ дать намъ возможность запечатлѣть достойно и навсегда особое благоволеніе и покровительство Вашего Императорскаго Величества разработкѣ науки русской исторіи.

Пустующія каѳедры.

Министерство Народнаго Просвѣщенія предложило ректорамъ университетовъ безотлагательно озаботиться замѣщеніемъ пустующихъ каѳедръ. Въ составленномъ въ Министерствѣ списокѣ значится, что, кромѣ 12 каѳедръ, остающихся вакантными въ Петроградскомъ университетѣ, свободныя каѳедры имѣются въ слѣдующихъ университетахъ: въ Московскомъ, на юридическомъ факультетѣ, — одна эк-

страординарнаго и 3 ординарнаго профессора, на историко-филологическомъ факультетѣ — 5 каѳедръ, на физико-математическомъ — 5 каѳедръ, всего 14 каѳедръ; въ Казанскомъ университетѣ: на историко-филологическомъ — 7 каѳедръ, на физико-математическомъ и на медицинскомъ — по 5 каѳедръ, на юридическомъ — 9 каѳедръ, — всего 26 каѳедръ; въ Юрьевскомъ университетѣ — 15 каѳедръ, въ Киевскомъ: на юридическомъ факультетѣ — 4, на историко-филологическомъ — 6, на медицинскомъ — 6, всего 16 каѳедръ; въ Новороссійскомъ университетѣ 15 каѳедръ; въ Томскомъ — 7 и въ Николаевскомъ университетѣ, въ Саратовѣ, 1 каѳедра. Всего, такимъ образомъ, въ Россійскихъ университетахъ въ настоящее время вакантны, и болѣе, чѣмъ въ продолженіе года не замѣщаются, 106 каѳедръ.

До сихъ поръ чтеніе лекцій по этимъ вакантнымъ каѳедрамъ поручалось представителямъ другихъ каѳедръ или приватъ-доцентамъ. Такое временное порученіе, по закону, не должно продолжаться болѣе одного года; между тѣмъ, въ Петроградскомъ университетѣ каѳедры пустуютъ по нѣскольку лѣтъ. — Въ виду этого, ректорамъ университетовъ предложено сообщить Министерству, имѣетъ ли въ виду совѣтъ университетовъ принять, со своей стороны, мѣры къ обезпеченію перечисленныхъ каѳедръ штатными преподавателями, а также поставить Министерство въ извѣстность, въ какомъ положеніи находится вопросъ о замѣщеніи тѣхъ каѳедръ, которыя разрѣшено было въ свое время замѣстить путемъ рекомендаціи кандидатомъ соответствующими факультетами.

Правительственныя распоряженія.

Товарищу Министра Народнаго Просвѣщенія ординарному профессору Императорскаго Училища Правовѣдѣнія состоящему въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ доктору международнаго права дѣйствительному статскому совѣтнику барону Таубе всемилостивѣйше повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставленіемъ въ должности ординарнаго профессора Императорскаго Училища Правовѣдѣнія и въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и съ производствомъ въ тайные совѣтники.

Попечителю Одесскаго учебнаго округа гофмейстеру Смольяни-

нову всемилостивѣйше повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставшемъ гофмейстеромъ.

Попечителю Петроградскаго учебнаго округа доктору медицины тайному совѣтнику Кульчицкому всемилостивѣйше повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ.

Переменяются: попечители учебныхъ округовъ: Кіевскаго, докторъ греческой словесности, тайный совѣтникъ Деревицкій, Оренбургскаго, тайный совѣтникъ Тихомировъ и Казанскаго докторъ гражданскаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ Базановъ — попечителями учебныхъ округовъ: Деревицкій — Оренбургскаго, Тихомировъ — Западно-Сибирскаго и Базановъ — Кіевскаго.

Увольняется попечитель Западно-Сибирскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фонъ-Гейфманъ — согласно прошенію, по болѣзни.

Заслуженному ординариому профессору Императорскаго Харьковскаго университета, врачу-консультанту Харьковскаго института Императрицы Маріи Ѳеодоровны, доктору медицины, дѣйствительному статскому совѣтнику Ломиковскому Всемилостивѣйше повелѣно быть попечителемъ Казанскаго учебнаго округа.

Ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ уголовного права, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пусторослевъ утверждается ректоромъ того же университета, согласно избранію, на три года.

Циркуляры за Министра Народнаго Просвѣщенія Товарища Министра В. Щевякова попечителямъ учебныхъ округовъ.

1. (27 сентября 1915 г. № 34649.)

Изъ поступающихъ нынѣ въ Министерство ходатайствъ усматривается, что въ нѣкоторыхъ университетахъ бывшіе слушатели медицинскихъ факультетовъ иностранныхъ университетовъ, психо-неврологическаго института и Юрьевскихъ частныхъ университетскихъ курсовъ зачислены противъ ихъ желанія или на другіе факультеты, или же на первый курсъ медицинскихъ факультетовъ, несмотря на наличіе у нихъ должныхъ удостовѣреній о послушанныхъ курсахъ и даже о сдачѣ просителями полулѣкарскихъ экзаменовъ.

Принимая во вниманіе, что, согласно циркулярному распоряженію отъ 13 августа сего года, должны быть приняты всѣ зависящія отъ университетовъ мѣры для ускоренной подготовки врачей не только къ веснѣ 1916 г., но и для выпусковъ слѣдующихъ лѣтъ, Министерство считаетъ не целесообразнымъ совершенно не принимать во вниманіе ту подготовку, которую получили означенныя лица по медицинѣ, такъ какъ, даже въ случаѣ неполнаго соответствія пройденнаго просителемъ курса съ курсами медицинскихъ факультетовъ, послѣдніе въ порядкѣ статьи 470, т. XI, ч. I Св., Зак., изд. 1893 г. могли бы возстановить ихъ соответствіе путемъ присоединенія неприслушанныхъ ими курсовъ къ занятіямъ на слѣдующихъ семестрахъ. Что же касается повѣрки знаній, если таковая будетъ признана необходимой, то для сего факультеты могли бы назначать такимъ лицамъ

въ теченіе или въ концѣ первой половины года повѣрочные экзамены. Распредѣленіе такихъ лицъ по разнымъ курсамъ медицинскихъ факультетовъ имѣетъ еще и то преимущество, что нѣсколько разрѣшаетъ особенно переполненные 1-й и 2-й курсы.

Вслѣдствіе сего прошу ваше превосходительство предложить правленію университета и медицинскихъ факультетовъ пересмотрѣть дѣла бывшихъ слушателей медицинскихъ факультетовъ иностранныхъ и русскихъ учебныхъ заведеній и перевести ихъ на указанныхъ выше условіяхъ на медицинскій факультетъ на тѣ курсы, на которые они могутъ быть зачислены, на основаніи полученной ими медицинской подготовки.

2. (29 сентября 1915 г. № 34650).

Принявъ во вниманіе, что, согласно точному смыслу ст. 35 прилож. къ ст. 617 уст. врачбн., изд. 1905 г., потребныя свидѣтельства о выполненіи въ казенной или частной аптекѣ 3-лѣтняго аптекарскаго стажа требуются отъ аптекарскихъ помощниковъ, желающихъ экзаменоваться на степень провизора лишь при допущеніи къ экзаменамъ на помянутую степень, но не при поступленіи этихъ лицъ во врачбн.-учебное заведеніе для выслушанія полного курса наукъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ управленіемъ главнаго врачбнаго инспектора, признало возможнымъ допустить въ слушатели фармацевтическихъ курсовъ при Императорскихъ университетахъ аптекарскихъ помощниковъ безъ предварительнаго отбытія этими лицами установленнаго трехлѣтняго аптекарскаго стажа съ тѣмъ, однако, чтобы указанный стажъ былъ выполненъ ими до начала испытаній на степень провизора и при соблюденіи прочихъ условій приема.

Объ изложенномъ увѣдомляю ваше превосходительство для зависящихъ распоряженій.

Подписаль за Министра Народнаго Просвѣщенія Товарищъ Министра В. Ш е в я к о в ъ.

Циркуляръ Министра Народнаго Просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ

(отъ 19 ноября 1915 г.)

На основаніи дѣйствующихъ правилъ о производствѣ испытаній въ комиссіяхъ, образуемыхъ при университетахъ, управляемыхъ на основаніи устава 1884 г., означенныя испытанія производятся въ строки, устанавливаемые Министромъ Народнаго Просвѣщенія, причемъ, согласно установившейся практикѣ, таковыми сроками являются конецъ весенняго полугодія (съ 15 апрѣля по 1 іюня) и начало осенняго (съ 1 сентября по 15 октября). Между тѣмъ, значительное число лицъ, имѣющихъ право подвергаться испытаніямъ въ комиссіи и пользующихся для сего отсрочками по отбыванію воинской повинности или по призыву въ войска, заинтересованы въ скорѣйшемъ полученіи университетскаго диплома, дабы засимъ приступить къ исполненію своего гражданскаго долга; затѣмъ, въ послѣднее время въ Министерство поступаютъ ходяйства отъ лицъ, находящихся уже на военной службѣ, но получившихъ болѣе или менѣе продолжительный отпускъ, о предоставленіи имъ возможности использовать это время для держанія экзаменовъ; нако-

нець, общая обстановка переживаемаго времени, лишаящая нужныхъ для подготовки къ столь серьезному испытанію спокойствія и сосредоточенности, вызываетъ необходимость въ удлиненіи общаго срока испытанія. По симъ соображеніямъ Министерство признало необходимымъ предоставить испытуемымъ возможныя льготы, которыя, не понижая экзаменаціонныхъ требованій, вмѣстѣ съ тѣмъ облегчали бы имъ достиженіе намѣченной цѣли.

Въ этихъ видахъ, на предстоящій 1916 г. вводятся нижеслѣдующія измѣненія въ дѣйствующемъ порядкѣ производства испытаній въ комиссіяхъ :

1) Испытательныя комиссіи назначаются съ 1 февраля по 1 декабря 1916 г. Общія собранія комиссій и засѣданія отдѣльныхъ экзаменныхъ комитетовъ назначаются предсѣдателями комиссій, по мѣрѣ надобности, съ перерывомъ въ теченіе лѣтняго времени съ 1 іюня по 1 сентября, а для медицинскихъ комиссій съ 15 іюня по 1 сентября.

2) Допущенные къ испытаніямъ имѣютъ право подвергаться имъ въ теченіе всего указаннаго срока, за исключеніемъ лицъ, пользующихся отсрочками по отбыванію воинской повинности или же получившихъ отсрочку для явки въ войска. Лица этой категоріи обязаны закончить испытанія въ слѣдующіе сроки: а) получившія выпускныя свидѣтельства по окончаніи текущаго осенняго полугодія и ранѣе — до 1 іюня 1916 г., б) имѣющія получить выпускное свидѣтельство по окончаніи весенняго полугодія 1916 г. — до 1 декабря 1916 г. и в) лица, допущенныя на основаніи ст. 479 т. XI, ч. I, Св. уч. учр., къ испытаніямъ въ качествѣ экстерновъ — въ сроки, которые имъ для сего будутъ предоставлены.

3) Изъ состава предметовъ испытаній въ комиссіи переносятся на полукурсовыя испытанія слѣдующіе предметы :

А. По физико-математической комиссіи.

а) По математическому отдѣленію :

1) теорія чисель, 2) метеорологія, 3) сферическая астрономія.

б) По естественному отдѣленію физико-математическаго факультета :

1) по физической географіи съ метеорологіей.

Б. По историко-филологической комиссіи.

а) По классическому отдѣленію :

1) исторія античнаго искусства.

б) По историческому отдѣленію историко-филологическаго факультета :

1) исторія новой философіи ;

в) по романо-германскому отдѣленію :

1) исторія новой философіи ;

г) по славяно-русскому отдѣленію :

1) сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ.

Кромѣ того, отмѣняются письменныя испытанія.

В. По юридической комиссіи :

1) римское право, 2) финансовое право, 3) административное право и, 4) сверхъ того, торговое или международное право, по выбору студента.

Г. По медицинской комиссіи :

Объ измѣненіи состава испытаній на степень лѣкаря послѣдуетъ особое распоряженіе.

4) Лица, имѣющія зачетъ VI семестровъ и прослушавшія курсы VII и VIII семестровъ, но не сдавшія всѣхъ предметовъ полукурсового испытанія, могутъ, по постановленію факультетовъ, получать выпускныя свидѣтельства съ перенесеніемъ экзаменовъ по несданнымъ предметамъ въ комиссію.

5) Испытуемому, обнаружившему на испытаніи недостаточныя познанія, соотвѣтственный экзаменъ комитетъ назначаетъ на новый срокъ для испытанія по данному предмету въ предѣлахъ общаго срока, въ теченіе коего онъ долженъ закончить испытанія; не выдержавшимъ испытанія считается лицо, которое въ теченіе означеннаго срока не закончитъ испытанія или обнаружитъ неудовлетворительныя познанія. Такое лицо въ слѣдующей комиссіи обязано вновь повторить испытанія по всѣмъ предметамъ, причемъ въ уважительныхъ случаяхъ и на основаніи общей совокупности экзаменныхъ данныхъ, содержащихся въ протоколахъ предыдущей комиссіи, новая комиссія можетъ принимать къ зачету тѣ или иныя отмѣтки, полученныя въ предшествующей комиссіи. Постановленія о семъ комиссіи признаются окончательными и обжалованію не подлежатъ.

6) Для полученія диплома 1-й степени требуется: а) чтобы болѣе $\frac{1}{2}$ отмѣтокъ полукурсового испытанія были оцѣнены отмѣткой „весьма удовлетворительно“, б) чтобы болѣе $\frac{1}{2}$ отмѣтокъ по предметамъ окончательнаго испытанія также были оцѣнены отмѣткой „весьма удовлетворительно“ и в) чтобы сочиненіе было признано, по крайней мѣрѣ, удовлетворительнымъ.

При равномъ числѣ удовлетворительныхъ и весьма удовлетворительныхъ отмѣтокъ дипломъ 1-й степени присуждается, если сочиненіе будетъ признано весьма удовлетворительнымъ.

7) Лица, удовлетворяющія, по полученнымъ ими отмѣткамъ, требованіямъ для полученія диплома 1-ой степени, но не представившія сочиненія въ теченіе дѣйствія данной комиссіи, получаютъ дипломъ 2 степени съ оговоркою, что они могутъ представить такое въ одну изъ слѣдующихъ комиссій. Эта комиссія, не повторяя испытанія, ограничивается лишь собесѣдованіемъ по содержанію представленнаго сочиненія или другихъ письменныхъ работъ и на основаніи качества работы и обнаруженныхъ на собесѣдованіи знаній — можетъ присудить данному лицу дипломъ 1-ой степени.

8) Предсѣдателями комиссій на сессію 1916 г. назначаются деканы подлежащихъ факультетовъ, а дѣлопроизводство возлагается на канцелярію университета, съ отнесеніемъ вызываемыхъ симъ расходовъ на кредитъ, назначаемый на канцелярскіе расходы испытательныхъ комиссій.

Въ виду установленія настоящихъ правилъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія проситъ попечителей учебныхъ округовъ предложить факультетамъ назначить въ концѣ настоящаго учебнаго полугодія и не позднѣе 20 января 1916 г. сроки для производства полукурсовыхъ испытаній, съ включеніемъ въ ихъ составъ тѣхъ предметовъ, которые, на основаніи настоящихъ правилъ, перенесены въ составъ предметовъ полукурсового испытанія, и наблюсти, чтобы всѣмъ студентамъ, выполнившимъ требованія для полученія выпускныхъ свидѣтельствъ, таковыя были незамедлительно выданы, а равнымъ образомъ, чтобы были выданы таковыя свидѣтельства въ порядкѣ § 4 настоящихъ правилъ и тѣмъ изъ студентовъ, прослушавшихъ 8 семестровъ, у которыхъ заканчивается предѣльный срокъ пребыванія въ университетѣ или срокъ имѣющихся у нихъ отсрочекъ по отбыванію воинской повинности.

Къ сему Министръ считаетъ нужнымъ добавить, что исправленныя и дополненныя, согласно настоящему распоряженію, общія для всѣхъ университетовъ правила объ испытаніяхъ въ комиссіяхъ будутъ сообщены дополнительно.

Въ настоящее время Министерство Народнаго Просвѣщенія признало цѣлесообразнымъ распространить этотъ порядокъ получения дипломовъ первой степени и на тѣхъ лицъ, которыя подвергались испытаніямъ въ комиссіяхъ до изданія правилъ 19 ноября 1915 года. На этихъ дипломахъ должна быть слѣдующая оговорка: „Съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія такому-то лицу для получения диплома первой степени предоставляется подать сочиненіе въ одну изъ соответствующихъ испытательныхъ комисій въ порядкѣ ст. 7 правилъ 19 ноября 1915 года“.

Разъясненія Министра Народнаго Просвѣщенія.

Министръ Народнаго Просвѣщенія разъяснилъ:

1. При допущеніи докторовъ медицины иностранныхъ университетовъ къ экзаменамъ въ медицинскихъ комиссіяхъ не слѣдуетъ требовать никакихъ свидѣтельствъ о полученномъ ими среднемъ образованіи.

2. Всѣмъ лицамъ, удовлетворяющимъ полученнымъ при испытаніяхъ отмѣткамъ требованіямъ для получения диплома первой степени, но не представившимъ въ теченіе шести мѣсяцевъ сочиненія, должны быть выданы дипломы второй степени съ оговоркой, что имъ предоставляется, для получения диплома первой степени, подать сочиненіе въ соответствующую испытательную комиссію.

3. При производствѣ испытаній молодымъ людямъ, желающимъ поступить въ военную службу за курсъ восьми классовъ гимназій и 6 и 7 классовъ реальныхъ училищъ, разрѣшается преподавателямъ производить эти испытанія безъ соблюденія правилъ выпускныхъ испытаній, т. е. въ свободное отъ уроковъ часы и при наличіи трехъ только преподавателей.

4. По согласенію министровъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ нижнимъ чинамъ запаса и ратникамъ, состоящимъ студентами третьяго курса медицинскихъ факультетовъ и имѣющимъ возможность къ первому іюля 1917 г. получить законченное медицинское образованіе, признано возможнымъ предоставить отсрочку призыва по мобилизаціи до указаннаго срока, о чемъ распоряженіе по военному вѣдомству уже сдѣлано.

Циркуляръ Министра Народнаго Просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ и ректорамъ Императорскихъ университетовъ.

(14 декабря 1915 г., № 1970.)

Циркулярами Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 2 апрѣля 1911 г., за № 12614, и отъ 11 мая 1913 г., за № 175, опредѣленъ порядокъ освобожденія студентовъ Императорскихъ университетовъ отъ платы за ученіе и о назначеніи стипендій нуждающимся студентамъ, а именно: установлено правило объ освобожденіи студента отъ платы за ученіе только на одно учебное полугодіе, а назначеніе стипендіи поставлено въ зависимость отъ предварительнаго наведенія справокъ объ одобрительномъ поведеніи.

Какъ показаль однако опытъ истекшихъ лѣтъ, означенныя правила вызываютъ на практикѣ значительныя неудобства: осложняя дѣлопроизводство факультетовъ и правленія университетовъ, они неизбѣжно ведутъ къ задержкѣ рѣшенія столь существенныхъ для нуждающихся студентовъ вопросовъ.

Освѣдомившись о семъ и находя, что дѣйствовавшій до изданія помянутыхъ циркуляровъ порядокъ освобожденія отъ платы и назначенія стипендій не удовлетворяль своему назначенію, я призналь цѣлесообразнымъ дѣйствіе циркуляровъ 2 апрѣля 1911 г., за № 12614, и 11 мая 1913 г., за № 175, отмѣнить, возстановивъ на будущее время правило объ освобожденіи студентовъ отъ платы за ученіе на цѣлый учебный годъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отношеніи назначенія студентамъ казенныхъ стипендій подтверждается о неуклонномъ соблюденіи циркулярнаго распоряженія Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 1 апрѣля 1910 г., за № 114, а именно: чтобы стипендіи назначались лишь тѣмъ студентамъ, которые не только обнаруживаютъ хороше успѣхи въ наукахъ, но и отличаются безукоризненнымъ поведешемъ, и чтобы студенты, о коихъ поступать неблагопріятныя въ отношеніи ихъ поведенія свѣдѣнія, тотчасъ же лишались получаемыхъ ими казенныхъ стипендій.

Объ изложенномъ увѣдомляю ваше превосходительство для соотвѣтствующихъ распоряженій и руководства.

Подписаль Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Игнатъевъ.

1 июня. Въ Министерство Народнаго Просвѣщенія поступаютъ многочисленныя ходатайства отъ лицъ, получившихъ въ 1914—1915 учебномъ году выпускныя свидѣтельства отъ Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, о разрѣшеніи имъ подвергнуться испытанію въ испытательныхъ комиссіяхъ осенью текущаго года. Принимая во внимаше, что срокъ, предоставленный означеннымъ лицамъ отсрочки по отбыванію воинской повинности для держаша указанныхъ пспытаній опредѣленъ для однихъ — 1 октября 1915 г., а для другихъ — 1 декабря 1915 года, Министръ Народнаго Просвѣщенія призналь соотвѣтственнымъ назначить для всѣхъ Императорскихъ Россійскихъ университетовъ и по всѣмъ факультетамъ, за исключешемъ медицинскаго, осеннюю сессію испытательныхъ комиссій съ 20 августа по 1 ноября 1915 г. съ такимъ расчетомъ, чтобы лица, обязанныя явиться въ воинскія присутствія къ 1 октября 1915 г., могли до этого срока закончить испытанія.

Въ Министерство Народнаго Просвѣщенія поступаютъ прошенія отъ лицъ, зачисленныхъ въ Императорскіе университеты въ 1910 году и ранѣе и имѣющихъ нынѣ выпускныя свидѣтельства, о разрѣшеніи имъ приобрѣсти университетскій дипломъ по тому учебному плану, при дѣйствіи котораго они были приняты.

Признавая необходимымъ разрѣшить этотъ вопросъ въ общемъ видѣ, дабы устранить необходимость разсмотрѣшя такихъ прошеній въ отдѣльности, Министръ нашель возможнымъ предоставить всѣмъ лицамъ, имѣющимъ нынѣ выпускныя свидѣтельства и поступившимъ въ университеты до вве-

денія въ дѣйствіе учебныхъ плановъ 1911 года, держать испытанія въ коммиссіяхъ въ составѣ того учебнаго плана, при дѣйствіи котораго они поступили, и всѣ требованія котораго ими были выполнены.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Министръ призналъ необходимымъ разъяснить, что лица означенной категоріи, по полученіи дипломовъ объ окончаніи университетскаго курса, могутъ приобрѣтать званіе учителя средняго учебнаго заведенія на точномъ основаніи закона 3 іюля 1914 г., т. е. только по тому предмету средней школы, по которому у нихъ имѣется отмѣтка въ дипломѣ.

24 сентября. Въ виду временнаго перевода Варшавскаго университета въ г. Ростовъ-на-Дону и возможной эвакуаціи другихъ высшихъ учебныхъ заведеній городовъ Кіева и Юрьева, слѣдуетъ ожидать, что нѣкоторая часть студенчества по своему матеріальному и семейному положенію лишена будетъ возможности слѣдовать за университетами въ новыя мѣста ихъ пребыванія.

Входя въ положеніе этихъ лицъ, Министерство считаетъ желательнымъ, чтобы имъ была предоставлена возможность продолжать занятія въ другихъ университетахъ, гдѣ это окажется для нихъ удобнымъ.

Вслѣдствіе сего прошу ваше превосходительство предложить ректору въ предѣлахъ дѣйствительной возможности безпрепятственно разрѣшать переводъ ихъ въ данный университетъ, причемъ временно, впредь до полученія документовъ такихъ лицъ изъ того университета, откуда они переводятся, надлежитъ довольствоваться тѣми удостовѣреніями (входной билетъ, книжка съ записями на лекціи, отпускну билетъ), изъ коихъ можно усмотрѣть, что данный студентъ состоитъ на такомъ-то факультетѣ и курсѣ. Такія же мѣры желательно рекомендовать начальствамъ высшихъ женскихъ курсовъ и институтовъ по отношенію къ слушательницамъ эвакуируемыхъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній.

Объ изложенномъ увѣдомляю ваше превосходительство для соответствующихъ распоряженій.

Подписалъ Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ И г н а т ь е в ъ.

Министерство Н. П. увѣдомило Харьковскій, Томскій и Казанскій университеты, въ отвѣтъ на ихъ ходатайства, что они могутъ принимать слушательницъ, имѣющихъ соответственный образовательный цензъ, на медицинскій и юридическій факультеты, на равныхъ правахъ со студентами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Министерство увѣдомило и другіе университеты, что если у нихъ окажутся свободныя вакансіи, то они могутъ возбудить ходяйство о приѣмѣ женщинъ на тотъ или иной факультетъ, въ качествѣ полноправныхъ слушательницъ.

Совѣтъ Министровъ постановилъ предоставить выдачу лицамъ женскаго пола, выдержавшимъ окончательныя испытанія въ Кіевскомъ и Петроградскомъ политехническихъ институтахъ, дипломовъ съ соответственными правами, именно: съ предоставленіемъ званія инженеровъ, агрономовъ, кандидатовъ экономическихъ наукъ, дѣйствительныхъ студентовъ, права ноше-

нія нагрудныхъ знаковъ, преподаванія въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно права производить опредѣленные техническія работы, занимать нѣкоторыя должности государственной службы, на которыхъ требуется сельско-хозяйственное образование.

Министерство Народнаго Просвѣщенія разслало попечителямъ учебныхъ округовъ циркуляръ, которымъ облегчается для женщинъ, окончившихъ высшіе женскіе курсы, получение университетскаго диплома. Циркуляромъ этимъ на подвергающихся испытаніямъ въ государственныхъ испытательныхъ комиссіяхъ лицъ, окончившихъ высшіе женскіе курсы, распространяются тѣ же льготы, которыми пользуются лица, получившія выпускныя свидѣтельства Императорскихъ университетовъ, а именно: окончившія высшіе женскіе курсы освобождаются отъ испытанія въ комиссіяхъ физико-математической и историко-филологической по тѣмъ предметамъ, которые были сданы ими въ полномъ объемѣ на полукурсовыхъ испытаніяхъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія признало необходимымъ разъяснить попечителямъ учебныхъ округовъ, что, въ виду послѣдовавшаго 8-го сего іюля разрѣшенія принимать съ начала 1915—1916 учебнаго года въ Императорскіе университеты воспитанниковъ православныхъ духовныхъ семинарій, окончившихъ курсъ IV—VI классовъ, безъ дополнительныхъ испытаній изъ курса мужскихъ гимназій, означенные воспитанники могутъ быть допущены также безъ предварительныхъ испытаній изъ гимназическаго курса, и къ конкурснымъ испытаніямъ для поступленія въ высшія техническія учебныя заведенія Министерства Н. П.

Министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ попечителямъ учебныхъ округовъ поставить въ извѣстность ректоровъ университетовъ, что окончившіе курсъ коммерческихъ и реальныхъ училищъ могутъ быть зачислены въ сторонніе слушатели университета, но лишь при наличности свободныхъ послѣ пріема студентовъ вакансій и при условіи, если не подлежатъ призыву къ отбыванію воинской повинности.

Правомъ на поступленіе въ университетъ пользуются окончившіе слѣдующія 8-классныя коммерческія училища: Тенинское, Петровское, Харбинское и коммерческое училище Императора Александра III въ Харьковѣ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія признало возможнымъ разрѣшить лицамъ, выдержавшимъ въ качествѣ экстерновъ испытанія за полный (семиклассный) курсъ кадетскихъ корпусовъ, поступать въ студенты Императорскихъ университетовъ, наравнѣ съ лицами, прошедшими полный курсъ кадетскаго корпуса, т.-е. по предварительной сдачѣ дополнительнаго экзамена по латинскому языку въ объемѣ гимназическаго курса.

Высочайше утвержденнымъ 9 августа 1914 г. постановленіемъ Совѣта Министровъ, въ цѣляхъ скорѣйшаго восполненія недостатка врачей Имперіи, были установлены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія съ 26

августа по 15 сентября 1914 г. сокращенныя лѣкарскія испытанія лишь по одиннадцати предметамъ медицинскаго факультета. Лица, получившія выпускныя свидѣтельства медицинскихъ факультетовъ русскихъ университетовъ, призванныя ко времени этихъ сокращенныхъ экзаменовъ на военную службу по мобилизаціи, не могли своевременно воспользоваться указанной льготой. Нынѣ тѣ изъ нихъ, которыя освобождены уже отъ отбыванія воинской повинности, возбудили ходатайства о разрѣшеніи держать лѣкарскіе экзамены по сокращенной программѣ. Управляющій Министерствомъ Н. П. увѣдомилъ попечителей, что на всѣхъ лицъ, получившихъ къ 20 августа выпускныя свидѣтельства и не имѣвшихъ возможности подвергнуться лѣкарскимъ испытаніямъ осенью 1914 г., въ виду привлеченія въ войска въ качествѣ заурядъ-врачей перваго разряда, распространяется дѣйствіе указанного Высочайшаго повелѣнія. Они должны держать лѣкарскіе экзамены въ медицинскихъ комиссіяхъ по сокращенной программѣ.

Пересмотрѣвъ вопросъ о допущеніи въ зубоврачебныя школы лицъ, кончившихъ курсъ коммерческихъ училищъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія призналъ, что лица мужскаго и женскаго пола, имѣющія аттестаты объ окончаніи 7 классовъ коммерческихъ училищъ, удовлетворяютъ условіямъ, установленнымъ въ статьѣ 625 устава врачебнаго, для поступленія въ зубоврачебныя школы.

Циркуляры Министра Народнаго Просвѣщенія.

(Отъ 1-го сентября 1915 г., № 39896.)

Въ измѣненіе и дополненіе ранѣе изданныхъ распоряженій о родительскихъ организаціяхъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерство признаетъ необходимымъ установить слѣдующее:

1) Черезъ двѣ недѣли послѣ окончанія осеннихъ пріемныхъ и дополнительныхъ испытаній начальникъ (начальница или предсѣдатель педагогическаго совѣта) средняго учебнаго заведенія приглашаетъ повѣстками родителей учащихся на общее собраніе для выборовъ въ родительскій комитетъ.

2) Предсѣдатель и 2 его товарища избираются общимъ собраніемъ; члены комитета, въ количествѣ 3-хъ отъ cadaго класса (основного и параллельнаго), избираются классными собраніями въ одинъ и тотъ же день.

Примѣчаніе. Предсѣдатель избирается изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, но въ уважительныхъ случаяхъ разрѣшается избраніе лица, съ образованіемъ не ниже средняго.

3) Общее собраніе считается состоявшимся при наличности на немъ $\frac{1}{3}$ общаго числа родителей, живущихъ въ городѣ (или въ поселеніи), гдѣ находится учебное заведеніе. Классныя собранія считаются состоявшимися при наличности участія въ нихъ $\frac{1}{5}$ общаго, исчисляемаго указаннымъ выше порядкомъ, числа родителей учениковъ даннаго класса.

4) Выборы членовъ родительскаго комитета считаются состоявшимися, если они произведены не менѣе, какъ отъ половины общаго числа классовъ даннаго учебнаго заведенія.

5) Если общее собраніе или выборы членовъ родительскаго комитета не состоялись (п. 2 и 3 сего циркуляра), то не позже 2 недѣль тѣмъ же порядкомъ и на тѣхъ же основавіяхъ созывается второе общее собраніе. Если не состоится и второе общее собраніе, то выборы членовъ родительскаго комитета откладываются до слѣдующаго учебнаго года и вмѣстѣ съ симъ прекращаются полномочія родительскаго комитета, дѣйствовавшаго въ предыдущемъ учебномъ году.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ надлежитъ руководствоваться дѣйствующими нынѣ распоряженіями.

Подписаль: Министръ Народнаго Просвѣщенія гр. Игнатъевъ.

Еще при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія Л. А. Кассо послѣднимъ былъ возбужденъ вопросъ о нарушеніи возрастнаго ценза при поступленіи въ среднія учебныя заведенія; Министромъ въ то время было дано строгое предписаніе черезъ попечителей учебныхъ округовъ всѣмъ директорамъ гимназій и реальныхъ училищъ никоимъ образомъ не выходить изъ нормъ возрастнаго ценза при приѣмѣ въ учебныя заведенія и не принимать никакихъ ходатайствъ объ отступленіи этихъ нормъ. Такое распоряженіе Министра было обжаловано однимъ изъ родителей въ Сенатъ; Сенатъ одного согласился съ мнѣніемъ Министра, разъяснивъ, что такая норма должна быть строго соблюдаема. Въ настоящее время, по ходатайству нѣсколькихъ держателей частныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, Министръ гр. Игнатъевъ пришелъ къ заключенію, что упомянутый указъ Сената о соблюденіи возрастнаго ценза при приѣмѣ въ среднія учебныя заведенія долженъ относиться лишь только къ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ, къ частнымъ же онъ не можетъ быть примѣнимъ, почему приѣмъ учащихся въ различныя классы частныхъ среднихъ учебныхъ заведеній можетъ производиться и по отношенію къ воспитанникамъ, какъ перешедшимъ цензовый возрастъ для каждаго класса, такъ и не достигшимъ положеннаго по правиламъ возраста.

(Отъ 28 сентября 1915 г. за № 45248.)

Грозныя событія, взволновавшія Россію и нарушившія обычный ходъ государственной и общественной жизни, не могли не отразиться на измѣненіи нормальнаго теченія и жизни школы, внеся въ нее нѣкоторое разстройство и создавъ значительныя затрудненія для педагогической работы. Сознавая всю трудность веденія сложнаго и отвѣтственнаго учебнаго дѣла при сложившихся такимъ образомъ обстоятельствахъ, Министерство считаетъ необходимымъ обратиться къ педагогическимъ совѣтамъ учебныхъ заведеній съ горячимъ призывомъ приложить всѣ силы къ тому, чтобы создать такую внутреннюю атмосферу, при которой нарушеніе нормальнаго хода школьной жизни и переживанія нынѣшняго историческаго момента послужили бы на пользу нравственнаго испытанія подростовающаго поколѣнія. Необходимо сохранить всю силу спокойствія и энсргіи, чтобы ни на одну минуту не забывать, что въ такіе дни, которые переживаетъ наша родина, накопленіе духовныхъ цѣнностей имѣетъ сугубо важное значеніе и поможетъ съ избыткомъ возмѣстить тѣ потери, которыя приходится нести Россіи.

Относясь съ должнымъ довѣріемъ къ педагогическимъ совѣтамъ и предоставляя имъ широкій починъ въ изысканіи мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію школьной жизни, Министерство не можетъ не указать, что педагогическій трудъ будетъ тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ мнѣе будетъ онъ формальнымъ и чѣмъ болѣе будетъ проникнуть чуткой благожелательностью и искреннимъ стремленіемъ идти навстрѣчу духовнымъ нуждамъ вѣреннаго ихъ попеченію молодого поколѣнія.

Признавая, что школа должна взять на себя не только обученіе, но и, главнымъ образомъ, воспитаніе юношества, Министерство считаетъ необходимымъ подчеркнуть, что воспитательное вліяніе школы отнюдь не должно заключаться во вѣннемъ только надзорѣ и въ дисциплинарныхъ взысканіяхъ за проступки, а, напротивъ, въ предупрежденіи проступковъ и въ мѣрахъ моральнаго воздѣйствія, выработка каковыхъ должна занять одно изъ видныхъ мѣстъ въ постоянныхъ обсужденіяхъ педагогическихъ совѣтовъ. Сухой контроль знаній путемъ сравнительно рѣдкаго спрашиванія урока и формальной оцѣнки отвѣта той или иной цифровой отмѣткой долженъ уступить мѣсто другой, болѣе справедливой оцѣнкѣ, являющейся результатомъ всей совокупности впечатлѣній, получающейся отъ внимательнаго и всесторонняго изученія индивидуальныхъ особенностей каждаго воспитанника. Министерство, обращая вниманіе педагогическихъ совѣтовъ на эту сторону учебной жизни, предлагаетъ имъ обсудить вопросъ о цѣлесообразности цифровой оцѣнки познаній учащихся и тамъ, гдѣ эта система будетъ признана недостигающей цѣли, выработать другіе способы контроля, твердо памятуя, что школа призвана къ тому, чтобы стремиться выпустить изъ своихъ стѣнъ питомца не съ тѣмъ или инымъ количествомъ разныхъ отмѣтокъ въ аттестатѣ, а съ необходимымъ запасомъ полезныхъ навыковъ и знаній, важныхъ для жизни. Формальное, чисто вѣннее прохожденіе курсовъ, предусмотрѣнныхъ программами, не должно имѣть мѣста въ школѣ. Многопредметность и перегруженность программъ, отрицательныя стороны которыхъ вредно отражались на занятіяхъ и въ спокойное время, еще острѣе чувствуется теперь, когда условія момента усугубляютъ трудность прохожденія курса въ размѣрахъ, указанныхъ программами.

Министерство, имѣя въ виду искорененіе указанныхъ недостатковъ при проведеніи въ жизнь намѣченныхъ преобразованій школы, считаетъ однако, необходимымъ, не выжидая осуществленія предполагаемаго переустройства всей системы учебно-воспитательнаго дѣла, теперь же предложить педагогическимъ совѣтамъ обратить вниманіе на облегченіе прохожденія курсовъ путемъ примѣненія существующихъ программъ, выдѣляя изъ всего обширнаго матеріала, въ нихъ заключающагося, лишь существенно-необходимое и важное.

Предлагая эти общія указанія, Министерство выражаетъ твердую надежду, что педагогическіе совѣты въ великихъ событіяхъ, переживаемыхъ нашей родиной, почерпнутъ ту энергію и тотъ духовный подъемъ, которые дадутъ имъ силы, невзирая на всѣ неблагоприятныя вѣннія условія, съ полнымъ самообладаніемъ стремиться къ достиженію высокой цѣли воспитанія сыновъ великой родины и вѣрноподданныхъ Государя.

Подписалъ Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ И г н а т ь е в ъ.

Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ измѣненіе существующихъ распоряженій о приѣмѣ евреевъ въ среднія учебныя заведенія, предложилъ попечителямъ учебныхъ округовъ принять на текущій годъ къ руководству слѣдующее :

- 1) Евреи подвергаются приѣмнымъ испытаніямъ одновременно съ учениками другихъ вѣроисповѣданій.
- 2) Отвѣты евреевъ на испытанія оцѣниваются словами : „удовлетворительно“ и „неудовлетворительно“.
- 3) Всѣ выдержавшія удовлетворительно испытанія дѣти евреевъ, призванныхъ въ дѣйствующую армію и получившихъ отличіе, а также убитыхъ и раненыхъ, зачисляются первыми на существующія въ предѣлахъ % нормы еврейскія вакансіи.
- 4) Выдержавшія удовлетворительно испытанія дѣти евреевъ, призванныхъ въ дѣйствующую армію, но не отвѣтчающихъ условіямъ п. 3, зачисляются на вакансіи, оставшіяся незамѣщенными послѣ лицъ, упомянутыхъ въ п. 3.
- 5) Если число евреевъ, упомянутыхъ въ п. 4, превышаетъ число вакансій, то между ними производится жеребьевка.
- 6) Еврейскія вакансіи, оставшіяся незамѣщенными послѣ лицъ, упомянутыхъ въ пп. 3 и 4, распределяются между всѣми евреями, выдержавшими приѣмныя испытанія удовлетворительно, по жребію, въ порядкѣ вытянутыхъ номеровъ, до заполнения еврейской нормы.
- 7) Лица, подвергавшіяся жеребьевкѣ и не попавшія въ учебное заведеніе, зачисляются кандидатами и при открытіи вакансій въ теченіе учебнаго года имѣютъ право на поступленіе въ учебное заведеніе въ порядкѣ вытянутыхъ номеровъ.
- 8) Лица, выдержавшія удовлетворительно испытанія и подвергавшіяся жеребьевкѣ въ одномъ учебномъ заведеніи, могутъ быть принимаемы на свободныя еврейскія вакансіи въ другомъ соотвѣтствующаго типа учебномъ заведеніи, если въ послѣднемъ не окажется собственныхъ кандидатовъ.

Къ привлеченію въ войска учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. По дошедшимъ до Министерства свѣдѣніямъ, нѣкоторые молодые люди, окончившіе курсъ въ однихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, переходятъ въ другія высшія же, съ цѣлью сохраненія за собою права на предоставленную имъ отсрочку исполненія воинской повинности для окончанія образованія.

Признавая такой способъ уклоненія отъ современной явки къ призыву совершенно недопустимымъ въ настоящее военное время, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ разъяснило губернаторамъ, что, на основаніи дѣйствующихъ въ законѣ правилъ, отсрочки для окончанія образованія предоставляются до призыва того года, въ коемъ исполнится : а) 24 года — обучающимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, б) 27 лѣтъ — обучающимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ продолжительностью курса не свыше четырехъ лѣтъ и в) 28 лѣтъ — обучающимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ продолжительностью курса не менѣе пяти лѣтъ. При этомъ, по точному смыслу закона и согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Пра-

вительствующаго Сената, лицамъ, окончившимъ среднія учебныя заведенія и поступившимъ въ высшія, предоставленныя до 24 лѣтъ отсрочки продолжаются до 27 или 28 лѣтъ; лица же, вышедшія изъ среднихъ или высшихъ учебныхъ заведешій до окончанія въ нихъ курса, привлекаются къ исполненію воинской повинности, если до назначеннаго имъ срока для явки къ призыву не поступятъ въ другія учебныя заведенія. Что же касается лицъ, уже окончившихъ среднія учебныя заведенія и поступившихъ въ другія среднія же, или окончившихъ высшія учебныя заведенія и затѣмъ перешедшихъ въ другія высшія, то разрѣшенныя такимъ лицамъ въ свое время отсрочки для окончанія образованія никоимъ образомъ не могутъ сохранить силы, такъ какъ, по общему правилу, отсрочки предоставляются для окончанія курса въ какомъ-либо одномъ среднемъ или высшемъ учебномъ заведеніи.

Сообщая объ изложенномъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ предложило губернаторамъ принять мѣры къ безотлагательному привлеченію въ войска молодыхъ людей, уклонившихся указаннымъ выше способомъ отъ своевременнаго поступленія на военную службу.

Проектъ новаго университетскаго устава.

Въ основаніе проекта положенъ проектъ устава, разработанный покойнымъ Министромъ А. Н. Шварцемъ, съ дополненіями. Общія положенія проекта дополнены указаніемъ, что ближайшій надзоръ за дѣятельностью университетовъ осуществляется Министромъ Народнаго Просвѣщенія безъ посредства попечителей учебнаго округа. Въ главѣ объ устройствѣ учебной части новымъ является указаніе, что штатные преподаватели должны посвящать, для изложенія своего предмета, столько часовъ въ недѣлю, сколько имъ назначить факультетъ, согласно дѣйствующимъ учебнымъ планамъ. Занятій внѣ университета профессора не могутъ имѣть больше шести часовъ въ недѣлю, приватъ-доценты больше четырехъ. Преподаваніе распредѣляется на медицинскомъ факультетѣ на 5 лѣтъ, на восточномъ — 4 года, на прочихъ факультетахъ — 3 года. Желающіе пріобрѣсти степень кандидата обязаны прослушать, сверхъ того, въ теченіе не менѣе одного года дополнительные курсы. Что касается правъ, предоставляемыхъ дипломами, то проектъ ограничивается лишь предоставленіемъ правъ студентамъ, выдержавшимъ испытанія по одному изъ установленныхъ факультетскихъ учебныхъ плановъ, дальнѣйшаго пребыванія въ университетѣ, въ качествѣ дѣйствительныхъ студентовъ, для полученія степени кандидата, а также и поступленія на спеціальныя курсы для полученія званія учи-

теля среднихъ учебныхъ заведеній. Степень кандидата будетъ присуждаться на основаніи испытаній и защиты въ закрытомъ засѣданіи факультета печатной научной работы.

На всѣхъ факультетахъ полагается одна ученая степень доктора. Никто не можетъ быть преподавателемъ въ университетѣ, не имѣя степени доктора. Проектомъ университетскаго устава устанавливается новый порядокъ замѣщенія каѳедръ. При открывшейся вакансіи профессора, факультетъ доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія всѣхъ профессоровъ Россійскихъ университетовъ по данной каѳедрѣ, черезъ декановъ подлежащихъ факультетовъ, предлагая въ 3-мѣсячный срокъ указать лицъ, достойныхъ занять освободившуюся должность. Кромѣ того, всѣмъ профессорамъ даннаго факультета предоставляется право въ 3-мѣсячный срокъ указать кандидатовъ. Факультетъ обсуждаетъ достоинство всѣхъ заявленныхъ кандидатовъ и производитъ избраніе, подвергая ихъ одновременно баллотировкѣ. Лица, избранныя факультетомъ, представляются на утвержденіе Министра, который въ теченіе мѣсяца и утверждаетъ одного изъ представленныхъ факультетомъ кандидатовъ или, въ случаѣ неутвержденія, предлагаетъ факультету произвести въ 3-мѣсячный срокъ новые выборы. Лица, не получившія утвержденія, не могутъ подвергнуться баллотировкѣ на вторичныхъ выборахъ. Если вторичные выборы не состоятся или вновь избранныя лица не будутъ утверждены, Министръ замѣщаетъ вакантную должность по своему усмотрѣнію. Замѣщеніе вакантной профессорской каѳедры по усмотрѣнію Министра можетъ имѣть мѣсто также въ случаѣ, если факультетъ въ теченіе полугодя со дня открытія вакансіи не приметъ мѣръ къ ея замѣщенію.

Въ отношеніи учащихся устанавливается, что увольненіе студентовъ изъ университета происходитъ по постановленію правленія университета. Согласно проекту, студентамъ университета имѣется въ виду разрѣшать вступать въ число членовъ разнаго рода обществъ, а также образовывать общества на общемъ основаніи съ тѣмъ, чтобы дѣятельность этихъ обществъ и учреждений происходила исключительно внѣ университета. Студентамъ могутъ быть разрѣшаемы внѣ университета собранія на основаніи общихъ законовъ о публичныхъ собраніяхъ.

Университетская лѣтопись.

Выборы въ Государственный Совѣтъ. 25-го сентября, въ 2 часа дня, въ конференцъ-залѣ Академіи Наукъ состоялись выборы двухъ членовъ Государственного Совѣта отъ университетовъ и Академіи Наукъ. Присутствовало 33 выборщика. Выбранными оказались: бывшій членъ Гос. Совѣта проф. А. В. Васильевъ (Казанскій университетъ) и академикъ В. И. Вернадскій (Академія Наукъ). Первый получилъ 25 голосовъ за и 8 — противъ; второй — 22 за и 11 — противъ.

Заслуженный проф. Московскаго университета по кафедрѣ геологіи А. П. Павловъ и по кафедрѣ химіи проф. В. М. Ипатьевъ избраны Академіею Наукъ академиками по физико-математическому отдѣленію. Штатными академиками избраны П. Г. Виноградовъ и Ѳ. И. Успенскій.

Московскій университетъ. 12 сентября подъ предсѣдательствомъ ректора Университета М. К. Любавскаго состоялось засѣданіе совѣта профессоровъ Императорскаго Московскаго Университета.

Открывъ засѣданіе, М. К. Любавскій доложилъ о Высочайшемъ приѣмѣ Государемъ Императоромъ въ Царскомъ Селѣ профессоровъ русской исторіи и русскаго права и о высокомиловитивыхъ словахъ, съ которыми Его Императорскому Величеству угодно было обратиться къ нимъ. Высокомиловитивыя слова Государя Императора были выслушаны всѣми присутствующими стоя.

Затѣмъ, состоялись выборы проректора на мѣсто скончавшагося проф. Никифорова. Большинствомъ 50 противъ 17 голосовъ на эту должность избранъ проф. С. В. Познышевъ. — Далѣе Совѣтъ профессоровъ единогласно избралъ почетнымъ членомъ Московскаго университета академика и заслуженнаго профессора университета св. Владиміра въ Кіевѣ В. С. Иконникова, пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности котораго исполнилось въ текущемъ году.

Предсѣдатель университетской комиссіи по оборонѣ страны С. В. Познышевъ доложилъ объ организаціи комиссіи и отъ имени послѣдней предложилъ принять слѣдующія воззванія къ студентамъ и къ лицамъ и учрежденіямъ, въ-

дающимъ въ Москвѣ дѣло военной обороны, ухода за ранеными, устройства бѣженцевъ и т. п.:

„Совѣтъ Императорскаго Московскаго университета въ трудный и отвѣтственный часть, переживаемый Россіей, обращается къ студентамъ университета съ призывомъ къ совмѣстной работѣ для нуждъ обороны страны, для помощи многочисленнымъ жертвамъ войны, для обезпеченія населенію Москвы возможно лучшихъ условій жизни въ наступившіе тяжелые дни. Академическій трудъ не долженъ прекращаться: каждый изъ насъ долженъ идти по избранной имъ научной стезѣ, но настоящій моментъ обязываетъ всѣхъ принести свою возможно энергичную помощь дѣлу защиты родины, и Совѣтъ вѣрить, что московское студенчество дружно откликнется на его призывъ мобилизовать университетскія силы на службу обороны Россіи. Всякое начинаніе крѣпко своей организаціей, своей сплоченностью. Для того, чтобы обезпечить планомѣрность нашей общей работы и избѣжать ненужной траты силъ, Совѣтъ университета постановилъ образовать особую комиссію, задачей которой является объединеніе профессоровъ, преподавателей и студентовъ университета для общаго труда на пользу родины, для посильной помощи ей въ трудный историческій моментъ. Заявите же ей о вашемъ желаніи работать для Россіи, помня, что залогомъ успѣха является единеніе и прочная организація“.

Во исполненіе постановленія совѣта Императорскаго Московскаго университета образована особая комиссія для содѣйствія дѣлу обороны страны и помощи жертвамъ войны, въ составѣ 26 профессоровъ и преподавателей университета. Эта комиссія проситъ гг. студентовъ, желающихъ своимъ трудомъ содѣйствовать осуществленію ея задачъ, заявлять о томъ: студентовъ историко-филологическаго факультета — профессорамъ Ю. В. Готье и А. А. Грушка, студентовъ физико-математическаго факультета — проф. Н. Е. Жуковскому, А. М. Настюкову, А. П. Соколову и В. В. Челинцеву, студентовъ медицинскаго факультета — профессору М. И. Райскому, студентовъ юридическаго факультета — проф. С. В. Познышеву.

Совѣтъ Императорскаго Московскаго университета,

имѣя въ виду въ возможно широкихъ размѣрахъ привлечь университетскія силы къ сотрудничеству въ удовлетвореніи государственныхъ и общественныхъ нуждъ, связанныхъ съ войной, обращается къ лицамъ и учрежденіямъ, вѣдающимъ въ Москвѣ дѣло военной обороны, ухода за ранеными, устройства бѣженцевъ и т. п., а также всего, касающагося снабженія населенія провіантомъ, топливомъ и т. д., съ просьбой указывать, какія нужды могли бы быть удовлетворены трудомъ преподавателей и студентовъ Московскаго университета, съ точнымъ обозначеніемъ характера и условій работъ, а также числа необходимыхъ для ихъ выполненія лицъ. Соотвѣтствующія обращенія должны направляться къ одному изъ слѣдующихъ профессоровъ: Ю. В. Готье (секретарю комиссіи), А. А. Груника (декану историко-филологическаго факультета) и С. В. Познышеву (предсѣдателю комиссіи)“.

Приведенные тексты воззваній были единогласно приняты.

12 января 1916 г. Московскій университетъ вступилъ въ 161 годовщину своей славной дѣятельности на поприщѣ распространенія высшаго образованія въ Россіи.

Согласно выпущенному отчету, дѣятельность Московскаго университета въ 1915 г. протекала въ слѣдующемъ видѣ. Почетныхъ членовъ въ университетѣ состояло 26. Въ число своихъ почетныхъ членовъ университетъ избралъ: бельгійскаго короля Альберта I, великаго князя Николая Николаевича, заслуженнаго профессора В. И. Герье и академика В. С. Иконникова. Въ минувшемъ году университетъ понесъ тяжелую утрату, въ лицѣ умершихъ своихъ почетныхъ членовъ: великаго князя Константина Константиновича, гр. С. Ю. Витте, академика Ф. Е. Корша и президента Лондонскаго геологическаго общества Арчибалда Гейки. По единогласному постановленію Совѣта профессоровъ, изъ состава почетныхъ членовъ университета исключены нѣмецкіе и австрійскіе ученые.

Къ концу 1915 г. въ университетѣ состояло ординарныхъ профессоровъ 72, экстраординарныхъ 27, приватъ-доцентовъ 228, астрономъ-наблюдатель 1, прозекторовъ 9, помощниковъ прозекторовъ 13, лекторовъ 3, ассистентовъ 150, ординаторовъ факультета и госпитальныхъ клиникъ 123 и лаборантовъ 21. Всего въ составѣ преподавателей университета числилось 664 человекъ, изъ нихъ штатныхъ 220.

Къ 1 января 1916 г. въ Московскомъ университетѣ состояли 11.184 студента и 617 вольнослушателей. По факультетамъ студенты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ 1.066, на юридическомъ 4.171, на математическомъ 3.423 (на математическомъ отдѣленіи 1.594 и на естественномъ 1.829) и на медицинскомъ факультетѣ 2.524 человекъ. По сравненію съ прошлымъ годомъ число студентовъ увеличивалось на 1.855.

11 января въ университетской церкви св. Татианы профессоромъ богословія Н. П. Боголюбскимъ были совершены заупокойная литургія и панихида по основателяхъ Московскаго университета; императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, гр. И. И. Шуваловѣ и М. В. Ломоносовѣ, по усопшихъ начальникахъ, профессорахъ, преподавателяхъ и должностныхъ лицахъ университета, а также по умученныхъ нѣмцами въ настоящую великую войну. Вечеромъ была совершена всенощная. Средства для этихъ ботослужещей пожертвованы заслуженнымъ профессоромъ В. Ѳ. Снегиревымъ.

Петроградскій университетъ. Въ 1919 году исполняется столѣтіе со дня основанія Петроградскаго университета. Юбилейная комиссія на послѣднемъ засѣданіи постановила заняться подготовкой цѣлаго ряда юбилейныхъ сборниковъ.

Министерство Н. П. увѣдомило ректора Петроградскаго университета, что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на предоставленіе королю Бельгіи Альберту 1 званія почетнаго члена Императорскаго Петроградскаго университета.

По всеподданнѣйшему докладу Министра Н. П. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ образованіи, подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта гр. А. А. Бобринскаго, особой комиссіи для всесторонняго выясненія вопроса о расширеніи Императорскаго Петроградскаго университета, въ связи съ предстоящимъ 100-лѣтнимъ юбилеемъ его. Въ составъ комиссіи войдутъ представители Министерства Н. П. и профессоры Петроградскаго университета.

Попечителемъ Петроградскаго учебнаго округа утвержденъ въ званіи приватъ-доцента Петроградскаго университета еврей І. Л. Жирмонтскій, который будетъ читать лекціи по исторіи западно-европейской литературы. Это второй случай утвержденія евреевъ въ нынѣшнемъ году, такъ какъ въ началѣ академическаго года былъ допущенъ къ чтенію лекцій по политической экономіи прив.-доц. И. И. Левинъ, уже открывшій курсъ „Биржа и современный капитализмъ“.

Совѣтъ Юрьевскаго университета послалъ въ Бельгію и во Францію телеграммы слѣдующаго содержанія:

„Господину Министру Наукъ и Искусствъ въ Бельгii. Совѣтъ Императорскаго Юрьевскаго университета, возмущенный варварскимъ разрушенiемъ германцами драгоцѣнныхъ сокровищъ культуры, проситъ васъ принять выраженiя его глубочайшаго соболѣзнованiя. Недостоинъ называться ученымъ тотъ, кто не содрогнется отъ ужаса передъ разрушенiемъ Лувенскаго университета. Недостоинъ называться человѣкомъ тотъ, чье сердце не обольется кровью отъ варварской жестокости безчеловѣчнаго врага въ мирной и высококультурной Бельгii“.

„Господину Министру Народнаго Просвѣщенiя и Искусствъ во Францii.

Милостивый Государь. Совѣтъ Императорскаго Юрьевскаго университета, возмущенный варварскимъ разрушенiемъ германцами драгоцѣнныхъ сокровищъ культуры и цивилизацii во Францii, проситъ васъ принять выраженiе его глубочайшаго соболѣзнованiя. Очагъ европейской культуры, Францii, не только высоко цѣнима нами, но и горячо любима. Горе Францii — наше горе. Общее горе соединяетъ сердца людей“.

Телеграммы эти отосланы черезъ Министерство Народнаго Просвѣщенiя.

Въ Юрьевскомъ университетѣ въ истекшемъ году были избраны почетными членами: Его Императорское Высочество великiй князь Николай Николаевичъ, король бельгiйскiй Альбертъ, король сербскiй Петръ и наслѣдникъ сербскаго престола Александръ.

Всѣхъ учащихся къ 1 декабря состояло 2941, изъ нихъ студентовъ 2687, слушательницъ 60, слушателей фармацii 101 и постороннихъ слушателей 93.

Комитетъ профессоровъ и служащихъ въ университетѣ оборудовалъ и содержитъ лазаретъ, принятый Государемъ Императоромъ подъ Свое Августѣйшее покровительство.

Совѣтъ университета, заслушавъ предложенiе проф. д. с. с. М. Н. Крашенинникова, поставить мраморную доску въ актовомъ залѣ университета для увѣковѣченiя памяти студентовъ и служащихъ университета, съ честью павшихъ на полѣ брани въ настоящую войну, постановилъ: „согла-

ситься съ предложеніемъ и просить правленіе выработать предложенія относительно увѣковѣченія памяти всѣхъ вообще питомцевъ университета, погибшихъ въ рядахъ защитниковъ Россіи на полѣ брани за все время существованія университета.“

Постановленіемъ генераль-лейтенанта П. Курлова, на основаніи ст. 12 правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ состоящими на военномъ положеніи (прилож. къ ст. 23 ч. 1 т. II св. зак.), воспрещается студентамъ Императорскаго Юрьевскаго университета и Рижскаго Политехническаго института ношеніе корпоративныхъ отличій на все время объявленнаго военнаго положенія.

Кіевъ, 18 апрѣля. Совѣтъ университета св. Владимира исключилъ 6 почетныхъ членовъ, подданныхъ воюющихъ съ Россіей державъ.

Одесса, 1 мая 1915 г. Исполнилось 50 лѣтъ со дня основанія Новороссійскаго университета. Въ университетской церкви, въ присутствіи командующаго войсками, попечителя учебнаго округа и профессоровъ, отслуженъ молебенъ, затѣмъ панихида по почившимъ дѣятелямъ университета. Празднованіе юбилея отложено по обстоятельствамъ военнаго времени.

Въ отвѣтъ на посланную Верховному Главнокомандующему совѣтомъ Новороссійскаго университета телеграмму съ всепреданнѣйшей просьбой о принятіи званія почетнаго члена университета, получена отъ Его Императорскаго Высочества слѣдующая телеграмма:

„Одесса. Ректору университета Киниенскому.

Отъ дуніи благодарю совѣтъ Императорскаго Новороссійскаго университета за его постановленіе избрать Меня почетнымъ своимъ членомъ. Мнѣ чрезвычайно дороги тѣ основанія, которыя побудили совѣтъ университета придти къ этому постановленію. Шлю самую сердечную Мою благодарность. Если Государю Императору угодно будетъ на это соизволить, то съ удовольствіемъ приму званіе почетнаго члена Императорскаго Новороссійскаго университета“.

Генераль-Адъютантъ Николай.

Одесса, 4 июня. Въ экстренномъ засѣданіи Совѣтъ университета, въ сознаніи великаго значенія необходимости напряженія страны для обезпеченія успѣшнаго исхода міровой борьбы, постановилъ просить Министра Н. П. изыскать способы для привлеченія къ работѣ, требуемой обстоятельствами и событіями военнаго времени, научныхъ силъ другихъ, кромѣ медицинскаго, факультетовъ въ области химіи, механики, геодезіи и другихъ специальностей, могущихъ оказаться полезными въ настоящій моментъ.

Магистръ гражданскаго права Борзенко пожертвовалъ Новороссійскому университету 120.000 р. на устройство клиники по внутреннимъ болѣзнямъ его имени.

Совѣтъ Варшавскаго университета получилъ отъ Министра Н. П. гр. Игнатъева телеграмму о томъ, что ходатайство совѣта о переводѣ университета въ Ростовъ-на-Дону удовлетворено. Всѣ учрежденія Варшавскаго университета переводятся въ Ростовъ къ 15 сентября 1915 г.

Согласно постановленію конференціи Военно-Медицинской Академіи, изъ числа почетныхъ членовъ Академіи исключены подданные враждебныхъ намъ державъ: профессора Страсбургскаго университета Шмитбергъ, Швальбе и Вальдейеръ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу бывшаго оберъ-прокурора Св. Синода, 2 іюля Высочайше соизволилъ на утвержденіе Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича въ званіи почетнаго члена Императорской Кіевской Духовной Академіи.

300-лѣтіе Кіевской Духовной Академіи. Старѣйшее учебное заведеніе въ Россіи — Императорская Кіевская Духовная Академія праздновала 15 октября 300-лѣтіе своего существованія.

Академія основана была на средства частной благотворительницы Анны Гулькевичъ, по мысли архимандрита

Кіево-Печерской лавры Петра Могилы (впослѣдствіи знаменитаго митрополита), и долгое время носила названіе Кіево-Могилянской. Много помогъ развитію Академіи и Мазепа, соорудившій великолѣпное зданіе для нея и обезпечившій ее вкладами.

Изъ Кіевской Академіи вышелъ цѣлый рядъ выдающихся церковно-общественныхъ дѣятелей. Здѣсь получили образованіе знаменитые сподвижники Петра Великаго: Теофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій, святители: Дмитрій Ростовскій, Иннокентій Иркутскій, Θεодосій Черниговскій, іоасафъ Бѣлгородскій, Питиримъ Тамбовскій, митрополитъ Тобольскій Іоаннъ Максимовичъ и цѣлый рядъ другихъ дѣятелей съ не менѣе славными именами.

Въ виду военного времени Св. Синодъ отложилъ юбилейныя торжества до окончанія войны, ограничившись пока лишь торжественнымъ богослуженіемъ въ академическомъ храмѣ.

Наканунѣ дня празднованія 300-лѣтія, 14-го октября, въ Великой церкви Кіево-Братскаго монастыря преосвященнымъ ректоромъ, епископомъ Василиемъ, было совершено торжественное всенощное бдѣніе, а 15-октября — божественная литургія. Предъ литургіей была отслужена панихида по усопшимъ основателямъ, начальникамъ, учившимъ и учившимся въ Академіи. За литургіей приличествующее случаю слово произнесено было профессоромъ академіи прот. Н. С. Гроссу.

Въ церкви принесъ привѣтствіе ректору Академіи отъ населенія г. Кіева и отъ Кіевского городского управленія, Кіевскій городской голова Н. И. Дьяковъ.

Св. Синодомъ отправлено Академіи привѣтствіе.

Совѣтомъ Императорской Петроградской Духовной Академіи въ число почетныхъ членовъ послѣдней избраны: новоназначенный митрополитъ Петроградскій и Ладожскій, высокопреосвященный Питиримъ, а также профессора: Кіевской Духовной Академіи — Петровъ и Казанской — Венгеровъ.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу Министра Торговли и Промышленности, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Екатеринославскому гор-

ному институту наименованія: „Екатеринославскій горный институтъ Императора Петра I“.

Послѣдовало Высочайшее соизволеніе на принятіе Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ званія почетнаго члена Юрьевского ветеринарнаго института.

Одесскимъ высшимъ женскимъ курсамъ предоставлены права казенныхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Министръ Народнаго Просвѣщенія утвердилъ уставъ Петроградскаго женскаго Политехническаго института. По утвержденному уставу, институтъ состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: инженерно-строительнаго, архитектурнаго, электро-механическаго и химическаго. Институтъ будетъ находиться въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Оканчивающія получаютъ, послѣ выдержанія испытательнаго экзамена въ особой государственной комиссіи, званіе инженеровъ соответствующихъ факультетовъ.

Съ начала будущаго учебнаго года, согласно постановленію Совѣта профессоровъ, въ Петроградскій женскій медицинскій институтъ будутъ приниматься лица, представившія свидѣтельства объ окончаніи 8 классовъ женской гимназіи и о выдержаніи дополнительнаго экзамена по латинскому языку, въ то время, какъ до сихъ поръ отъ кандидатокъ требовался дополнительный экзамень въ объемѣ аттестата зрѣлости мужскихъ гимназій.

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ институтѣ Имени Императора Николая II съ будущаго учебнаго года вводится четырехлѣтній курсъ, вмѣсто трехлѣтняго, устанавливаются государственные экзамены и открывается третье отдѣленіе — исторіи искусствъ. Въ связи съ этимъ расширяется программа многихъ каѳедръ, а также вводится преподаваніе новыхъ

предметовъ на археологическомъ и археографическомъ отдѣлѣхъ. Съ измѣненіемъ положенія объ институтѣ расширяются права для окончившихъ курсъ его. Помимо степеней ученаго археолога и ученаго архивиста, совѣту института предположено предоставить право давать степени магистра и доктора соотвѣтствующихъ наукъ.

Въ Калугѣ, послѣ трехлѣтняго перерыва, 15 февраля открывается отдѣлше Императорскаго Московскаго Археологическаго института. Въ дѣйствительные слушатели института принимаются лица, окончившія высшія учебныя заведенія. Вольнослушателями принимаются окончившіе среднее учебное заведеніе.

9-го января 1916 года Министромъ Н. П. гр. П. Н. Игнатьевымъ утвержденъ уставъ народнаго университета въ Томскѣ имени П. И. Макушина.

Нижегородскому городскому самоуправленію разрѣшено открыть народный университетъ. Въ началѣ предполагается открыть историко-филологическій, юридическій и физико-математическій факультеты. 17 января 1916 г. состоялось торжественное открытіе народнаго университета. Общее число слушателей достигаетъ 500 человекъ.

Учебное дѣло.

Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, гр. П. Н. Игнатьевъ призналъ соотвѣтственнымъ измѣнить установившійся въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ порядокъ допущенія къ окончательнымъ испытаніямъ ученицъ 7-го класса женскихъ гимназій, въ силу котораго ученица, имѣющая въ числѣ годовыхъ балловъ одну неудовлетворительную отмѣтку, не допускается къ выпускнымъ экзаменамъ. Гр. Игнатьевъ нашелъ целесообразнымъ предоставить рѣшеніе вопроса о допущеніи ученицъ 7-го класса женскихъ гимназій, имѣющихъ неудовлетворительныя годовыя отмѣтки, компетенціи педагогическихъ совѣтовъ.

По соглашенію Министерствъ Народнаго Просвѣщенія, Финансовъ и Государственнаго Контроля въ 1915 году открываются 5 новыхъ учительскихъ институтовъ: въ Кишиневѣ, Майкопѣ, Оренбургѣ, Гостынѣ и Ташкентѣ.

Юбилеи:

1. Академика А. С. Лаппо-Данилевскаго. 2. Прот. А. П. Рождественскаго. 3. Проф. В. Г. Рождественскаго. 4. В. Н. Сиротинина. 5. Г. И. Челпанова. 6. П. П. Граве.

1.

Академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій, по случаю исполнившагося 25-ти лѣтїя своей ученой дѣятельности академика, получилъ рядъ привѣтственныхъ телеграммъ.

2.

16 августа исполнилось 25-ти лѣтіе ученой дѣятельности профессора Петроградской Духовной Академіи и настоятеля церкви Государственнаго Совѣта, бывшаго законоучителя Августѣйшихъ Дочерей Ихъ Величествъ, доктора богословія, прот. А. П. Рождественскаго.

Юбиляръ окончилъ первымъ студентомъ Петроградскую Духовную Академію въ 1890 г. и, по окончаніи курса, былъ назначенъ доцентомъ при этой академіи по каедрѣ древне-еврейскаго языка и библейской археологіи, а затѣмъ въ 1896 г., послѣ защиты своей магистерской диссертациі „Изслѣдованіе о семидесяти седминахъ пророка Даниїла“, былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по каедрѣ священнаго писанія Ветхаго Завѣта, которую занимаетъ и понынѣ. Въ 1911 г. удостоенъ степени доктора богословія за свой капитальный трудъ „Книга премудрости Іисуса сына Сирахова“.

Въ 1906 г. профессоръ А. П. Рождественскій былъ членомъ Предсоборнаго Присутствія.

3.

9 октября исполнилось пятидесятилѣтіе пастырской и научно-преподавательской дѣятельности недавно оставившаго каедрѣ орд. проф. богословія Петроградскаго университета быв. настоятеля университетской церкви о. прот. В. Г. Рождественскаго. В. Г. одинъ изъ старѣйшихъ профессоровъ Петроградскаго университета, гдѣ онъ работалъ почти въ продолженіе полувѣка. Въ день юбилея въ университетской церкви было отслужено торжественное молебствіе; на богослуженіи присутствовали профессоры университета, во главѣ съ ректоромъ проф. Э. Д. Гриммомъ, и студенты.

Отъ профессорской коллегіи В. Г. Рождественскаго привѣтствовала депутація, поднесшая прочувствованный поздравительный адресъ. Юбилляръ получилъ много поздравительныхъ телеграммъ изъ разныхъ городовъ Россіи.

4.

20 декабря 1915 года исполнилось 35 лѣтъ врачебно-научной и общественной дѣятельности извѣстнаго профессора Императорской Военно-Медицинской академіи Василія Николаевича Сиротинина.

5.

19 января 1916 года исполнилось 25 лѣтъ преподавательской дѣятельности ординарнаго профессора Московскаго университета, директора психологическаго института при университетѣ Г. И. Челпанова. Г. И. Челпановъ въ 1887 году окончилъ университетъ Св. Владиміра. Въ 1891 году былъ назначенъ приватъ-доцентомъ Московскаго университета по каѳедрѣ философіи. Въ 1892 году былъ переведенъ въ университетъ Св. Владиміра по той же каѳедрѣ. Въ Московскомъ университетѣ Г. И. Челпановъ состоитъ съ 1906 года ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ философіи.

По инициативѣ Г. И. Челпанова, при Московскомъ университетѣ сооруженъ психологическій институтъ, на который С. И. Шукинымъ было пожертвовано 100.000 рублей.

6.

Въ январѣ 1916 года исполнилось 25-лѣтіе ученой дѣятельности дѣйствительнаго члена Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ ординарнаго профессора чистой математики извѣстнаго русскаго ученаго Платона Платоновича Граве.

П. П. Граве родился въ 1867 году въ городѣ Рязани. Ученыя степени магистра и доктора получилъ въ Казанскомъ университетѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1890 году съ золотою медалью за сочиненіе. 24 сентября 1898 года П. П. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ Юрьевскаго университета, гдѣ нынѣ состоитъ въ должности ординарнаго профессора.

Студенты поднесли юбиляру прочувствованный адресъ.
Желаемъ П. П. дальнѣйшихъ успѣховъ въ области
любимой имъ науки.

Некрологи:

**М. Н. Никифоровъ. † Проф. М. Ѳ. Хандриковъ. † В. А.
Тихомировъ. † С. И. Чирьевъ. † В. К. Рогъ. † А. В.
Григорьевъ. † А. И. Воейковъ. † Е. И. Павловъ. †**

М. Н. Никифоровъ. †

Въ ночь на 10 іюня скончался заслуженный профессоръ и проректоръ Московскаго университета Михаилъ Никифоровичъ Никифоровъ.

По окончаніи 3-й Московской гимназіи серебряною медалью (1878 г.) М. Н. Никифоровъ поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета. Въ 1887 году приобрѣлъ степень доктора медицины и, послѣ заграничной командировки для усовершенствованія въ наукахъ, получилъ званіе приватъ-доцента при родномъ университетѣ. Успѣшная преподавательская дѣятельность и рядъ научныхъ трудовъ послужили къ избранію его экстра-ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета по каѳедрѣ патологической анатоміи (1894 г.), затѣмъ ординарнымъ, (съ 1901 г.) и, наконецъ, заслуженнымъ профессоромъ (съ 1910 г.). Скончался М. Н. Никифоровъ 57 лѣтъ отъ роду.

Проф. М. Ѳ. Хандриковъ. †

26 іюля въ Кіевѣ скончался старѣйшій профессоръ университета Св. Владиміра Митрофанъ Ѳедоровичъ Хандриковъ.

Покойный родился 1 января 1837 года и учился въ 1-й Московской гимназіи, а затѣмъ на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета. По окончаніи курса кандидатомъ, въ 1858 году онъ былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію и прикомандированъ къ университетской обсерваторіи съ назначеніемъ на должность наблюдателя. Послѣ приобрѣ-

тенія степени магистра (1862 г.) и доктора (1865 г.), покойный съ 1870 г. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ астрономіи и геодезіи въ Кіевскій университетъ, гдѣ и оставался до послѣднихъ лѣтъ, имѣя званіе заслуженнаго профессора.

М. Ѡ. Хандрикову принадлежало много трудовъ по астрономическимъ и геодезическимъ вопросамъ, написанныхъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

В. А. Тихомировъ. †

В. А. Тихомировъ родился 25 іюня 1841 года. По окончаніи въ Смоленскѣ губернской гимназіи и затѣмъ медицинскаго факультета Московскаго университета со степенью лѣкаря съ отличіемъ и съ серебряною медалью за сочиненіе, въ 1873 году, по защитѣ диссертациі, удостоенъ былъ званія доктора медицины. Въ 1880 году былъ утвержденъ доцентомъ университета по каедрѣ фармакологіи и фармакогнозіи; въ 1884 году назначенъ экстраординарнымъ, черезъ нѣсколько лѣтъ — ординарнымъ профессоромъ; съ 1905 года состоялъ заслуженнымъ профессоромъ Московскаго университета.

С. И. Чирьевъ. †

Въ Кіевѣ скончался заслуженный проф. университета св. Владимира, Сергѣй Ивановичъ Чирьевъ. Покойный принадлежалъ къ числу самыхъ выдающихся русскихъ фізіологовъ, и его имя пользовалось широкой извѣстностью въ ученномъ мірѣ.

В. К. Ротъ. †

Въ Москвѣ скончался 5 января 1916 года директоръ Московской нервной клиники профессоръ Московскаго университета Владимиръ Карловичъ Ротъ. Онъ родился въ 1848 году. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ по медицинскому факультету онъ былъ оставленъ при университетѣ для подготовки къ профессурѣ и командированъ за границу. Съ 1895 г. В. К. читалъ лекціи въ

Московскомъ университетѣ, въ качествѣ экстраординарнаго профессора, затѣмъ ординарнаго и, наконецъ, заслуженнаго профессора.

А. В. Григорьевъ. †

6 января скончался профессоръ Военно-Медицинской Академіи по кафедрѣ судебной медицины А. В. Григорьевъ. Покойный родился въ 1860 г.

Съ 1902 г. по 1909 г. А. В. Григорьевъ состоялъ профессоромъ Варшавскаго университета, а въ 1911 г. читалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ. Въ Военно-Медицинской Академіи покойный началъ читать лекціи въ 1912 г.

Имъ было написано много научныхъ трудовъ.

А. И. Воейковъ. †

28 января русская наука понесла тяжелую потерю въ лицѣ скончавшагося знаменитаго русскаго метеоролога члена Императорской Академіи Наукъ Александра Ивановича Воейкова. А. И. Воейковъ родился въ 1842 году въ Москвѣ.

Перу А. И. Воейкова принадлежитъ множество интересныхъ работъ по его специальности: „Климаты земного шара“, „Наши рѣки“, „Способы воздѣйствія челоуѣка на природу“, „Климатъ и народное хозяйство“ и большое число другихъ сочиненій, написанныхъ покойнымъ какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ.

Е. И. Павловъ. †

Въ тотъ же день, 28 января, скончался извѣстный профессоръ Императорской Военно-Медицинской Академіи по кафедрѣ оперативной хирургіи лейбъ-медикъ Евгеній Васильевичъ Павловъ.

Рѣчь проф. Ѳ. В. Тарановскаго,

произнесенная въ засѣданіи Совѣта Императорскаго Юрьевскаго Университета 27 февраля 1916 года

по вопросу объ эвакуаціи Юрьевскаго Университета.

(Печатается по постановленію Совѣта.)

Въ принципѣ я являюсь убѣжденнымъ противникомъ переноса учебной дѣятельности университета въ другой городъ на случай и на время возможной эвакуаціи Юрьева. Для функционирования университета, какъ учебнаго учрежденія съ весьма сложной и въ высшей степени тонкой организаціей, требуются спеціальныя, нарочито созданныя и подготовленныя условія, — благоустроенная бібліотека, лабораторіи, кабинеты, обсерваторія, клиники, спеціальныя институты, музеи. Такихъ условій не можетъ представить городъ, признанный подходящимъ для помѣщенія университетскаго имущества и поселенія преподавательскаго персонала. Привезенное въ ящикахъ университетское имущество нельзя отождествлять съ учебно-вспомогательными учрежденіями. Университетъ не можетъ „развернуться“ подобно полемому лазарету или походной кухнѣ. На новомъ мѣстѣ временнаго пребыванія университета возможна лишь видимость учебнаго дѣла, но настоящаго дѣла не будетъ. За видимостью дѣла гоняться не стоитъ.

Время, которое можетъ продлиться возможная эвакуація Юрьева, будетъ не больше года, или двухъ лѣтъ. На такой срокъ не стоитъ затѣвать весьма сложнаго и дорого стоящаго перенесенія учебнаго дѣла въ другой городъ. На случай возможной эвакуаціи университета цѣлесообразнѣе всего ограничиться вывозомъ университетскаго имущества въ безопасное мѣсто, а учебное дѣло надлежитъ временно приостановить. Вынужденное бездѣйствіе университета ограничится только учебною частью. Что же касается научной дѣятельности, то она будетъ продолжаться. Профессоры, приватъ-доценты и ассистенты могутъ быть раскомандированы по другимъ университетамъ, или прикоманди-

рованы къ Академіи Наукъ и инымъ ученымъ учрежденіямъ (каковы: Геологическій комитетъ, Пулковская обсерваторія, центральные архивы и т. п.), или могутъ быть отпущены въ мѣста и учрежденія, которыя они сами свободно изберутъ для своихъ научныхъ изслѣдованій. Необходимо къ этому добавить, что медики и естественники могутъ поступить въ распоряженіе военнаго вѣдомства и работать непосредственно для войны.

Университетъ по своей идеѣ и по дѣйствующему законодательству есть учрежденіе ученое и учебное. Поэтому вполне понятно и допустимо, что, если учебная дѣятельность оказывается почему либо временно невозможной, университетъ ограничивается дѣятельностью ученой. Исторія нашихъ университетовъ знаетъ случаи учебнаго бездѣйствія и одной лишь ученой дѣятельности университета. Когда съ января мѣсяца 1905 г. польское общество стало бойкотировать русскую школу, Варшавскій Университетъ прекратилъ свою учебную дѣятельность на 3½ года и жилъ это время одной лишь ученой дѣятельностью. Никому и въ голову не приходило переводить Университетъ въ другой городъ. Полагаю, что нѣтъ никакой надобности переводить и нашъ Университетъ въ другой городъ на годъ-два возможнаго эвакуаціоннаго періода. Достаточно перевезти университетское имущество въ безопасное мѣсто.

Само собою разумѣется, не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы подъ предлогомъ эвакуаціи перевести нашъ университетъ изъ Юрьева въ другой городъ навсегда. Мы вѣримъ твердо въ побѣдосное окончаніе войны; во всякомъ случаѣ мы глубоко убѣждены, что, каковъ бы ни былъ исходъ войны, Прибалтійскій край останется за нами, и потому нашъ Университетъ долженъ остаться въ Юрьевѣ въ качествѣ передового поста русской культуры на крайнемъ западѣ Имперіи. Добровольная сдача культурныхъ позицій была бы вонющимъ нарушеніемъ историческихъ завѣтовъ нашего отечества. Рѣчь вообще можетъ идти только о временной эвакуаціи Университета, поскольку и когда предпишутъ ее военныя власти.

На случай такой эвакуаціи Министерство предполагаетъ перенести учебную дѣятельность нашего Университета въ другой городъ, причѣмъ имѣетъ въ виду использовать наши силы для заведенія новаго очага высшаго образованія, который остался бы на новомъ мѣстѣ послѣ того, какъ Юрьевскій Университетъ благополучно вернется на свое историческое мѣсто.

Поскольку это намъ будетъ предписано сверху, намъ очевидно придется заняться этимъ дѣломъ академической колонизаціи. Существенно важнымъ является при этомъ вопросъ о мѣстѣ для такой колонизаціонной дѣятельности.

Министерство намѣтило для открытія новаго Университета Приуралья и поручило проф. К. Д. Покровскому, командированному Совѣтомъ въ Нижній Новгородъ для надзора за размѣщеніемъ вывезеннаго туда университетскаго имущества, отправиться въ Уфу, Пермь и Екатеринбургъ для осмотра этихъ городовъ съ точки зрѣнія ихъ пригодности для эвакуаціи нашего Университета.

Объ исполненіи полученнаго отъ Министерства порученія проф. К. Д. Покровскій сдѣлалъ докладъ Совѣту. По предложенію Г. Ректора высказаться относительно пригодности городовъ Приуралья для эвакуаціи Университета, Совѣтъ въ засѣданіи своемъ отъ 13 ноября 1915 года заявилъ, что вообще онъ не можетъ развить своей дѣятельности полностью ни въ какомъ мѣстѣ временнаго пребыванія, но изъ трехъ городовъ, — Уфы, Перми и Екатеринбурга, — считаетъ наиболѣе пригоднымъ для эвакуаціи Университета Пермь.

На другой день послѣ только что указаннаго засѣданія Совѣта прибыли съ утра въ Юрьевъ почетный гражданинъ Перми г. Мѣшковъ и предѣдатель Пермской губернской земской управы. О цѣли ихъ пріѣзда и пребываніи ихъ въ Юрьевѣ Совѣтъ не освѣдомленъ.

Въ газетахъ стали появляться свѣдѣнія о томъ, что вопросъ о переводѣ Юрьевскаго Университета въ Пермь рѣшенъ, причѣмъ не указывалось о какомъ переводѣ идетъ рѣчь, — временномъ на время эвакуаціи или же ностоянномъ навсегда. Такъ какъ Пермь предлагаетъ Университету субсидію, рассчитанную на десять лѣтъ, то естественно было предположить, что Пермь имѣетъ въ виду подъ предлогомъ эвакуаціи заполучить Юрьевскій Университетъ навсегда. Среди большинства членовъ Совѣта, дорожащихъ интересами своей Alma mater, возникло опасеніе за ея судьбу. Подъ вліяніемъ этого опасенія, а также въ виду того, что постановленіе Совѣта отъ 13 ноября 1915 г. относительно Перми было лишь сужденіемъ Совѣта объ относительной пригодности городовъ Приуралья для эвакуаціи Университета, а отнюдь не окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о мѣстѣ для эвакуаціи, большинство членовъ Совѣта (свыше 30-ти) вошли къ Г. Ректору съ предложеніемъ о пересмотрѣ Совѣтскаго ностановленія отъ 13

ноября 1915 г., въ которомъ имѣлись формальные дефекты дѣлопроизводства¹⁾. При этомъ большинство членовъ Совѣта просили Г. Ректора о томъ, чтобы, буде Г. Ректоръ затруднится принять ихъ предложеніе, ходатайство о пересмотрѣ было представлено на усмотрѣніе Г. Министра.

Представленное Г. Министру ходатайство большинства членовъ Совѣта не было уважено, и пересмотра постановленія Совѣта отъ 13 ноября 1915 года относительно Перми не послѣдовало.

Совѣтъ однако неизмѣнно держался того мнѣнія, что въ постановленіи своемъ отъ 13 ноября 1915 г. онъ высказалъ лишь свое сужденіе объ относительной пригодности городовъ Приуралья для эвакуаціи Университета, но отнюдь не принялъ рѣшенія по вопросу объ окончательномъ избраніи мѣста для эвакуаціи. Совѣтъ всегда думалъ и надѣялся, что можетъ найтись городъ, несравненно болѣе пригодный для этой дѣли, чѣмъ Пермь. Не обладая самостоятельными административными функціями, Совѣтъ, къ сожалѣнію, не могъ производить самостоятельныхъ поисковъ въ этомъ отношеніи. Но тутъ навстрѣчу Совѣту пошли сами города.

Совѣтъ получилъ предложеніе отъ Екатеринослава. Предложеніе это совершенно чуждо вмѣшательства и давленія со стороны отдѣльныхъ лицъ, хотя бы и почетныхъ гражданъ города. Въ немъ отсутствуетъ элементъ частнаго предпріятія, и имѣется исключительно обращеніе къ намъ со стороны общественныхъ учрежденій. Въ виду угрожающей намъ, быть можетъ, эвакуаціи намъ предлагаютъ широкое и радушное гостепримство безъ всякихъ оговорокъ и не связываютъ насъ при этомъ обѣщаніями, рассчитанными на десять лѣтъ.

Совѣтъ по достоинству оцѣнилъ предложеніе Екатеринослава, обратившагося непосредственно къ Университету, и отправилъ въ Екатеринославъ своихъ делегатовъ для изученія мѣстныхъ условій, изслѣдованія матеріальныхъ средствъ и осмотра учреждений, предлагаемыхъ подъ Университетъ.

Вчера мы заслушали обстоятельный и прекрасный докладъ нашихъ делегатовъ, — профессоровъ В. П. Курчинскаго и А. Г. Люткевича. Сегодня намъ предстоитъ обсудить вопросъ о пригодности Екатеринослава для эвакуаціи Университета.

1) Въ повѣсткѣ засѣданія 13 ноября 1915 г. не было точно указано, что будетъ обсуждаться вопросъ объ избраніи Перми мѣстомъ эвакуаціи, и въ журнальной записи нѣтъ никакого предложенія, въ отвѣтъ на которое состоялось постановленіе Совѣта.

Приступая къ этому дѣлу, нельзя горячо не привѣтствовать того обстоятельства, что вопросъ о мѣстѣ эвакуаціи попалъ наконецъ въ естественное русло академическаго и коллегіальнаго его обсужденія. Совѣтъ получилъ возможность высказаться спокойно, не подъ тревожнымъ давленіемъ ожидаемаго пріѣзда лицъ, настаивающихъ, во что бы то ни стало, на переводѣ Юрьевского Университета въ ихъ городъ.

Какъ видно изъ доклада нашихъ делегатовъ, Екатеринославъ предлагаетъ намъ прекрасныя, можно сказать, блестящія условія. Поэтому я увѣренъ, что у Совѣта не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Екатеринославъ является несравненно болѣе подходящимъ мѣстомъ для эвакуаціи Университета, чѣмъ Пермь. Не подлежитъ также сомнѣнію, что и съ точки зрѣнія заведенія новаго очага высшаго образованія на мѣстѣ эвакуаціи Юрьевского Университета и при содѣйствіи личнаго его состава у Екатеринослава на лицо всѣ преимущества передъ Пермью.

Въ пользу предпочтенія Екатеринослава Перми какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи говорятъ какъ соображенія общегосударственныя, такъ и спеціальныя интересы Юрьевского Университета.

Пермь не имѣетъ будущаго. Она утратила свое прежнее руководящее значеніе въ Приуральскомъ краѣ и вынуждена была уступить его Екатеринбургъ. Заводить Университетъ въ Перми только для того, чтобы поднять значеніе падающаго города, врядъ ли цѣлесообразно. Приуралье съ его рѣдкимъ населеніемъ не можетъ дать своему Университету самостоятельнаго контингента слушателей, а изъ другихъ мѣстностей никто не поѣдетъ въ далекую и глухую Пермь, которая даже въ московскую эпоху нашей исторіи причислялась къ сибирскимъ воеводствамъ. Казанскій Университетъ, рассчитанный на гораздо болѣе широкій восточный районъ, чѣмъ Приуралье, не только не знаетъ переполненія, но на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, не достигаетъ комплекта слушателей, установленнаго Министерствомъ. На какой же контингентъ слушателей можетъ рассчитывать предполагаемый Пермскій Университетъ?! Совсѣмъ иначе рисуется перспектива Екатеринославскаго Университета. На благодатномъ и густо населенномъ югѣ, въ районѣ нашихъ угольныхъ копей и металлургической промышленности Екатеринославъ растетъ съ американскою быстротой. Промышленная и культурная жизнь Россіи ключомъ бьетъ на югъ и образуетъ торговопромышленный и культурный

районъ, который можетъ уже теперь стать на ряду съ моковскимъ райономъ. Екатеринославъ выросъ въ условіяхъ кипучей дѣятельности южного района, и ему предстоитъ блестящее будущее. Этотъ городъ можетъ и долженъ имѣть свой Университетъ. Таковы соображенія общегосударственнаго характера.

Переходимъ къ спеціальнымъ интересамъ Юрьевского Университета.

Всѣ предварительныя мѣры для эвакуаціи, предпринимаемыя университетской администраціей, сосредоточиваются на университетскомъ имуществѣ. Университетское имущество представляетъ собою большую экономическую и культурную цѣнность. Если можетъ угрожать опасность его потери, необходимо увезти его въ безопасное мѣсто. Спорить противъ этого не приходится. Замѣчается однако, что въ увлеченіи процессомъ спасенія вещей забываютъ о людяхъ. Въ результатѣ получается отождествленіе университета съ его имуществомъ. Отсюда уже дѣлается выводъ, что, гдѣ университетское имущество, тамъ и Университетъ. Такой выводъ не правиленъ: онъ основанъ на крупной ошибкѣ, — на полномъ забвеніи о людяхъ. Не лишнимъ будетъ напомнить, что въ Университетѣ кромѣ имущества имѣются и люди, — студенты и профессора.

Пермь представляетъ собою безусловно безопасное въ военномъ отношеніи мѣсто для сохраненія университетскаго имущества; быть можетъ, она даже весьма подходяща для этой цѣли и по цѣлому ряду техническихъ удобствъ, среди которыхъ нельзя, напр., не отмѣтить вполнѣ оборудованнаго предпріятія г-на Мѣшкова и Комп. по транспортированію грузовъ. Отсюда однако ничуть не слѣдуетъ, чтобы Пермь была подходящимъ мѣстомъ для учебной дѣятельности эвакуированнаго Университета. Напротивъ того, для этой послѣдней цѣли Пермь безусловно не подходитъ.

Наши студенты въ Пермь не поѣдутъ. Студентамъ эвакуируемыхъ университетовъ предоставлено право переводиться въ другіе университеты. Привыкшіе къ жизни на западѣ, наши студенты останутся на западѣ или же распредѣлятся въ центрѣ, вообще въ умѣренномъ климатѣ, т. е. переведутся въ Петроградскій, Московскій, Харьковскій, Варшавскій въ Ростовѣ на Дону Университетъ. Допустимъ однако, что они по тѣмъ или другимъ причинамъ ни въ одинъ изъ этихъ Университетовъ не попадутъ и будутъ вынуждены двинуться на востокъ. Тогда они направятся въ Казанскій Университетъ, который въ состояніи вмѣстить

всѣхъ нашихъ студентовъ кромѣ медиковъ и богослововъ. Разъ можно устроиться въ Казани, никто не поѣдетъ въ Пермь. Не сдѣлаетъ этого тотъ средній человѣкъ, въ расчетѣ на котораго строятся всѣ законодательныя и административныя мѣропріятія.

Не меньшую опасность представляетъ Пермь и для сохранения профессорской коллегіи. Личный составъ послѣдней слугается изъ людей среднихъ, въ значительной части болѣе чѣмъ среднихъ лѣтъ и просто старыхъ. Въ такомъ возрастѣ рисковано, небезопасно и прямо таки опасно мѣнить столь рѣзко климатическія и всѣ остальные условія жизни, какъ это пришлось бы сдѣлать при переселеніи изъ Юрьева въ Пермь. Поэтому, когда необходимость такого переселенія станетъ реальнымъ фактомъ, изъ профессорской коллегіи уйдутъ всѣ выслужившіе пенсію, всѣ матеріально обеспеченные настолько, что могутъ существовать безъ государственной службы, наконецъ всѣ тѣ, здоровью и жизни которыхъ переселеніе будетъ угрожать прямой и очевидной опасностью. Университетъ лишится значительнаго количества членовъ профессорской коллегіи, притомъ старѣйшихъ, на которыхъ всегда и повсюду зиждется академическая традиція, а ею вѣдь и живы Университеты. Поѣдутъ въ Пермь только профессора матеріально не обеспеченные, невольно дорожащіе жалованьемъ и будущей пенсіей, поѣдутъ по нуждѣ. И какъ разъ профессорамъ, матеріально не обеспеченнымъ, придется выносить всю ту матеріальную нужду, которая неизбежна при переселеніи и жизни на бивуакахъ, да еще къ тому же въ условіяхъ суроваго климата, для котораго у жителей умѣреннаго климата нѣтъ даже подходящаго одѣянія. При такихъ условіяхъ трудно будетъ найти въ себѣ духовный подъемъ для научныхъ занятій. Слѣдуетъ добавить, что безъ оборудованныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій заниматься наукою нельзя будетъ. Останется одна лишь подавленность духа. Въ такомъ состояніи сильно порѣдѣвшая Юрьевская профессорская коллегія въ Перми не въ силахъ будетъ завести новый очагъ высшаго образованія въ истинномъ смыслѣ этого слова. Не получится такимъ образомъ новаго очага, а старый будетъ разоренъ. Ученыхъ у насъ мало, каѳедры пустуютъ годами. Поэтому необходимо дорожить наличными учеными коллегіями и не ставить ихъ въ такія условія, которыя угрожаютъ имъ распадомъ.

Когда мы говоримъ о спеціальныхъ интересахъ Юрьевскаго Университета, намъ возражаютъ, что нельзя противопоставлять этихъ интересовъ интересамъ общегосударственнымъ. Предъ по-

слѣдними должны смолкать какъ спеціальныя интересы Юрьевскаго Университета, такъ и тѣмъ болѣе личные интересы юрьевскихъ профессоровъ. Постараемся разобратъся въ этихъ возраженіяхъ и начнемъ съ личныхъ интересовъ юрьевскихъ профессоровъ.

Намъ говорятъ: хорошо ли, плохо ли сложится личная жизнь профессоровъ въ Перми, это безразлично, разъ дѣло идетъ объ интересахъ общегосударственныхъ, особенно въ военное время, когда всѣ несутъ жертвы. Еслибы, отвѣтимъ мы, рѣчь шла объ отправленіи профессоровъ на фронтъ, то юрьевскіе профессора отдали бы свою жизнь такъ же, какъ отдаютъ ее сотни тысячъ русскихъ гражданъ, ибо въ этомъ былъ бы ихъ долгъ. Но болѣть, превратиться въ инвалида и завѣдомо сокращать свою жизнь ради открытія Университета въ Перми, — такого долга нѣтъ и быть не можетъ. Когда открывали Университетъ въ Томскѣ, то никого не посылали туда насильно. Пошли въ томскую профессуру желающіе и пошли молодыя силы, помощью которыхъ совершается обычно всякая культурная и просвѣтительная колонизація. Если будетъ въ обычномъ порядкѣ открываться Университетъ въ Перми, Юрьевскій Университетъ охотно отрядитъ для него свои молодыя силы, но въ принудительномъ переселеніи въ Пермь мы не видимъ ни военной, ни государственной необходимости. Мы отнюдь не убѣждены въ томъ, чтобы именно Пермь была въ настоящее время наиболѣе подходящимъ и, такъ сказать, стоящимъ на очереди мѣстомъ для открытія Университета. Мы не можемъ понять, почему государственныя интересы сходятся именно въ Перми. Екатеринбургъ, Тамбовъ, Воронежъ представляются намъ несравненно болѣе подходящими, чѣмъ Пермь, какъ для заведенія новаго очага высшаго образованія, такъ и для временнаго пребыванія Юрьевскаго Университета.

Переселеніе въ Пермь угрожаетъ нашей профессорской коллегіи распаденіемъ и Университету разваломъ. Разъ мы это предвидимъ, мы обязаны объ этомъ заявить. Этого требуетъ отъ насъ нашъ нравственный долгъ по отношенію къ *Alma mater*, наша отвѣтственность предъ исторіей русскаго просвѣщенія вообще и въ Прибалтійскомъ краѣ въ особенности; этого же требуетъ отъ насъ и нашъ служебный долгъ по отношенію къ высшему начальству. Исполняя этотъ долгъ и сознавая эту отвѣтственность, мы дѣлаемъ Государево и земское дѣло по совѣсти и крайнему нашему разумѣнію.

Рѣчь проф. М. Н. Крашенинникова,

произнесенная въ засѣданіи Совѣта Императорскаго Юрьевскаго Университета 27 февраля 1916 года

по вопросу объ эвакуаціи Юрьевскаго Университета

и напечатанная по постановленію Совѣта.

Вполнѣ присоединяясь къ соображеніямъ, которыя высказалъ въ своей прекрасной рѣчи проф. Ѳ. В. Тарановскій, я, съ своей стороны, считаю долгомъ возразить одному изъ предшествовавшихъ ораторовъ, который, несмотря на всѣ свои оговорки, что де онъ вовсе не является сторонникомъ перевода нашего Университета непремѣнно въ Пермь, все же по существу дѣла, несомнѣнно, оказывается, такъ сказать, адвокатомъ именно Перми, такъ какъ, довольно рѣшительно высказываясь противъ Екатеринослава, онъ выступаетъ съ такими предложеніями, въ случаѣ осуществленія которыхъ неизбѣжно затормозилось бы на болѣе или менѣе продолжительное время рѣшеніе даннаго вопроса, и притомъ затормозилось бы именно въ интересахъ Перми, куда уже теперь слишкомъ поспѣшно отправляется университетское имущество, даже необходимое для обезпеченія преподаванія.

Изъ такихъ предложеній упомянутаго оратора, клонящихся, такъ сказать, къ укрѣпленію позиціи именно Перми въ данномъ случаѣ, укажу два слѣдующихъ:

1) предложеніе его обратиться еще къ какимъ нибудь городамъ, напр. къ Минску, Тамбову, Воронежу и др., для выясненія возможности временнаго перевода нашего Университета въ какой либо иной городъ, кромѣ Перми и Екатеринослава, и

2) предложене составить смѣту расходовъ по перемѣщенію нашего Университета въ другой городъ и возбудить ходатайство предъ Министерствомъ Нар. Просв. объ ассигнованіи на это соотвѣтственныхъ суммъ, — такъ какъ де не слѣдуетъ слишкомъ уповать на дѣйствительное полученіе тѣхъ средствъ, которыя обѣщаетъ ассигновать Екатеринославъ (или другіе города и земства) въ возмѣщеніе расходовъ по переводу Университета.

По заслушаніи обстоятельнаго и убѣдительнаго доклада относительно Екатеринослава обоихъ нашихъ делегатовъ, профессоровъ В. П. Курчинскаго и А. Г. Люткевича, а равно и послѣ рѣчи проф. О. В. Тарановскаго, столь краснорѣчиво доказавшаго намъ, какъ пагубно можетъ отразиться на судьбѣ нашего Университета даже кратковременная попытка перемѣщенія послѣдняго въ Пермь, — я, естественно, прихожу къ заключенію, что Екатеринославъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ безусловное предпочтеніе предъ Пермью, и полагаю, что къ такому же выводу приходитъ и огромное большинство Совѣта.

Что же касается тѣхъ возраженій противъ Екатеринослава, которыя были высказаны вышеупомянутымъ ораторомъ, то они распадаются на три слѣдующихъ группы:

1) Категорическія заявленія общаго характера, что де „ни одно правительство не переведетъ Университета въ Екатеринославъ“, и что „никакая Государственная Дума не согласится на это“.

2) Ссылки на то, что Министерство Нар. Просвѣщенія уже твердо рѣшило перевести нашъ Университетъ именно въ Пермь, и что Г. Министръ Нар. Просв. высказался противъ перевода Университета въ Екатеринославъ.

3) Ссылка на какую то уже составленную въ Министерствѣ и принятую къ руководству „схему“ постепеннаго учрежденія университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ различныхъ городахъ Россійской Имперіи, — каковая „схема“, предъказывая учрежденіе университета въ Перми, вовсе не предъказываетъ того же для Екатеринослава.

По поводу аргументовъ, отнесенныхъ мною къ первой группѣ, слѣдуетъ замѣтить, что хотя эти категорическія заявленія и были сдѣланы ихъ авторомъ съ такою увѣренностью, что со стороны, пожалуй, можно было бы подумать, что устами его вѣщаетъ это, по меньшей мѣрѣ, Г. Предсѣдатель Совѣта Министровъ или вся Государственная Дума in corpore, — нельзя не признать этихъ заявленій совершенно безпочвенными уже потому,

что почтенный ораторъ вовсе не является ни предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, ни олицетвореніемъ Государственной Думы. Поэтому вдаваться въ детальную критику такихъ заявленій его я и не считаю нужнымъ.

По поводу второй группы его аргументовъ я имѣю возразить слѣдующее.

Если бы въ настоящее время военныя власти предписали немедленную эвакуацію нашего Университета изъ Юрьева, то само собою понятно, что это приказаніе и подлежало бы немедленному исполненію, причѣмъ намъ и незачѣмъ было бы обсуждать вопросъ о Перми или Екатеринославѣ. Но пока данное дѣло еще не вышло изъ предѣловъ гражданскаго вѣдомства, и въ особенности теперь, когда все болѣе и болѣе развивающіеся успѣхи русскаго оружія усиливаютъ въ насъ надежду, что эвакуировать нашъ Университетъ изъ Юрьева и не придется, — мы, члены Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета, помня, что мы должны служить Государю и Отечеству „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“, не только имѣемъ право, но и должны считать своею нравственною обязанностью обратить вниманіе Министерства Нар. Просв. на тѣ нагубныя послѣдствія, какія можетъ повлечь за собою фактическое осуществленіе желанія Министерства перевести нашъ Университетъ въ Пермь, — и мы должны это непремѣнно сдѣлать, ни мало не страшась того, что наше мнѣніе по данному вопросу идетъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ или желаніемъ Министерства.

Наконецъ, по поводу ссылки на пресловутую министерскую „схему“, намѣчающую основаніе университета въ Перми и исключаящую въ данномъ отношеніи Екатеринославъ, я долженъ замѣтить, что мнѣ совершенно неизвѣстно, кто сочинялъ такую „схему“ и какими соображеніями онъ руководился при этомъ, — но, если дѣйствительно такая схема существуетъ, то я категорически утверждаю, что въ этихъ своихъ частяхъ она безусловно должна быть отвергнута. Ссылающійся на нее ораторъ утверждаетъ, что при ея выработкѣ были приняты во вниманіе общегосударственныя соображенія, — но мнѣ думается, что мысль объ учрежденіи университета въ Перми навѣяна вовсе на общегосударственными, а скорѣе какими либо специальными соображеніями.

Я охотно допускаю, что въ Перми стоитъ основать какое либо специальное высшее учебное заведеніе, напр. хотя бы горный институтъ (въ виду близости Перми къ Уральскому горному

хребту), — но категорически утверждаю, что для учрежденія въ Перми университета нѣтъ рѣшительно никакой почвы, и уже примѣръ Томскаго и отчасти Казанскаго Университетовъ, которые основаны гораздо раньше и притомъ находятся въ несравненно болѣе благопріятныхъ культурныхъ условіяхъ, но все же (въ особенности Томскій Университетъ) еще очень далеки отъ процвѣтанія, — уже эти примѣры достаточно краснорѣчиво доказываютъ, что въ Перми университетъ ни въ какомъ случаѣ процвѣтать не можетъ.

Основывать въ Перми университетъ — это, по моему мнѣнію, все равно, что пытаться посадить пальму въ тундрѣ, и, конечно, вовсе не надо быть специалистомъ по ботаникѣ или древонасажденію, чтобы понять, что отъ такой попытки ничего путнаго не можетъ выйти.

Итакъ я полагаю, что въ случаѣ, если военныя власти признаютъ необходимой эвакуацію нашего Университета, то послѣдній слѣдуетъ временно эвакуировать именно въ Екатеринославъ, но никоимъ образомъ не въ Пермь.

Цѣна 2 рубля.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ Т. I (1898), Т. II (1899) и Т. III (1900) Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „рекомендованъ для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ всѣхъ вообще, такъ и въ особенности Рижскаго учебнаго округа“.

Съ требованіями обращаться въ Учено-Литературное Общество при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.